

Андрей Рубанов
Живая земля

Хлорофилия – 2

Андрей Рубанов
Живая земля

Часть 1

Глава 1

К часу ночи они дошли до тридцать третьего этажа.

Снаружи Денис был покрыт пылью, под комбинезоном – обливался потом. Пыль была везде. Тонкая, как пудра, она плохо пропускала свет фонариков. Шедший первым Глеб ставил ногу на ступень – и поднималось новое облако невесомой дряни. Таня двигалась второй, часто сбивалась с шага, делала много лишних движений, каждое из них – неловкое касание стены или перил либо чрезмерно старательный удар подошвы по цементному полу – взметывало обильные и плотные вихри пыли. Денис был замыкающим, ему доставалось больше всех.

Перчатки насквозь промокли и почернели, очень хотелось их снять и почесать запястья, но Денис знал, что ладони его под перчатками такие же черные, как сами перчатки. Денис не хотел, чтобы Таня видела его грязные руки; она презирала неопрятных людей.

Перчатки стоили приличных денег – толстые, льняные, купленные в магазине народного кооператива «Все свое». Скользящая их ткань не нравилась Денису, он предпочел бы иметь такие перчатки, как у Глеба Студеникина: хлопковые. Китайские. Контрабандные.

Но в России хлопок не растет, и хлопковая одежда была Денису не по карману.

Он поймал себя на том, что в уме называет Глеба по фамилии, и немного устыдился. Все-таки лучшего друга лучше называть по имени. И вслух, и в уме.

Хотя Таня, например, всегда называет Глеба только по фамилии. «Не сходи с ума, Студеникин». Впрочем, женщин вообще трудно понять.

И потом, подумал Денис, наблюдая, как Глеб мерно переставляет ноги со ступени на ступень, еще неизвестно, чем закончится эта дружба. Друг никогда не уведет у тебя девушку. А Глеб увел. Взял и увел девушку Таню у своего друга Дениса. Он, Глеб Студеникин, уведет любого и любую.

Ладно, ему виднее. Он старше. Против Дениса Глеб Студеникин – взрослый мужчина двадцати пяти лет. Это по паспорту, а на вид ему все тридцать. Есть даже морщина на лбу.

А у Тани все наоборот: она смотрится девочкой, малолеткой; кукольное личико, так и хочется сказать «глазки» вместо «глаза». Или «носик» вместо «нос». Но попробуй скажи: «девочка» сузит «глазки», сверкнет ими и выдаст что-нибудь свое, какую-нибудь домашнюю заготовку – у нее низкий грудной голос, и она умеет им пользоваться – и ты в лучшем случае поперхнешься и покраснеешь.

Глебу хорошо, он не умеет краснеть, Танины фразочки его не трогают. Или трогают, но он не подает виду.

Денис смотрит на спину Тани; комбинезон на два размера больше, чем надо, но Таня перетянула его ремешками – на талии, под коленями, под грудью и возле щиколоток, она выглядит замечательно.

– Стоп, – выдохнул Глеб, останавливаясь. – Тридцать пятый.

Таня тут же присела на ступени, вытянула ноги.

– Тебе пора, – сказал ей Глеб. – Отдохни две минуты и возвращайся.

Таня посмотрела на спутников – сначала на одного, потом на второго, причем, как ревниво отметил Денис, чуть дольше задержала взгляд на лице Студеникина – и рассмеялась.

– Весело тебе, да? – сурово спросил Глеб.

– Да, – призналась Таня. – Если б вы себя видели! Вы такие серьезные – обхохочешься. Настоящие мачо. Суровые парни, покорители мира...

По обычаю каждый из троих освещал фонариком собственное лицо – Глеб и Денис, как все мужчины, делали это небрежно, снизу, Таня же старалась подсвечивать чуть сбоку, чтобы хорошо выглядеть. В Москве давно не было уличного света, зато фонари, продаваемые в магазинах народного кооператива «Все свое», стоили дешево, весили мало и служили долго.

– Малыш, – сказал Глеб, – я не шучу. Все шутки остались внизу.

Денис промолчал.

Он бы тоже хотел сказать ей: «малыш». Хотя один раз. Но она не прощала «малыша» даже Глебу. Считала прозвище пошлым и вдобавок слишком интимным. Альковным.

Женщины, философски подумал Денис, в пятый раз проверяя замок на поясном ремне. Женщина всегда делает вид, что презирует пошлость, а потом хоп – видишь ее в ресторане, раскрасневшуюся, в компании какого-нибудь разложенца, жуткого пошляка; она совершенно пошлым образом закидывает ногу на ногу и хохочет над самыми наипошлейшими шутками кавалера.

– Да, – сказал он Тане, выдавая отрепетированную «скупую улыбку». – Мачо или не мачо, но тебе пора.

Глеб втянул носом воздух. Нос его, подсвеченный снизу, выглядел дико: дважды сломанный, крючковатый, с длинными, узкими, подвижными ноздрями.

Таня молчала. Лицо Глеба сделалось словно деревянным.

– Во-первых, – тихо сказал он, – мы договаривались. Доходим до тридцатого, и ты возвращаешься. Ты обещала. И мне, и ему (он посмотрел на Дениса; тот кивнул). Во-вторых, наверху тебе просто нечего делать. В-третьих, ты все равно не дойдешь, потому что неправильно двигаешься. Я говорил, что надо ставить на ступень только мысок (Глеб подсветил себе фонариком и показал) и напрягать икроножную мышцу. А когда икра устанет

– ставить уже всю ступню, и напрягать переднюю поверхность бедра. И еще – активнее работать ягодицами...

– Не учи меня, – грубо ответила Таня, – работать ягодицами.

– Хорошо, – благосклонно произнес Глеб. – Не буду. Но сейчас – возвращайся. Пожалуйста.

Таня сменила тактику: сложила губки бантиком и посмотрела снизу вверх, льстиво-умоляюще. У гордых людей такие взгляды не получаются, и у нее не получилось.

– Послушай, – миролюбиво сказал Глеб. – Наверху ничего нет. Грязь, битое стекло и дерьмо. Кошки дохлые... И так – семьдесят пять этажей подряд. Наверху у нас заберут груз, дадут денег – и всё, мы пойдем назад.

– Знаешь что, Студеникин, – спокойно сказала Таня. – Пошел ты в жопу!

Развернулась и зашагала вниз.

Глеб хлопнул Дениса по плечу и крикнул:

– Я не могу пойти в жопу!

Таня не обернулась. Глеб хмыкнул и добавил:

– Я уже там!

Таня ничего не ответила, дисциплинированно светила себе под ноги.

Студеникин подождал, пока звук ее шагов затихнет, и хрипло пробормотал:

– Баба с возу – ей же хуже.

– Хорошо, что в лифт не послала, – сказал Денис.

– Она не будет посылать меня в лифт, – сказал Глеб. – Она не настолько груба.

Потом они несколько минут молчали, восстанавливали дыхание. Готовились. Выпили по два глотка воды.

– Держи обычную скорость, – хриплым полусшепотом учил Студеникин. – Сто пятьдесят ступеней в минуту. Вся дистанция – десять минут, полторы тысячи ступеней. Сто лет назад люди с такими результатами избегали на «Эмпайр стейт билдинг» и были чемпионами. Но они были спортсмены. Шли не отвлекаясь, а главное – без груза. Да и строили тогда по-другому. Толщина перекрытий была больше, потолки – ниже. И меньше ступеней на каждом марше. Мы с пацанами для прикола как-то съездили в Бутово, зашли в старый лужковский дом. Там – всего восемь ступеней на каждый марш, и сами марши очень крутые... То есть ты понял, да? Сто лет назад люди были физически сильнее, а лестницы – круче.

– Люди были круче, – сострил Денис.

– Что?

– Люди, говорю, были крутые, и лестницы тоже.

– Крутые? – переспросил Глеб. – Не знаю. Не уверен. Мир был злее, а люди – добрее. Это во-первых. Во-вторых, нас с тобой тогда не было. Ты не видел тех людей, я тоже. Правильно?

– Да, – сказал Денис.

Глеб сплюнул и выключил фонарь.

– Наши пацаны, – сказал он, – круче тех спортсменов. Наши таскают по двадцать килограммов, делают по три рейса за ночь, причем до семидесятого этажа идут спокойно, а дальше делают резкий рывок на пятнадцать – двадцать маршей...

– Зачем?

– Так надо. Ты не болтай, лучше дыши. И пульс проверь. В нашей команде рекорд – сто килограммов балабаса за ночь. На одного. Иногда берем заказы на всю бригаду, например – тонну дизельного топлива. Разливаем по канистрам – и пошли, группами по пять – семь человек. Но это редко. Кто посерьезнее, у кого постоянная клиентура – те в одиночку работают или в паре...

– Как ты, – сказал Денис.

– Я? – Студеникин хмыкнул. – Я, брат, таскаю балабас уже девять лет. Мне давно пора завязывать. Ты как, продышался?

– Еще минуту.

– Не торопись; время есть. Дыши спокойно. И слушай внимательно. Это плохая башня, тут много народу. Но до сороковых этажей проблем не будет. Пойдем спокойно, без спешки. Дальше придется без фонарей. Я вставлю инфракрасные линзы, а ты держись прямо за мной. После сорок второго пойдут дурные уровни, бестолковые. Сплошные сквоты, молодежь, наркоманы, балбесы всякие, случайные любители приключений и прочие идиоты. Грязь, вонь, везде обоссано, постоянно костры жгут... Дымно, дышать нечем... Те места никто не любит. В смысле никто из моей команды. Понял?

– Понял, – сказал Денис. – А сколько людей в твоей команде?

– Примерно тридцать пацанов, – после паузы ответил Студеникин. – Старший – Хобот, ты его знаешь. Мы держим три башни. Эта, еще «Ломоносов» и «План Путина». Но люди часто меняются. Обычно пацан приходит на три месяца, на полгода, денег заработает – и отваливает. Кого-то патруль ловит. Кого-то скидывают...

– Куда? – спросил Денис.

– Вниз, – сухо сказал Глеб. – Поймают, отберут балабас – и выбрасывают. В окно.

– И часто... ловят?

– Зависит от башни. Наши дома тихие, спокойные. Тут мы теряем двоих-троих в год. Самая опасная башня – «Федерация». Особенно седьмой пояс. Люди бьются раз в месяц. Но там у каждого серьезного пацана – нанопарашют. Очень полезная штука. Размером с фильтр от сигареты. Стоит бешеных денег, зато жизнь спасает. Суешь его в карман – и пошел. Поймают, выкинут из окна, а у тебя парашют в кулаке зажат...

– Черт, – сказал Денис. – Почему ты раньше не рассказывал?

Глеб усмехнулся.

– Во-первых, ты не спрашивал. Во-вторых, пока человек сам не взялся за рюкзак, ему все знать необязательно.

– А у тебя есть такой парашют?

– Нет, – сказал Студеникин. – Я не собираюсь всю жизнь балабас таскать. Накоплю сколько надо – и завяжу. Но ты не перебивай, а слушай. После сорок пятого уровня будет труднее. Там всякие мелкие негодяи, гопники, тухлые притоны – в общем, неприятно, но не смертельно. Могут крикнуть что-нибудь или камнем кинуть. Эти места мы проходим на средней скорости. Там все пропитые и прокуренные, даже если кто погонится – не выдержит и десяти маршей. Но останавливаться нельзя, ни в коем случае. Кого-то увидишь – не обращай внимания. Если что-то скажут или крикнут – не отвечай. Схватят за рукав или плечо – бей сразу, не глядя, ногой, рукой, головой, чем получится, – и ускоряйся. Ясно?

– Да.

– Повторяю первое правило: от любой угрозы уходим вверх, и только вверх.

– Я знаю, Глеб. Ты сто раз повторял.

– Ты слушай, слушай. Испугаешься, пойдешь вниз – догонят. Пойдешь вверх – не догонят никогда. Без тренировки ни один гопник не выдержит ускорения на пятнадцать маршей вверх... Даже не гопник, а любой крепкий человек, даже некурящий, даже спортсмен – не выдержит, потому что бегать вверх – это дело хитрое...

– А если андроид? – спросил Денис. – От него еще никто не убежал.

– Во-первых, убежал, – ответил Глеб. – Человек от любой машины убежать может. Потому что он жить хочет, а машина – вообще не живет. Во-вторых, андроиды тут не водятся. На пятидесятых живет мелкая шушера, козлы всех мастей, им андроиды не по карману. Не та публика. В-третьих, ты когда в последний раз андроида видел? Даже государственного? Они давно на складах хранятся. В резерве. До лучших времен. Все обесточены.

– Говорят, не все.

– Конечно, не все, – согласился Студеникин. – Некоторых используют для спецопераций. Емельяна Головогрыза именно андроиды брали. Но здесь ты их не увидишь. Клоны есть, да. Раз в год встречаю. Плохие клоны, низкого качества. Кустарные. Дебилы

кривые. Не то что бегать – ходят с трудом. В основном тут баб клонируют, сам знаешь для чего. Клоны стареют очень быстро, ими год-два пользуются, а потом выгоняют, и они бродят по этажам, грязные, голодные... Смотреть страшно. Потом попадают под облаву, их вывозят в резервации, там они подышают тихо, вдали от людей... А андроидов – нет, никто из наших ни разу не видел.

Некоторое время Студеникин молчал, потом произнес:

– Только, говорят, на резервных складах андроидов давно нет. Всех продали по-тихому. За границу. Русские андроиды ценятся. Они как автоматы Калашникова – дешевые, простые и безотказные. Ты знаешь, допустим, что в литиевой войне между Чили и Боливией бились пять тысяч русских андроидов, причем с обеих сторон?

– А ты там был? – иронично осведомился Денис. – На литиевой войне?

– Не был, – спокойно согласился Глеб. – Но я телевизор смотрю. В отличие от тебя. Это вы, интеллектуалы, телевизором брезгуете. А я – простой парень. Ни папы, ни мамы, рванина детдомовская... Я телевизор смотрю. Нулевой канал. Конечно, там вранья много, всякой дешевой пропаганды, но иногда такое видишь, что не захочешь – поверишь. Вчера показывали реального американского андроида, на запчасти разобранного, а какой-то профессор пальцем тыкал и объяснял, что американский боевой андроид в сильный дождь воевать не идет, потому что защита срабатывает. А при минус пятнадцати по Цельсию у него зависает операционная система. И еще – ему нужна обязательная ежедневная диагностика. Русскому тоже нужна, но американский дурень без диагностики сражаться не может, а русский – может...

– Тебе виднее, это ты у нас патриот, – сказал Денис, подкидывая дровишек в их старинный спор, длящийся уже три года.

– Дальше слушай, – раздраженно рекомендовал Студеникин, не поддавшись на провокацию. – Шестидесятые уровни – мертвая зона. Там – никого, но места опасные. Повторяю второе правило: твоя территория – только лестница, на этаж заходить нельзя. То есть ты понял, да? Поссать, передохнуть – только на лестнице. Даже если на этаже кто-то будет ребенка расчленять или баба голая пальцем поманит – это не твое дело. И вообще, это может быть подстава, голограмма. Третье правило – не приближайся к окнам. Есть стекло или его нет, разбито – к внешней стене не подходи. Пролетит патрульный вертолет, увидят – сразу расстреляют. А могут и ракетой шарахнуть. Без суда и следствия...

– Понял.

– И четвертое правило: прошел седьмой пояс – ставь свечку. На семидесятых мы ускоряемся по полной программе. Там самое трудное. Там сидят отмороженные. Беглые уголовники, наркомафия и так далее. Чаще всего наши пропадают именно на семидесятых. За пять литров воды пацана могут на части порезать. Выстрелов не бойся, если человек бежит по лестнице вверх – в него почти невозможно попасть. Максимум – срикошетит от стены или от перил. Держись ближе к стене, при повороте с марша на марш отталкивайся плечом и бедром. Следи за дыханием. Хуже всего – если засада. Сейчас есть популярная новинка, какой-то гад изобрел: натянут, суки, нить из нановолокна поперек марша – и ждут. Нитку глазом не видно, толщина – десять микрон, а выдерживает она десять тонн веса. Бежишь – и вдруг тебя пополам перерезает, ноги налево, руки направо... Или, если нитка на уровне шеи, голова падает, а сам ты дальше побежал, навряд ли курицы... Но это я так, страсти нагоняю. У нас тут народец дремучий, я не слышал, чтоб кто-то на нитку напоролся. Вот «Федерация» – это душегубка, там в прошлом году пятеро на нитку попали. Одного вообще на пятьдесят кусков развалило...

Глеб замолчал, включил фонарь, посветил в лицо Денису. Хочет понять, испуган я или нет, подумал Денис и заслонился ладонью.

– Пройдем семидесятые – можно расслабиться. Дальше до самого верха безопасно. Только на восемьдесят шестом будет проблема, там один марш взорван. Кто-то с кем-то воевал. Когда траву сожрали и начался реальный голод, люди обвинили во всем китайцев и пошли громить сотые этажи. Китайцы, понятно, сбежали, но не все, кто не успел –

защищался. Я несколько раз ходил на «Чкалов» – там все уровни выше девяностого сожжены дотла. Был такой Виктор Саблезуев, захватил милицейский вертолет, целый день летал и ракетами пентхаусы расстреливал. Пока его не сбили...

– Знаю, – сказал Денис. – Слышал. Только он не захватывал вертолет. Он сам был офицер милиции.

– Не важно. Короче говоря, сейчас выше семьдесят восьмого никого и ничего нет. Только свои пацаны. У многих наших там склады и тайники. В районе девяностых.

– А у тебя есть тайник?

– Есть, – сказал Глеб. – И не один. И тайники есть, и схроны. Но это не твое дело. Готов?

– Готов.

– Тогда пошли.

Ноги надо ставить правильно. Шагать не вразвалку, а строго по прямой, чтобы плечи не ходили вправо-влево и не расходовались лишние силы. Хотя сначала может показаться, что вразвалку – легче и проще. Корпус надо немного наклонить, чтобы рюкзак отягощал всю плоскость спины, а не только плечи. Следить за мышцами: переработает икра или бедро – будет судорога. Правая рука всю работу: хватает перила, тянет корпус вверх. У Глеба правая рука вдвое сильнее левой, и если драка – он только правой действует или – если один против нескольких – ногами; а ноги у него – как у лошади, каменное мясо, сила бешеная, взрывная, ударит в грудь – человек в воздух поднимается и на пять метров летит. А потом полчаса лежит, думает.

Денис выше Глеба, и плотнее, и плечи шире, и кости длиннее. Перед сегодняшней доставкой – первым реальным делом – Денис четыре месяца тренировался, и норму – полторы тысячи ступеней за десять минут с грузом в пятнадцать килограммов – выполняет легко. Но все равно против Глеба Студеникина он маленький мальчик.

На разных этажах лестница выглядела разное, и мусор был разный, и грязь, и пыль. Жестянки из-под напитков, кучи старых фекалий, обломки мебели исчезли после пятидесятого уровня, дальше было чище и свежее, а бытовой мусор и вовсе пропал – видимо, на большой высоте умели приспособлять в хозяйство даже самое мелкое барахло. Двери на этажи почти все или были распахнуты настежь, или вообще отсутствовали, за черными проемами угадывались гулкие залы, оттуда тянуло ветром, то теплым, то ледяным; Денис замечал пятна света или ловил запахи жилья; минимум дважды донеслась музыка. Башня была обитаема, тут везде жили, и на опасном семьдесят третьем они с Глебом поочередно наступили в дерьмо отнюдь не древнее, а отменной первой свежести. Метались тени, звучали голоса, и даже счастливый женский хохот, на опаснейшем семьдесят седьмом. Дом был слишком огромен, чтобы не иметь обитателей, живущих хоть и скрытно, но вполне полноценно, и Денис лишний раз получил подтверждение недавно посетившей его догадки: количество людей, желающих жить «не как все», – велико. Возможно, тех, кто не хочет жить «как все», даже больше, чем тех, кто хочет.

Глеб Студеникин не желал быть «как все». Он далеко зашел в своем презрении к тем, кто живет «как все». За это Денис был почти готов простить своему лучшему другу даже историю с Таней.

Он сам все испортил. Познакомить свою девушку с лучшим другом – дежурная процедура, так ведь? А через месяц Таня была уже не его, Дениса, девушка. А девушка Глеба Студеникина. Вот вам и девушки. Что можно подумать про девушку Таню и про всех на свете девушек после такого случая?

Слава богу, хватило ума сразу все понять и не выяснять отношения. Таня, кстати, попыталась сама: пришла, тихая, красивая, нарядная, какой-то приятный шарфик на шее, а круглые белые плечи, наоборот, голые; улыбалась, гладила по бицепсу, тянулась поцеловать в щеку, что-то лепетала с изумившей Дениса стеснительностью, но суровый парень Денис

сказал только: «Не надо, я все понимаю». И больше ничего. И даже дал ей завершить прощальный поцелуй, сухими губами в щеку. Очень круто было, одной фразой начать и закончить разговор. И это прикосновение губ к твердой колючей щеке, под кожей желвак сыграл, и ушам почему-то жарко стало... Круто было. Правильно. По-взрослому. Потом Денис себя уважал. А Таню, наоборот, немного перестал уважать. Зачем нарядилась, как романтическая какая-нибудь Ассоль, если пришла сказать, что все кончено? Надела бы телогрейку, косынку, сапоги кирзовые, не так было бы обидно.

А Глеб – тот ничего ему не сказал, вообще. На то он и Глеб Студеникин: поманил девчонку пальцем – и она побежала. А тому, от кого убежала – лучшему другу, – только в глаза посмотрел, без выражения. Мол, ничего личного. Самка выбрала лучшего самца, любовь зла, сердцу не прикажешь, и все такое.

На восемьдесят восьмом остановились отдышаться и попить.

– А этот клиент... – спросил Денис, – он кто?

– Не знаю, – ответил Глеб. – И знать не хочу. Знаю, что у него денег – валом, и звать его Постник. То ли прозвище, то ли фамилия... Но у таких каждый год новая фамилия. Вообще, про клиента у нас говорить не принято. Даже среди своих пацанов. Мало ли по какой причине человек на сотый этаж забрался? И вниз не хочет. Может, он в десяти странах к смертной казни приговорен... Или просто людей ненавидит. Одно могу сказать – таких, как он, много и все они сумасшедшие. Так что – когда дойдем, ничему не удивляйся...

– А откуда у него деньги?

– Слышь, – печально сказал Глеб. – Если взялся за рюкзак – о таких вещах никого никогда не спрашивай. Понял, да?

– Да.

Глеб пил, как спортсмен: набирал в рот, смачивал горло и выплевывал. На пыльном полу вода скатывалась в мелкие шарики.

– Говорят, – неохотно продолжил он, – до искоренения Постник был очень богатый, и этаж, где он сейчас сидит – девяносто первый, – это был его этаж. Собственный. То есть ты понял, да? Он всегда там жил. Верхние уровни обесточили, а он не захотел спускаться. Сам знаешь, когда башни расселяли – много чего случилось. Народ помельче, обыватели – сразу послушно спустились, со своих тридцатых и сороковых. А вот те, кто жил от шестидесятого и выше, кто своим трудом наверх пробился, – с ними была проблема. Многие не поверили, что башни отключат. Представь – всю жизнь работать ради светлой квартиры, в двенадцать комнат, на семьдесят пятом, и вдруг тебе говорят – выходи, живи как все, на десятом, в коммуналке, с пятью соседями... У многих в голове не укладывалось. Люди сидели до последнего. Сами себе воду таскали, дровами топили, при свечах жили...

– Я тоже печку топил, – сказал Денис. – Хорошо помню. И свечи помню. Мне пять лет было, когда мы с матерью спустились.

Студеникин остановился.

– Отдохнем. Тут уже совсем хорошо. Безопасно. Сними рюкзак, присядь.

Он включил фонарь и протянул Денису мятый кусок бумаги.

– На вот. Нашел недавно. Подарок тебе.

Денис расправил плотный, обгоревший с одного края лист, увидел знакомые буквы. В свете фонаря переливались, мерцали одиннадцать элегантно начертанных знаков, приплывших из волшебного легендарного прошлого. Из времен, когда все были сыты, веселы и думали, что никто никому ничего не должен.

«Самый-Самый».

– Обложка, – сказал Студеникин. – Номер пятый, за две тысячи сто третий год. Это ведь был журнал твоего отца, да?

– Да, – ответил Денис. – Спасибо друг.

Глава 2

Крались по непроницаемо темным коридорам. На всякий случай и для общей тренировки Денис считал повороты, но после четвертого поворота угодил мокрым лицом в паутину, судя по всему – огромную, она облепила нос и щеки густыми омерзительными хлопьями; пока отрывал, плюясь и шепча ругательства, – сбился со счета.

Идти по ровной горизонтальной поверхности, после лестницы, было забавно, ноги гудели и сами собой поднимались выше, чем нужно.

Потом в лицо мощно ударило сырым сквозняком – коридор вывел в огромный, залитый лунным светом атриум. В прозрачной крыше зияли дыры, осколки битого пластика усеивали пол и сверкали, как льды под северным сиянием.

Центр зала украшала скульптура: мужчина атлетических форм полулежал в воздухе, его поза удивила Дениса и даже на несколько мгновений всерьез захватила: одна полусогнутая нога свободно заброшена на другую, левая крепкая рука под запрокинутой головой, правая поднята, палец указывает в зенит. Черный, огромный, гениально изваянный памятник абсолютному покою, невинному пересчитыванию равнодушных звезд.

– Вот так они и жили, – презрительно сказал Студеникин. – Полулежа. Метились пальцем в небо. Пока сами себя не погубили... – Он положил руку на плечо Дениса, кивнул на изваяние. – Хорош, правда? Знаешь, как называется?

– Скажи.

– «Безмятежность», – торжественно произнес Глеб. – Работа скульптора Гриши Дно. Оригинал. Внизу мне сразу дают за нее десять тысяч червонцев. А в Англии работы этого периода стоят по два-три миллиона фунтов.

– Десять тысяч, – пробормотал Денис, пропустив мимо уха информацию о фунтах. – Давай займемся.

– Займись, – небрежно разрешил Студеникин. – Она весит полторы тонны. Гриша Дно работал только в бронзе. Я прикидывал вытащить ее через крышу, на тросе, грузовым вертолетом. Рейс грузового вертолета стоит три тысячи червонцев. Еще тысячу – разрешение на полет над городом. Еще пять – сунуть кому надо, чтоб не задавали вопросов. И пятьсот пилоту – за молчание.

– Итого, девять с половиной.

– Правильно. Глупо возиться за пять сотен.

– А я бы повозился, – тихо произнес Денис. – Большое дело, хорошие деньги.

– Ну и дурак, – мрачно сказал Глеб. – Сказал тоже: «большое дело»... Мой тебе совет: не лезь в большие дела. Никогда. Таскай балабас – целее будешь.

В словосочетание «большое дело» Студеникин вложил столько ядовитого презрения, явно выстраданного, что Денис мгновенно поверил своему товарищу. Не на сто процентов, конечно, – но поверил.

Правда, почти столько же презрения Глеб вложил и в совет насчет балабаса.

Теперь он стоял возле одной из широких дверей; подняв лицо вверх, махал кому-то рукой.

Дверной замок щелкнул. Распознавателя нет, сообразил Денис. Древняя система: возле входа видеокамера, а внутри экран и кнопка. Увидел своего – пропустил. Внизу, на вторых и третьих этажах, теперь тоже у многих так. Распознаватели выходят из моды. Умные двери, впускающие своих, а чужих не впускающие, были популярны до искоренения, когда заросшая стеблями Москва наслаждалась изобилием и безопасностью. А сейчас все иначе. «Своих» мало, «чужих» много, каждый «свой» завтра может стать «чужим», и наоборот. Поставишь умную дверь, с распознавателем, а потом придется каждый месяц заново настраивать наивную автоматику, ничего не понимающую в человеческом коварстве.

Денис, впрочем, недооценил владельца старинной охранной системы. Внутри, по стенам просторного коридора, висел не один экран, а два десятка; просматривался весь атриум, и безмятежная скульптура великого Гриши Дно, и затянутые паутиной коридоры, и даже лестница возле входа на этаж.

– Доброй ночи, – вежливо сказал Глеб.

Открывший дверь был худ, бородат, от него пахло немытым телом и – густо – некой туалетной водой, из тех, что продаются в «Торгсине» по три червонца за маленькую скляночку.

– Ага! – скрипучим голосом воскликнул бородатый и захихикал. – Барахлишко приехало! Заруливай, мил-человек. И дружок твой тоже пусть заходит... Гостям рады...

– Это Денис, – сказал Глеб. – Я про него тебе...

– Помню, помню.

Бородатый повернулся спиной и зашагал по коридору, шаркая; Денис посмотрел на Студеникина; тот с серьезным лицом погрозил ему пальцем, веля быть настороже, и оба двинулись следом за хозяином дома.

Обиталище Постника поразило Дениса. Возле дальней стены полыхал камин, чуть ближе несколько десятков свечей, укрепленных в разномастных подсвечниках, отвоевывали у темноты обширный овальный стол, заставленный посудой, бокалами и бутылками, несколько кресел и широкую кровать под балдахином; судя по улетающим в бесконечность звукам шагов, зал был огромен. Пахло едой, горячим воском, пылью, табачным дымом, носками, гнилыми фруктами, кислым пивом, горелой бумагой, почему-то бенгальскими огнями, но запахи не раздражали, ибо было свежо; пока Денис подходил к столу, его лицо несколько раз огладил тугой сквозняк.

Постник имел глаза безумца, лицо алкоголика и тело ребенка-переростка. Завернутый в грязный, во многих местах прожженный атласный халат, с голой узкой грудью, с тонкой жилистой шеей, украшенной множеством цепочек, непристойно мерцающих из-под жидкой нечистой бороды, с падающими на лоб и плечи длинными сальными волосами, с глазами, провалившимися в глазницы, в оранжевых огнях свечей он напоминал миниатюрный готический собор.

Студеникин снял с плеч рюкзак, поставил на пол, раскрыл. Бородатое существо приблизилось, пнуло босой ступней. Высыпались упаковки, свертки, пакеты, коробки, контейнеры.

– Что нам сегодня принесли... Жратву вижу... Бухло тоже вижу. Ага, батареи. Можно включить свет. И даже отопление... – Бородатый поднял глаза на Дениса. – Включим свет, а? Денис пожал плечами.

– Правильно, – похвалил Постник. – При свечах чище. Как там? Мессир не любит электрического света, хе-хе... Ага, и зубочистки не забыл! Воды сколько?

– Пятнадцать литров, – ответил Глеб и сделал Денису знак. Денис отцепил лямки, поставил на пол канистру. Спина немедленно заболела, и он, не удержавшись, сделал несколько вращательных движений плечами.

– Тяжко? – осведомился Постник, сделал шаг вперед и всмотрелся в лицо Дениса. – Что скажешь, человечек? Тяжко тебе?

Его дыхание пахло алкоголем.

Денис молчал. Постник поднял ладонь – на каждом пальце по драгоценному перстню – и ткнул себя в грудь.

– Смотри на меня. Видишь? Знаешь, кто я? Думаешь, я безумный дурак? Который окопался на верхотуре, чтоб все про него забыли? Нет, брат мой. Я тот, кому тяжелее всех. Если бы знал, как мне тяжело... Если б ты взял хоть пятую часть моей тяжести, ты бы сошел с ума через неделю...

Он запустил пальцы в волосы, замычал, затряс головой, потом – всем телом; что-то выпало из халата, со стуком ударилось о ковер. Постник тут же прервал драматическое рыдание, деловито нагнулся, подобрал. Взвесил в руке мощный пистолет неизвестной Денису марки.

Денис напрягся, но вдруг – почему-то лишь сейчас – понял, что оружие лежит повсюду. На столе – в луже пролитого коньяка, – и меж подушек кресел, и на смятых простынях постели, и на каминной полке; в любой точке жилого пространства минимум два огромных ствола – новеньких, вороненых – пребывали на расстоянии вытянутой руки хозяина дома.

– Ладно, – весело произнес хозяин, спрятал оружие в складках одежды и гулко хлопнул в узкие ладошки. – Давайте выпьем и пожрем! И не просто пожрем, а мяса жареного пожрем. Будьте как дома. Хотите в сортир – он налево. Тут у меня трапезная, она же опочивальня. Там – тронная, сейчас прогуляемся, сами все увидите. А там – алтарная, туда не пойдем, потому как вам не положено. С ума сойдете, как я, грешный. Я сам туда давно не хожу. (Он громко икнул.) Но к делу. Вон там, под крышкой, мясо. Лично жарил! Настоящая аргентинская говядина! Хватайте и питайтесь. Вон красненькое, сухарь, урожай две тыщи девяносто первого, в новых деньгах – двадцать чириков за пузырь... Икорочка, балычок, маслины... Устриц не предлагаю – протухли, по-моему... Там вон сыры, там фрукты, только их мыть надо... Всего навалом. Только баб нету.

Он посмотрел на Студеникина, недвижно стоявшего возле разоренного рюкзака, и рассмеялся, показывая коричневые зубы.

– Привел бы ты мне бабу.

Глеб молча покачал головой.

– Не хочешь, – сварливо процедил Постник.

– Женщин не доставляем, – отчеканил Студеникин. – Ни за какие деньги. Все доставляем, женщин – не доставляем.

Бородатый отшельник схватил фужер, неверной рукой плеснул из бутылки, выпил. Половина потекла по бороде.

– И правильно! – вскричал он. – И правильно! – Но тут же понизил голос. – Только гонишь ты мне, юноша. У меня есть соседи. Один – двумя этажами ниже, в юго-западном крыле, а второй – этажом выше, в северном. Бывает, мы перезваниваемся. Тот, что в северном крыле, говорил, что ему приводили баб, и не раз.

– Это он кислоты пережрал, – спокойно возразил Глеб, продолжая стоять недвижно. – Вот и гонит. А когда ты с ним опять созвонишься, передай от меня, Глеба Студеникина, что, если он еще раз такую сказку кому-нибудь расскажет, я его лично из окна выкину. Этот дом – мой. И вся доставка идет строго через меня. В мои башни пацаны баб не водят.

Постник выслушал, потом налил себе еще один фужер, но пить не стал.

– Твой дом? – глухо спросил он. – Эх ты. Смердящий червь. Как тебя, говоришь, – Глеб? Ты, Глеб, крепкий паренек, но мудака полный. Это не твой дом. Это мой дом, понял? И весь город мой. И все люди его – мои. Патрули, фермеры, учителя, агрономы, инженеры, мужики, бабы, детишки – все мои. Ваши судьбы у меня в кармане лежат. Знаешь такое выражение: «раз плюнуть»?

– Знаю, – ответил Студеникин.

– А ты? – Косматый человек повернулся к Денису.

– Знаю, – сказал Денис.

– Вот мне, – косматый пожевал мокрыми губами и жидко сплюнул на пол, – вашу жизнь погубить – раз плюнуть. Захочу, плюну – и завтра все будет по-другому. Совсем. Вы так не можете, а я – могу. Потому что у меня есть, куда плевать. Но вы не бойтесь, я знаю свою планиду. Садитесь, пейте и ешьте.

– Благодарствуем, – произнес Студеникин. – Но нам пора. Внизу дел много.

Постник презрительно скривился.

– Внизу? Дела? Какие у вас внизу дела? Морковку сажать? Башни пустые ломать? Делать вещи, а не деньги? Работать на благо народного кооператива «Все свое»? Главное дело – здесь. Там, где я. Важнее этого, – он обвел рукой полумрак, – ничего нет. Жрите мясо. Внизу беда с мясом, я же знаю. В нашей России как не было нормального мяса, так и нет. Курицу еще можем выкормить, а с коровой уже проблема. Жрите мясо, мальчишки...

Собственно, Денис не отказался бы от хорошего куска жареной говядины, или от двух кусков, или даже от трех кусков – безумный Постник был, в общем, прав насчет курицы и коровы. Но Глеб оставался недвижим. Изучив его лицо, Постник произнес:

– Гордый. Уважаю. Тебя, наверное, бабы любят. – Он повернулся к Денису. – Что, мил-человек, любят его бабы?

Копируя старшего товарища, Денис ровным голосом ответил:

– Надо спросить у баб.

– Оба гордые, – печально констатировал волосатый анахорет, подошел к кровати, достал из-под подушки пачку купюр, протянул Глебу.

– На стол положи, – сказал Глеб.

Постник послушно швырнул деньги; Денис испугался, что гонорар попадет в лужу пролитого пойла, но обошлось. Меж тем косматый богачей сложил руки на груди и побрел куда-то прочь из освещенного свечами пространства. Позвал из темноты:

– Идите за мной.

Денис вздрогнул: скрипучий фальцет полубезумного пропойцы превратился в густой властный баритон.

– Я вам кое-что покажу. Вы гордые, вам понравится. Заодно дела обсудим...

Студеникин повиновался, на ходу сделав Денису знак: держись рядом.

– Смелей, – презрительно загудело из мрака. – Откиньте занавес и проходите. Тут у меня тронная. Тут я смотрю на мой город.

По лицу Дениса ударило пыльной плотной портьерой, – дальше открылся второй зал, столь же просторный. Две из четырех стен были прозрачны, в изжелта-ртутном свете луны видно было массивное, стоявшее в центре зала кресло – единственный предмет мебели и вообще единственный предмет в огромном помещении.

– Сюда, – велел Постник. – Как вам панорама?

Денис не первый раз видел Москву с высоты сотого этажа. Студеникин был серьезный и осторожный человек, он трижды водил друга в тренировочные походы, прежде чем взять на реальное дело. Но тренировались они – как и все прочие новички в команде Глеба – только в башне «Владимир Мономах». В старые времена купить квартиру в «Мономахе» – элитном жилом комплексе с десятибалльным уровнем комфорта – считал своим долгом каждый российский миллионер; в период искоренения эту башню выше шестидесятого уровня разграбили дочиста, после чего подожгли; безотказные пожарные системы китайского производства почему-то отказали, и «Мономах» пылал почти два месяца; ждали обрушения и даже пытались инициировать его, расстреливая гнездо продажных толстосумов из гаубиц, однако гнездо устояло; теперь жить в «Мономахе» и вообще долго находиться меж обугленных стен было невозможно, дом обезлюдел полностью и двадцать лет вонзался в московское небо, как ржавый штык-нож, самый большой в истории памятник беспощадному и бессмысленному русскому бунту; именно с его крыши Денис впервые увидел весь город. Бесконечную – от горизонта до горизонта – россыпь желтых и белых огней, в одних местах гуще, в других – реже. Не столько было звезд на небе, сколько огней в ночной Москве.

– Как солнце начнет садиться, – произнес Постник, – так я сюда прихожу и смотрю. Думаю. Или не думаю. Если есть, на что смотреть – то лучше не думать, а просто смотреть.

– Патруля не боишься? – спросил Глеб.

Постник засмеялся.

– Патруля? Вертолетов, что ли? Эх ты, смешной мальчик. Я в этой квартире двадцать семь лет живу. Это стекло при мне ставили. Я сам его заказывал и оплачивал. Цена ему была – двести тысяч конвертируемых юаней. Между нами, это вообще не стекло. Особая пленка, нанополимер седьмого поколения. Из нее купола делают.

– Да, – произнес Глеб. – Как в Сибири, над Новой Москвой.

– Эта пленка и тот купол – из одного и того же материала. Как и купола на Луне. Пленка не пропускает наружу никаких волн. Ни световых, ни звуковых колебаний, ни электромагнитных. Мы тут можем дискотеку устроить или, наоборот, перестрелку, и никто ничего не заметит, никакая аппаратура не поймает сигнала. По научному это называется – двусторонняя избирательная проницаемость. Кислород и азот проходят, а углекислый газ задерживается. И тяжелые металлы. И всякие микробы. И вредные примеси. И жесткое излучение. Пули застревают, но можно, например, устроить так, что вода будет проходить... Опять же – очищенная от всякой дряни. Чудо-материал, за него девять нобелевских премий

дали. Ничего не весит, не горит – не тонет. В мире его называют «шанхайское одеяло», в русской армии – «китайская портянка», в Штатах – «Энджи-дабл-ю». The New Great Wall. Можете потрогать.

– Не будем трогать, – сказал Глеб. – Верим на слово. Ты обещал обсудить дела.

– Обсудим, – вяло произнес бородатый человек и устроился полулежа. – Не спеши, дурень. Насладись. Как я наслаждаюсь. Я всех вижу, меня – никто. Про Постника никто не знает, а Постник – самый важный человек в этом городе. Постник протягивает руки, – тут Постник протянул руки, – делает вот так, – он сложил обе ладони ковшом, – и держит всю Москву в ладонях. Гиперполис, Третий Рим, столица столиц – в его полной власти... Постник может все изменить, капнув обычной водичкой из пипеточки... Чего молчите?

– Слушаем, – произнес Студеникин.

Старик игриво хихикнул.

– Ты думаешь, я обычный сумасшедший. Засел на сотом уровне и дрожит на панораму. Знаешь, в прошлом веке, во времена Путина, хороший вид из окна добавлял семьдесят процентов к стоимости жилья. И уже тогда жить выше других было престижно. Типа черненькие внизу, беленькие наверху. А когда трава поперла, все вообще с ума посходили. Я пацанчиком был, все помню. За хату на семидесятых душу продавали и жопу подставляли, а бывало – и то и другое сразу... Никто не понимал, что везде одно и то же. А я понимал. Я смотрел и смеялся. Потому что быстро понял, что везде одно и то же. Мир так устроен. Вчера черненькие были внизу, а беленькие – наверху, и все кричали: «Правильно, так надо жить, и никак иначе, а кто по-другому живет – тот враг и гад!» Теоретики обосновывали, философы умничали, писатели заряжали правду-матку. Детей учили: лучший путь – это наверх. Потом – хуяк, бля! – все переворачивается! – Бородатый безумец громко хлопнул ладонью по подлокотнику. – То же самое, только наоборот! Черненькие наверху, беленькие внизу! Наверху все обоссано, сожжено и стекла выбиты, а внизу – живая земля, травка, палисаднички и магазинчики. А вокруг тот же самый шум, аплодисменты: «Как было раньше – неправильно, а истинно правильно – как сейчас, и всегда так должно быть». И опять те же самые теоретики обосновывают, те же философы втирают истину, те же писатели строчат пламенные книжки, наизнанку выворачивают, как рукав...

– И где же тогда правда? – спросил Глеб и посмотрел на часы.

– Правда? – Постник встал. – Твоя – не знаю. А моя – здесь, за стеной. В алтарном зале.

Надоел, раздраженно подумал Денис. Что у него там, в алтарном зале? Надувная женщина? Фотография погибшего сына? Или все проще: сундук с золотом? Волосатый идиот швыряет деньги не считая. А в алтарном зале у него понятно что. Сейф. Или даже не сейф, а вся комната забита наличными, до потолка. Говорят, во времена погромов в пентхаусах находили такие комнаты. И денежную реформу устроили именно из-за того, что слишком много награбленной наличности попало в руки населения.

– Благодарю за ответ, – сказал Глеб, – и за приглашение. А теперь нам надо вниз.

Денис вздохнул и переступил с ноги на ногу.

– Вниз... – повторил бородатый безумец, и голос его претерпел обратную метаморфозу, стал высоким, жалобным, с трещиной. – Погодите. Посидите еще. Пять минут, а? Жалко, что ли? Не пожрали, не выпили, беседу не поддержали... Я вам и то и это, а вы не хотите с человеком пообщаться. Что вы за люди? Совсем вы там, внизу, очерствели. Не умеете по-людски... Неужели не видно по мне, что я, бля, в людей влюблен? Неужели не понятно, что я устал? Я восемнадцать лет вашу судьбу храню, пыль сдуваю, с ума схожу? Восемнадцать лет по живой земле не бегал, в речке не купался, женской коленки не трогал...

Денис увидел, что косматый человек плачет.

– А вы? – презрительно спросил косматый человек, выпрямляясь. – Два дурака, молодые, красивые, вам бы с девками нежными валяться, на мотоциклах гонять, на лошадях, чтоб ветер в рожу, чтоб хохот за спину улетал... А вы по развалинам черным бродите, пылью дышите, водку таскаете всяким грязным уродам! Типа меня... Чего не займетесь любимым делом? Чего сюда пришли? Денег надо?

– Надо, – сказал Студеникин. – Прости нас, Постник, но мы уходим.

Косматый резко встал. Молчал почти минуту, потом кивнул, плотнее запахнул халат. Оттолкнув Дениса плечом, направился вон.

В коридоре, возле выхода, внимательно изучил экраны, транслирующие внешний мир в инфракрасном режиме, ткнул пальцем в Дениса.

– Пусть выйдет. Снаружи подождет. А мы потолкуем.

Не дожидаясь сигнала от Студеникина, Денис скользнул в открывшуюся щель, после короткого щелчка замочной задвижки оказался в тишине и понял, что испытывает облегчение. Теперь вокруг было привычно. Пусто, тихо, в меру грязно, в меру сыро. Как внизу, на живой земле. А там, за дверью, в апартаментах Постника, мера не соблюдалась. Денис видел такое впервые и сейчас подумал, что останься он в логове безумного отшельника еще на четверть часа – упал бы, может быть, в обморок. Эти разоренные блюда яств, полуобглоданные кости, покрытые плесенью тропические фрукты, эти бутылки драгоценных напитков, сплошь откупоренные и едва на четверть пустые, эти небрежно раскуренные и грубо затушенные, сломанные пополам сигары, торчащие из огромных пепельниц наподобие паучьих лап; этот воск, оплывающий со свечей на канделябры в изощренных завитках, и прожженные сигаретами шелковые простыни, и вишневые косточки в ворсе шикарных ковров, и стреляющие радужными искрами камешки на нечистых, с грязным ногтями пальцах безумного отшельника – неужели двадцать лет назад так жили все? Неужели отец так жил и мать?

Неудивительно, что она теперь часто вздыхает и поджимает губы, штопая свои льняные курточки, купленные в магазине народного кооператива «Все свое», и без аппетита ест любимые Денисом морковно-свекольные салаты, и часто по вечерам ходит по дому с рюмкой ржаной водки.

Через проломы в прозрачном потолке доносилось гудение декабрьского ветра. Меж грудных мышц и в паху бронзового человека, символизирующего безмятежность, лежал голубой снег.

Ноги болели. Денис попрыгал на одном месте, несколько раз присел, постучал ладонями по бедрам.

Разумеется, финал изобильной эпохи они теперь красиво называют «искоренением». На самом деле им стыдно. Траву никто не искоренял. Это только в пропагандистских фильмах показывают отряды деловитых искоренителей, жгутих на площадях огромные костры из стеблей. Под сдержанные одобрительные возгласы граждан, проходящих мимо по своим делам. На самом деле был голод, и траву съели. За считанные месяцы. Мать рассказывала. Толпы травоядных валили зеленый сорняк голыми руками, а в это время их расстреливали с вертолетов газовыми гранатами. Нет, они не стебли искореняли. Они искореняли в себе то, что не смог искоренить косматый Постник.

Глеб вышел через минуту. Тенью скользнул мимо, на ходу комкая и заталкивая в карман пустой рюкзак из нанобрезента.

– Пошли.

– Не беги так, – попросил Денис. – Дело сделали, куда спешить?

– Одно сделали – есть другое.

– Новый заказ?

– Не болтай. Шагай и под ноги смотри. Пятое правило: на обратном пути будь вдвое осторожен. Чаще всего пацаны гибнут по дороге назад. А заказ такой, что мало не покажется. Кстати, вот тебе. Держи.

Студеникин остановился; небрежно, кончиками указательного и среднего, протянул сложенные пополам купюры. Не старые рубли, а обеспеченные золотом, платиной, никелем, титаном и литием червонцы. Пореформенное супербабло, чудо-деньги новой России, двадцать лет живущей по средствам.

Денис взял, сунул в нагрудный карман. Застегнул надежно. Глеб наблюдал с усмешкой, потом тихо произнес:

– Все расчеты меж своими делаем сразу, наверху. Это шестое правило. Очень важное. Если попадем в засаду, каждый сам бьется за свою долю. То есть ты понял, да?

– Не совсем.

Студеникин бесстрастно кивнул, как будто давно привык подробно излагать все подробности важного шестого правила.

– Твоя доля у тебя, моя – у меня. Ты мне не должен, и я тебе не должен. Допустим, на семьдесят третьем нас ловят. Тебе ствол в ноздрю засовывают – и мне засовывают. В этот момент ты сам – и только сам – решаешь, что тебе важнее. Отдать бабло, или пулю получить, или биться. И я тоже решаю сам. Например, конкретно сейчас у меня, Глеба, деньги есть. Отложено, накоплено и все такое. И я могу подумать: ну его к черту, отдам и пойду вниз, живой и здоровый... А у тебя, Дениса, первый в жизни приход, и ты подумаешь иначе: никому мои деньги не отдам, я за них рисковал, потел и надрылся, идите все в лифт, любому глотку перегрызу...

– А потом?

– А потом ты бьешься, – небрежно ответил Студеникин.

– А ты?

– А я – могу остаться. И биться рядом с тобой. Но могу и уйти. И если я ушел вниз, а ты остался, но отбился и тоже ушел, и потом встретил меня внизу, на живой земле – ко мне никаких претензий. Понял?

– Да.

Глеб улыбнулся.

– Не ссы, пацан. Есть еще седьмое правило. Если ты идешь в первый раз, а я в тысячу первый, то я не могу тебя одного оставить. Бьюсь рядом, пока оба не дойдем до самого низа. Теперь нам пора. Времени совсем нет.

– А что за заказ?

Студеникин хмыкнул:

– Заказ немалый. За такой заказ пацаны меня будут на руках носить. Постник ванну решил принять. «Омовение» – так он выразился. Я ж говорю, человек не в себе... Сегодня до рассвета надо доставить четыреста литров воды. Так что ускоримся, друг, а то можем не успеть... – Денис с некоторым удивлением увидел, что его старший товарищ в возбуждении потер ладонь о ладонь. – Шикарный заказ, самый лучший. Груз дешевый, если засада – скинем канистры, налегке уйдем.

– Четыреста литров, – пробормотал Денис. – Это выходит...

– Не парься, я уже посчитал. Беру еще семерых, грузим по двадцать литров и делаем две ходки. Это триста двадцать литров. Потом из тех семерых – четверых отправляю, троих оставляю, берем еще по двадцать и идем в третий рейс.

– Для нас с тобой – четвертый.

– Для меня, – поправил Студеникин. – А с тебя хватит. Один раз сходил, увидел, понял, заработал – молодец, иди домой. Это во-первых. Во-вторых, мышцы отдыхают минимум четыре дня. И то, если мясо жрать... В-третьих, сегодня воскресенье, грешно работать. Через пять дней, в субботу, можем еще сходить.

Денис ничего не сказал. Он хотел гордо воскликнуть, что минимум один рейс выдержит без особых проблем, и Глеб как друг должен дать ему возможность заработать. Тем более что он, Глеб, знает ситуацию Дениса – деньги нужны на лекарства для матери. Но Денис всегда считал себя умным человеком, а умные люди умеют и любят учиться у тех, кто еще умнее. И опытнее. За годы, проведенные рядом с умным и опытным старшим товарищем Глебом Студеникиным, Денис научился у старшего товарища Глеба Студеникина осторожности.

Вторая ходка – да, можно попробовать. Но если засада? Судорога? Если обстреляет патрульный вертолет? А новичок Денис после первого рейса еле ноги передвигает. В патруле тоже не дураки служат. В патруле знают: тайная жизнь в заброшенных небоскребах начинает бурлить именно в самые глухие предрассветные часы.

Студеникин прав. Один раз сходил – пока хватит. Жадность фраера губит. Он всегда прав, Студеникин. Он только один раз за два года оказался не прав. Когда увел у Дениса его девушку Таню.

– Глеб, – позвал он. – Ты такой выносливый из-за мяса?

– От природы, – ответил Студеникин, через плечо. – Но мясо надо есть обязательно. Хочешь быть при деньгах – бегай быстро. Хочешь быстро бегать – жри мясо.

– Хочешь жрать мясо – будь при деньгах, – продолжил Денис.

– Да. Ты прав. Замкнутый круг. Трать, жри, бегай... Неприятно понимать, что ты бегаешь по кругу.

– А как из него выйти?

– Никак.

Глава 3

Через полтора часа – когда добрался до дома и поднялся на этаж – опять подумал, что Глеб все решил правильно. Ноги, в общем, действовали, несли тело, не подгибались и не дрожали – но гудели так, что отдавалось в затылке. На двенадцатый уровень, к себе, еще дошел – но вряд ли дошел бы на сотый, с полной канистрой за плечами.

Двенадцатый был не самый хороший этаж, но и не самый плохой. А с квартирой вообще повезло. На двоих с матерью – три отдельные комнаты. Из всей пестрой толпы друзей и знакомых Дениса только Глеб Студеникин жил без соседей; но он был особенный человек. Не такой, как другие.

Когда Денис думал про Глеба, он всегда мысленно располагал его отдельно ото всех. «Все», включая даже мать и Таню, были отдельно, а Глеб Студеникин – отдельно. Разумеется, в реальности Глеб существовал точно так же, как в голове Дениса: отдельно ото всех. Снимал шесть комнат на лихом девятнадцатом уровне, в башне «Маршал Жуков».

Что касается Дениса и его матери – когда-то они тоже имели соседа. Одного. Потомственного бездельника, бывшего конченного травоеда. Бывший конченный очень любил в сильном подпитии ввалиться на кухню и прохрипеть свою любимую фразу: «Раньше ложками жрал, а теперь – стаканами пью!» Стрезву вел себя мирно, все время мрачно вздыхал и сутками напролет слушал «Радио Радость». Семь лет назад соседу надоела пшеничная водка, скромная жизнь и необходимость работать каждый день, и «Радио Радость» тоже надоело – и он прыгнул в окно. Синдром Смирнова. В те времена много таких бывших конченных прыгало из окон. Не помогали ни духоподъемные радиопередачи, ни психологи, ни священники с тихими голосами, ни даже лекарства, включая сильнодействующий цереброн.

Комнаты покойного опечатали, новичков не вселили. Власти не поощряли желающих жить выше двенадцатого этажа. Подача воды и откачка продуктов жизнедеятельности с уровней выше десятого отбирали слишком много дефицитной энергии. Власти хотели, чтобы граждане расселялись коммунально, меж пятым и десятым. Каждому по комнате, два туалета на пять семей, общая кухня, благородно и умеренно, в полном соответствии с главной национальной идеей: «Сберегай и береги сбереженное». Сама власть при этом держала свои конторы на вторых этажах. Для солидности. На первом уровне – бизнес, на втором – власть, начиная с третьего – жилая зона, в том же порядке: сначала коммерсанты, этажом выше – чиновники, а с пятого по десятый – все остальные законопослушные. С двенадцатого до двадцатого – менее законопослушные, молодежь, оригиналы, богема, авантюристы и прочая публика, кому не лень таскать по лестницам ведра и сумки.

Когда лифты отключены и демонтированы, когда выражение «пошел в лифт» означает примерно то же самое, что «пошел на хуй» – вопрос этажности приобретает первостепенное значение.

А на тридцатом этаже все ведущие вверх лестницы, лифтовые шахты и вентиляционные колодцы замуровали еще до того, как Денис пошел в школу.

Но три комнаты на двоих, пусть и на двенадцатом, – это круто. Все завидовали Денису. Даже веселая ироничная Таня завидовала. Иногда он думал, что маленькая гордая девочка с ярко-голубыми глазами и ярко-красным ртом ходила к нему именно по причине отсутствия соседей в его квартире. Денис был очень зол на Таню в первые месяцы после того, как она сбежала к Студеникину, и подозревал бывшую подругу во всех грехах. Даже в том, что она искала себе выгодную партию. Не любимого человека, одного на всю жизнь – а всего лишь отдельную квартиру без соседей.

Осторожно закрыв за собой дверь, Денис прислушался, ничего не уловил, кроме жужжания последней декабрьской мухи, не желающей засыпать. Стянул через голову насквозь мокрый свитер. Походный комбинезон, собравший пыль ста этажей, он спрятал в одном из тайников Студеникина, на тридцать третьем уровне покоренной этой ночью башни «Александр Первый». Глеб, правда, заметил, что каждому деловому пацану положено иметь свой личный тайник, однако времени на лекции не было: пожали руки и разбежались, уговорившись встретиться вечером.

Расшнуровывая удобные солдатские сапоги, купленные в народном кооперативе «Все свое», Денис увидел лишнюю пару обуви: индустриально пахнущие ботинки из дорогой оленьей кожи с уродливыми, но надежными пластмассовыми подошвами. Испытал легкую, очень взрослую горечь, то ли ревность, то ли печаль. Ботинки принадлежали Вовочке.

Рано утром, в пять часов,ходишь в свой дом – туда, где живешь много лет, – и видишь у порога чужую обувь. В доме гость. Он пришел вечером и остался на ночь. И не просто остался. Он с твоей матерью спит. Что ты думаешь в такой момент?

Ничего особенного. Тебе почти двадцать, ты взрослый человек. Пусть ходит, философски решаешь ты. Пусть спит. Потому ты и взрослый, что он ходит и спит.

Когда он в первый раз пришел и остался, чтобы спать с твоей матерью, – в тот день ты и повзрослел.

Ложиться не буду, решил Денис. Пять утра; пока приму душ, пока выплюсь – раньше полудня не встану. День, считай, потерян. По воскресеньям мать тоже спит допоздна. И Вовочка, за компанию. Он рожден не ведущим, а ведомым, он всегда делает так, как хочет мать. Наверное, поэтому она его и приблизила, хотя (Денис цинично усмехнулся) некогда вокруг стройной умной мамы нарезали круги кандидаты более интересные, нежели Вовочка. Но отсеялись – а Вовочка остался.

Надо уходить, подумал Денис. Проснемся, все трое, вылезем в коридор, будем смотреть в сонные физиономии друг друга и принужденно улыбаться. Какая прелесть, какая гадость: встретить утром возле уборной любовника собственной матери. Помятая морда, волосы дыбом. И сам ты такой же. Привет, проходи первый. Ничего, я не спешу. Представляешь себе это, и тебя знобит от брезгливости. Что ты делаешь в такой момент?

Ничего особенного. Принимаешь простое решение: спать не лягу, отдохну час-полтора, потом тихо уйду. Придумаю, куда пойти. Москва большая. Не буду мешать матери налаживать личную жизнь. Пусть проведут выходной вдвоем, как настоящие любовники. Как молодые. Таня с Глебом, наверное, так проводят каждый день. И выходной, и будний. Весело совокупляются то на одном диване, то на другом, под «Блэк бэнд» или, скорее, под гитару Симона Горского. Далее, покрытые сладким потом, нагишом расхаживают по просторным апартаментам Глеба. Далее долго принимают душ, – вдвоем, разумеется (а воды у Глеба много, его команда таскает ему воду ежедневно), – далее жарят какое-нибудь мясо и кормят друг друга с руки, запивая краснодарским белым полусухим... Впрочем, Глеб не такой, он не будет пить краснодарское, он покупает испанское или французское. В «Торгсине», за червонцы.

Вовочка тоже иногда приносит из «Торгсина» вино. И фрукты, и много чего еще. Он не разложенец, он хороший человек, и много хороших дел сделал, и продолжает делать – но при этом произносит слишком много плохих слов. Жалуется, ругает власти, ругает времена, ругает погоду. Непрерывно бормочет: «Все прогнило». И вдобавок очень любит ругать себя, а Денис уже достаточно пожил на свете, чтобы понимать – тот, кто очень ругает себя, на

самом деле очень себя любит.

Хотя любить там, с точки зрения Дениса, нечего. Очки, нос, острые плечи и манера трясти указательным пальцем во время споров, до которых Вовочка великий охотник.

Правда, мать он не ругает, никогда. Еще бы. Пусть хоть раз попробует; Денис выбьет ему зубы, не особенно напрягаясь.

Самого Дениса он тоже не ругает. Но с другой стороны, и не заискивает, как будущий отчим с будущим пасынком. Не сует денег, не ведет льстивых разговоров на фальшивом «молодежном» языке. Не пытается стать своим в доску. И за это Денис благодарен очкарику, хотя в глубине души считает его нелепым, слабым и второсортным существом.

В любом случае этот близорукий Вова – не ровня матери. Денис его так и называет: Вова. Или Вова-Все-Прогнило. Или «Вовочка». Потому что гость – типичный Вовочка, и все тут. Мать сначала настаивала на Владимире Петровиче, но Денис цинично рассудил (про себя, естественно), что настоящие Владимир Петровичи, то есть солидные дядьки (из тех, кого не захочешь – назовешь по имени-отчеству) не сходятся с женщинами много старше себя, а давно и выгодно женаты на ровесницах. Или – другой распространенный вариант – приводят молоденьких дур. А молоденьких дур в Москве с избытком хватало. Во все эпохи и времена. До искоренения и после него.

Далее мать неуверенно пыталась предложить нейтрально-уважительное Володя, и Денис для виду согласился, но в уме продолжал называть материнского бойфренда Вовочкой, а со временем стал делать это и вслух.

Он влез под душ. Вода шла с приличным напором – пять утра, воскресенье, люди спят. На этажах выше десятого есть любители мыться именно по ночам, когда самый напор; днем даже на двенадцатом еле течет, а по вечерам вообще едва капает. Но граждане не в обиде.

Не на кого обижаться. Некого винить. Сами виноваты. Новое поколение – Денис и его ровесники, рожденные после искоренения, – ни при чем, конечно. А их родители до сих пор имеют на лицах по большей части озадаченно-смущенное выражение. Сами влезли в дерьмо, своими ногами. Некого, некого винить. Остается закинуться цереброном и пытаться делать вид, что все нормально.

Растираясь жестким армейским полотенцем, он понял, куда сейчас пойдет. Идея была проста и великолепна, он едва не запел от восторга. Вспомнил, что есть место, куда обязательно надо пойти и куда он теперь будет ходить регулярно. И регулярность, и частота походов зависят только от него самого.

Ближайший супермаркет сети «Торгсин» находился прямо в доме Дениса, на первом этаже, и работал круглосуточно. Любой разложенец, возжелавший тигровых креветок, миндаля, оливок, трубочного табаку, пармезану, винограду, лягушачьих лапок, рому, самбуки, текилы или другой подобной ерунды, мог удовлетворить свою тягу к прекрасному в любое время дня и ночи. При наличии конвертируемых червонцев. И в любое время дня и ночи, в любую погоду и при любой температуре – даже сейчас, синим утром середины декабря, при минус двенадцати – возле ярко освещенных дверей гастрономического эдема паслись три десятка скромно одетых брюнетов. Справа от входа – те, кто был готов продать шедшему в «Торгсин» любой товар из «Торгсина», только дешевле (естественно, за червонцы); слева – те, кто был готов купить у вышедшего из «Торгсина» любой товар из «Торгсина», только дороже (естественно, за обычные рубли). Все они смотрелись жалко, кутались в потрепанные зипуны и волчьи тулупы, бросали себе под ноги сигаретные окурки и часто бегали за угол справлять нужду. Денису очень не нравилось, что в сорока шагах от входа в его башню справляют нужду, и год назад, когда куртка пятьдесят четвертого размера стала ему тесна, он поймал двоих активистов черного рынка и пообещал выбить им зубы, а когда активисты не вняли – выполнил обещанное; зубы они забрали с собой. Позже его вызвали в патруль и долго ругали – один из побитых оказался секретным агентом, внедренным в среду спекулянтов. С тех пор все активисты вежливо здоровались с Денисом, но справлять нужду не перестали, хотя лучше бы было наоборот.

Они и в этот раз опять дружно кивнули и барыжной скороговоркой спросили, не надо ли чего, и он опять не ответил. Хотел двинуть кого-нибудь плечом, но брюнеты благоразумно расступились.

В магазине было пусто, продавец зевал. Только в дальнем углу, возле горы ананасов, кутала голые плечи в замысловатого дизайна шубейку женщина с мужскими чертами лица, абсолютно неопределяемого возраста, на высоких каблуках, с голыми загорелыми ногами и восхитительно тонкими предплечьями, надменная, элегантная, как бы фарфоровая, – не иначе блядища.

Денис прошелся вдоль витрин и прилавков. Не сказать, чтоб деньги жгли ему карман – но ощущались. Он ходил, смотрел, а от пачки купюр прямо в сознание шел прямой сигнал. Некая весьма приятная щекотка.

Можно купить что-то матери, но она даже не поблагодарит. Наоборот, отругает. Скажет, что в стране, слава богу, с едой полный порядок. И клубника растет, и вишня, и сливки есть, и творог, а морковь и яблоки ничего не стоят, а кролик и курица – почти ничего. В сети «Все свое» и семга есть, и осетрина, и медвежатина даже. И она будет права, мама. С ней трудно спорить, она умна и много всего повидала, она и шить умеет, и с автоматом обращается лучше иного патрульного.

Неожиданно фарфоровая деваха ахнула простым голосом, с ужасом посмотрела Денису за спину и срочно засеменила к выходу, стуча каблуками; выглядело это очень глупо, и Денису стало неловко. Красивая женщина, осанка, взгляд, кожа, ногти покрашенные, и вдруг ведет себя как дура, без малейших признаков достоинства; жалко видеть такое.

Он обернулся и увидел Модеста.

Появление Модеста часто вызывало переполох, особенно среди детей и впечатлительных дамочек.

Модест тоже заметил Дениса и улыбнулся полными зелеными губами.

– Не спится? – спросил Денис.

– Пошел к черту, – мрачно ответил бывший одноклассник и протянул для рукопожатия огромную, как лопата, ладонь приятного темно-изумрудного цвета. – И ты туда же. Достали вы все меня с вашими шуточками. Один говорит: «Модест, надень фуфайку, замерзнешь», другой – «Модест, поешь с нами», третий – «Модест, иди поспи, ты что-то усталый сегодня»... И ржут, как идиоты. Сбегу я от вас, под Купол. В Новую Москву. Там сейчас гомо флорусы в большой моде. А здесь я как клоун, куда ни пойду – обязательно кто-нибудь крикнет: «Эй, зеленый, а ты не голубой»?

– Я не собирался шутить, – сказал Денис. – Мало ли что с тобой происходит? Вдруг ты уже не гомо флорус, а гомо сапиенс? Между прочим, я тебя встретил не где-нибудь, а в магазине импортных деликатесов. И могу предположить, что ты захотел чего-нибудь пожрать. А раз ты начал жрать – значит, и спать тоже начал. Логично, да? Никаких шуток, Модест, все очень серьезно.

– Ладно, – пробормотал зеленый человек. – Проехали. Ты где всю осень пропадал?

– Работал, – объяснил Денис. – В сентябре картошку убирал, в октябре остался в колхозе, элеватор строил. В ноябре – на сломе, три недели...

– На сломе вроде червонцами не платят, – сказал Модест. – Кто на сломе работает, тот в «Торгсин» не ходит.

Денис усмехнулся.

– А на сломе сейчас и рублями не платят. Только купонами. Образовательными. Три дня работаешь – две недели ходишь на лекции. Я вот набрал купонов на целый семестр и ушел сразу. Теперь могу второй курс закончить.

– Хорошо придумано, – оценил Модест. – Значит, на сломе теперь одна молодежь?

– Ничего подобного. Разные люди. Сейчас все учатся, Модест. Моей матери шестьдесят лет, она днем в школе преподает, а вечером сама учится, на ветеринара. Мало ли зачем пригодится?

– А вот в меня, – грустно сказал Модест, – наука не влезает... Но я не понял: что ты

здесь делаешь? В этой помойке для разложенцев? В лотерею, что ли, выиграл? – Не твое дело.

– Понятно, – спокойно произнес Модест и проделал свой обычный звук – щелкнул сухим языком внутри сухого полуоткрытого рта.

– Слушай, – спросил Денис, – а тебе, кстати, как зимой? В смысле, ну...

– Нормально, – враждебно ответил Модест. – Я же не обычный зеленый. А вечнозеленый. Мне что зима, что лето – один хер.

– А сюда зачем пришел?

– Машину разгружал. Полтонны фруктов и тонну всякого бухла. Виски, коньяк. Хочешь, кстати, коньяку? Мне одну бутылку подарили, за труды. Не французского, конечно. Нашего. Но тоже ничего. И еще денег дали. Пойдем в «Чайник», я тебя завтраком угощу и сто грамм налью...

– Сегодня воскресенье, – ответил Денис, благодарно сжав огромное плечо приятеля. – «Чайник» только в восемь откроется. Спасибо, Модест. Но сегодня я лучше сам тебя угощу.

– Значит, все-таки бабла срубил.

– Ничего я не срубил. Так... кое-что заработал.

Модест презрительно дернул зеленой щекой.

– Дурак ты, Герц. Врать не умеешь. Полез, небось, на башню, со своим этим... Студеникиным. Что у тебя с ним общего? Он же типичный разложенец.

– Он мне друг.

– Он тебе друг, а ты ему кто? Мальчик-помогайчик? Дурак ты, Дениска. Нашел чем заняться. Шестерить на всяких гадов, которые на сотых уровнях шифруются. Братся за рюкзак – это последнее дело.

– Я никуда не лазил и ни на кого не шестерил.

Модест развел руками.

– Ладно. Не лазил. Кстати, не хочешь поработать? До открытия «Чайника»? Возле нашей школы труба дренажная забилась, чистить надо... Там одному трудно. Я все сам сделаю, а ты наверху постоишь... За час управимся.

– Не хочу, – честно сказал Денис. – Извини. Давай завтра.

– До завтра еще целый день, – пробормотал Модест. – Как хочешь. Мое дело – предложить.

– Граждане, – развязно воскликнул продавец. – Чего-нибудь берем? Или погреться зашли?

– А я по жизни согретый, – грубо возразил Модест. – Если что, и тебя могу согреть.

Продавец, видимо, работал тут недавно и не знал, кто такой Модест.

Денису тоже захотелось ответить хаму что-нибудь резкое, а еще больше захотелось красиво рвануть из кармана серьезную пачку серьезного бабла и красиво отовариться на серьезную сумму, чтобы придурок за кассовым аппаратом понял: перед ним не просто парнишка в телогреечке, а человек при деньгах. И еще – заставить придурка каждую покупку отдельно упаковать в красивую бумажку. И потом чаевые дать. Продавцы в «Торгсине» такие же разложенцы, как покупатели, они наверняка берут чаевые. И произносят при этом что-нибудь особенное, из старорежимного рабского словаря. «Премного благодарен» или «рад служить-с»... Но Денис подавил как первое желание, так и – с некоторым трудом – второе.

– Вот эту штуку купи, – посоветовал Модест. – Называется «спаржа». Очень полезная.

– А ты пробовал?

– Конечно.

Денис подумал – спросить или нет – и решил спросить.

– А тебе как... ну... насчет... растительной пищи?

Модест пожал необъятными плечами:

– Нормально. Ничего особенного. Я ж не растение. У нас такого нет, как у вас. Человек человека жрать не может, а гомо флорус любое растение жрет без проблем. Только мне не

надо.

– А зачем тогда спаржу ел?

– Не ел, а пробовал. Из любопытства.

– Давай, Модест, я тебе тогда воды хорошей куплю. Вон, смотри, «Байкал-премиум-суперлюкс», она вся на экспорт идет...

– Иди ты в лифт, – добродушно ответил зеленый человек. – Что ты понимаешь в питьевой воде? Зимой я только талую пью. А летом – дождевую, деструктурированную. Набираю, замораживаю в холодильнике, потом кладу лед в ведро чистое, лед тает, структура меняется – это самая лучшая вода. А «Байкал» твой – фуфло, иностранцев богатых разводить. Этот «Байкал» в красивые бутылки за углом из крана разливают. Настоящий «Байкал» весь идет под Купол. В Новую Москву.

Денис посмотрел вдоль витрин, мерцающих идеально чистым бронированным стеклом, и ощутил тоску.

– Модест, – позвал он. – А ты почему не уехал под Купол? Ходишь тут, один-единственный зеленый мужик на весь город... Ящики разгружаешь, трубы прочищаешь... А под Куполом такие, как ты, – в полном шоколаде...

– Еще чего, – сказал Модест и снова щелкнул сухим языком. – В полном шоколаде? Там все наши – как подопытные кролики, по лабораториям сидят. Обеспечивают умникам докторские диссертации. Мне же сестра каждую неделю звонит. Жалуется. – Модест вздохнул. – Представь, девчонке семнадцать, а она еще шире меня. Каждый день по триста приседаний, со штангой в пятьсот килограммов, чтоб рост затормозить... Я-то мужик, мне нормально, а она – баба, ей что делать? Мышцы как у чемпиона... Ни замуж выйти, ни родить...

– Брось, – сказал Денис. – Вон, эта, как ее... Лера Грин. Зеленее некуда. Звезда экрана, миллионерша. Третьего «Буслая» видел? Она там снималась.

Модест покачал головой:

– Чтоб на этом деле миллионершей стать, много ума не надо. Сиськи-то растут! У Леры Грин пятнадцатый размер. А у моей сестры – двенадцатый. Только не каждая зеленая баба умеет зелеными буферами трясти, пусть и за червонцы. К сестре тоже подкатывают. Каждый день. То шоу какое-нибудь, то в порнухе сниматься, то миллиардеры ей по пятьдесят тысяч за ночь предлагают... Разложенцы хуевы. А она художник, понял? Рисует! Трехмерная графика, акварель, масло. Ее работы в Чикаго висят, в Мехико и в Дели. Циничный ты, Денис. Все вы, гомо сапиенсы, циничные. Вроде добрые, и чувства у вас, и совесть, и душа, и эмоции, и прочие штуки, а как доходит до червонцев – тут все сразу резко меняется. Где совесть, где душа? Нет ничего...

– Извини, – сказал Денис. – Я не хотел.

Модест хлопнул его по плечу. Едва не сломав ключицу.

– Не переживай, Герц. На любого обижусь – а на друга никогда. Идешь трубу чистить?

– Нет.

– Как хочешь. А я пойду. Через час встретимся в «Чайнике». А в этой тухлой лавке, – Модест гулко щелкнул ногтем по небьющемуся стеклу и едва его не разбил, – ничего не покупай. Тут половина – подделки. Если хочешь фруктов свежих, в центр иди. На Охотный Ряд или на Остоженку.

– Спасибо, – сказал Денис. – Семьдесят километров. В гробу я видел такие фрукты. И такой Охотный Ряд.

Сказал, а потом вспомнил: теперь в центр необязательно пешком ходить. Можно и на такси съездить.

И в «Чайник» можно не ходить. Вот Глеб – он вообще там не бывает. Глеб ходит обедать в «Евроблины», а ужинать – в «Литиум». Вдвоем с Таней. Ах, дурак я, ничего не понял про Таню. Зачем девушке Тане был нужен Денис Герц, бедный студент, если его друг Глеб Студеникин имеет в кармане червонцы? Ничего я про червонцы не знал, пока сам не заимел. Оказывается, вот оно как, если с червонцами. Иду куда хочу и чувствую себя

превосходно.

Город просыпался, как всегда просыпается воскресная Москва, – понемногу, через похмельные стоны и зевки, с выбиванием изнутри примерзших за ночь дверей, с крахмальным скрипом валенок, со скрежетом лопат по ледяной корке тротуаров, с красными носами, длинно втягивающими морозный воздух, с деликатным побреживанием собак, с первыми ударами золотых лучей по куполам храмов.

«Литиум» тоже функционировал круглосуточно. Как «Торгсин». Как «Товарищество русских букмекеров», «Автоимпорт», «Евромода», «Табаки-сигары», «Евроблины», «Русский чайно-конфетный домик».

Пожилой гардеробщик смерил гостя бесстрастным взглядом. Сейчас скажет: «Чего тебе парень, иди отсюда, здесь все только за червонцы», – подумал Денис и стал заранее сочинять ответ, в меру жесткий, короткий и солидный. Но седой дядя – видимо, после бессонной ночи – плохо соображал и пробормотал только:

– Ватничек пожалуйста.

Денис скинул телогрейку, на всякий случай развернул плечи и вторгся в зал, где в уши ему тут же ударил шум голосов и музыки, а в ноздри и глаза – табачный дым. Тощая девка декольте – а декольтировать было решительно нечего – проводила его к столику. Взгляды соседей уперлись в его обвисший свитер.

– Кофе, – коротко попросил Денис. – И коньяку. Пятьдесят. Нет, лучше сто.

Тощая тут же забрала со стола кожаный фолиант – меню – и сообщила, что официант сейчас подойдет. А ты тогда кто, хотел спросить Денис, но не спросил, хотя уже понял, что вести себя будет максимально твердо и развязно. А при случае и в лоб кому-нибудь даст. Местечко показалось ему гнилым. Не просто гнездо разложившихся, а настоящий притон, и запахи притона, и аура притона, и музыка соответствующая, и шевелящиеся картинки на огромных экранах – сплошь изогнутые в танце тела, и шикарные вертолеты-кабриолеты, и какие-то пальмы, и прочие фетиши. Послед, остатки, корешки старого мира, недовырванные двадцать лет назад.

В соседях была компания, двое мужчин и две женщины, – сидели явно с вечера, все были в говно, дамы откровенно дремали, а джентльмены, забыв про дам, то ли переругивались, то ли объяснялись друг другу во взаимном уважении. Один был печальный, другой – веселый, причем если печальный напоминал Денису сразу всех пьяных печальных неудачников, то есть был в своей печали очень зауряден, то второй, веселый, лицом и взглядом смахивал на героя рекламного плаката акционерного общества «Тамбовский волк и партнеры»; тот же жесткий рот, залысины, прищур и челюсть. Вполне возможно, что веселый сосед Дениса и был главой акционерного общества, волком номер один.

– Больно, Артем... – гудел печальный, ударяя лбом в плечо тамбовского волка. – Тебе не понять, как больно... Я ж сам искоренял... Я ж в первых рядах... Столько надежд было, столько слов правильных... И вот... За что, спрашивается, боролись...

– Понимаю тебя, – бодро отвечал тамбовский, – только ты дурак. Ты уже тогда был дураком. А сейчас ты дурак не простой, а старый. Зачем ты им верил? Я им не верил, а ты – верил... Поэтому сейчас не ты меня угощаешь, а я тебя...

– Так больно, что некуда больнее, – продолжал первый. – Пятьдесят лет, а что за душой?

– Потому что душа слишком широкая, – басом произнесла одна из дам, вдруг очнувшись и обедев компанию соловыми глазами. – Когда душа широкая, за нею никогда ничего нет.

– Умолкни, – приказал печальный. – Жри вон, это, как его... Фуа-муа... Хуе-мое...

– Фуа-гра, – сказала вторая дама, очнувшись вслед за первой. – И мне закажите. И ликеру.

– Молодой человек, – с ледяной вежливостью произнесла официантка, загородив Денису обзор. – Вы погреться зашли или будете заказывать?

– А я по жизни согретый, – ответил Денис. – Если надо, и тебя могу согреть.

– Спасибо, – ровным контральто сказала официантка. – Буду иметь в виду. Какой коньяк желаете?

– Не важно, – спокойно сформулировал Денис. – Сама чего-нибудь придумай. Только в пределах разумного.

– «Мартель»?

Денис очень кстати вспомнил Студеникина и ответил:

– Женских напитков не употребляю.

– «Хеннеси»?

– Допустим.

– Лимон?

– Обойдусь. Сто «Хеннеси» и кофе, черный. С сахаром.

– Сахар на столе.

Тем временем тамбовский волк грубо высморкался в платок с монограммой и сказал печальному:

– Ты, Петруха, слишком себя жалеешь. Надеялся, искоренял... На себя надо было надеяться. Понимаешь? На себя. И на друзей. И на родню свою. На ближний круг, понял? И больше ни на кого. Ты думал, они тебе подарки будут делать? Я тоже был как ты. Тоже надеялся. Тоже первые годы – как на крыльях... Не верил, что так бывает. Новое государство, новая экономика, новая жизнь... Отдаем Россию в руки бизнеса... Сами уезжаем в Сибирь... Крупнейшая в истории безналоговая зона... Делай вещи, а не деньги... Производи свое и будь хозяином...

– Да! – выкрикнул печальный, и из его рта вылетела слюна. – Они нас всех на это купили! Делай вещи, а не деньги! Они всех нас развели, а сами, суки, под Купол, и – привет.

– А ты чего хотел? – спросил волк. – Чтоб они день и ночь о тебе ненаглядном думали?

Печальный заморгал.

– Ну... Зачем день и ночь?.. В меру, конечно. Это ж все-таки их работа.

– Их работа – держать! – прорычал тамбовский человек и обвел дымный зал налитыми кровью глазами; Денис успел отвести взгляд. – Держава – от слова «держать», понял меня? Держать и не пущать – вот их функция! Один раз пустили китайцев – до сих пор не можем опомниться.

– А я тут, значит, ни при чем? – спросил печальный, делаясь еще печальнее.

– Конечно! При чем здесь ты?

– Но я ж, блядь, гражданин!

Тамбовский волк захохотал.

– И что дальше? От налогов тебя освободили, пожизненно. Сына твоего в армию не забрали – без него народу хватает. Тебе мало? Дальше сам думай. Сам о себе беспокойся. Делай вещи. Береги и сберегай сбереженное. Эй, мать! Девушка!

Официантка торопливо поставила перед Денисом рюмку и повернулась на зов.

– Морошка есть у вас? – спросил волк.

– Конечно.

– Архангельская?

– И тверская, и архангельская, и муромская. Двенадцать сортов.

– Неси порцию.

– У нас порции по килограмму.

– В самый раз, маманя! Я эту падлу строго килограммами употребляю. И тебе советую. Смотри на меня: всю ночь сижу, два литра выжрал – и трезвый. И еще весь день сидеть буду. Только чтоб ягода нормальная была, не давленная.

Денис пригубил из широкого бокала, ничего не понял, выпил половину – понравилось; а кофе и вовсе был великолепен. Через минуту голову и тело расслабило, и происходящее за соседним столом перестало интересовать. Как раз на экранах замелькал последний клип Афони Веретено, с подмонтированными кадрами из третьего «Буслая»: главный герой топором разрубал боевого андроида, в точности как в первоисточнике: пополам до седла.

Денис был вполне равнодушен к «Буслаю», но уважал Афоню Веретено, особенно его альбом «Все и вся», особенно заглавный трек, целиком смикшированный из аутентичных стонов и криков, издаваемых девственницами в момент расставания с невинностью; финальная кода, где с математически просчитанной причудливостью сплетались звуки боли и восторга, вылетающие из двух тысяч девичьих гортаней, пробирала до костей. После такого хотелось жить.

– Во! – крикнул тамбовский волк, которому, видимо, морошка ударила в голову, и указал пальцем на Дениса. – Вот сидит! Это, как его, блядь... новое поколение! Давай у него спросим, где он хочет жить, в старой Москве или в новой! Э, паренек! Слышь? На два слова подойди!

Денис медленно допил коньяк, тщательно промокнул салфеткой губы.

– Пошел ты в лифт, – сказал он. – Где ты тут паренька увидел?

Тамбовский знаток морошки побагровел, потом рассмотрел представителя нового поколения внимательнее и побагровел еще сильнее: против Дениса шансов у него не было.

– Грубый ты, – мрачно сказал он.

– Зато молодой и красивый, – добавила одна из дам, опять проснувшись. – Не то что вы, старые балбесы. Скажите молодому человеку, пусть меня с собой возьмет.

– У него на тебя денег не хватит, – рассмеялся тамбовский человек. – Слышь, братуха! Не обижайся на меня. Ты молодец, смелый. Я б тебя застрелил, но мне лень. Хочешь выпить?

Денис отрицательно покачал головой, думая о том, что тамбовец оказался не из слабых. Не решившись на физическое столкновение, он решил взять свое другим способом. Морально. Унизить неприятеля посредством игры слов. К счастью, тут зазвонил телефон.

– Ты где? – спросил Модест. – Договаривались же. Я пришел, тебя нет... Приходи, тут сегодня каша гречневая с горячим молоком.

– Уже бегу, – ответил Денис, принимая деловой вид, и попросил счет.

На улице было совсем светло. Женщина в платке отдирала с веревок замерзшие ребра серых простыней. Старуха крошила птицам хлеб. Этот тамбовский разложенец, конечно, прав, подумал Денис. Но не во всем. Иногда они о нас думают. Об этой старухе, например, подумали. Провели закон, чтоб люди старше семидесяти пяти жили только на первых этажах. А не мучились, поднимаясь по лестницам. Живут они, конечно, не поодиночке, в коммунах, по двое-трое в комнате, – но старикам, наверное, так даже лучше, в компании доживать всяко веселее.

В «Чайнике» почему-то было пусто. Денис поискал зеленого товарища – нигде не увидел. Зато увидел несколько сломанных стульев и мрачного Кешу, владельца закусочной, – Кеша возил шваброй по кафельному полу, сгонял из-под столов к центру зала мутную малиновую воду.

– Забрали Модеста, – сказал он. – В патруль. Он сидел, тебя ждал, потом зашли какие-то уроды, не местные, человек семь. Здоровые быки. Вроде не разложенцы, но... В общем, они мне сразу не понравились. В восемь утра – пиво с водкой... Подсели к Модесту, разговорились... Кто-то назвал его «мыслящим тростником»...

– Ах, черт, – сказал Денис. – Что ж ты их не предупредил? Видел же, что не местные.

– Не успел, – сокрушенно сказал Кеша. – Потом всех увезли. Четверых в больницу, остальных в участок, и Модеста тоже...

– Ладно. Давай вторую швабру, помогу.

– Не надо, сам справлюсь. Садись вон, в угол, там чисто. Кашу будешь, гречневую?

– Буду, – ответил Денис. – И чаю давай, горячего. И хлеба черного.

Глава 4

За Модеста он не волновался. Модест был богаче всех друзей и знакомых Дениса, за

исключением, конечно, Глеба Студеникина, и мог без особых усилий мгновенно компенсировать пострадавшим все расходы по лечению сломанных носов, выбитых зубов и вывихнутых конечностей. А тащить зеленого человека в суд было бессмысленно, ибо нельзя приговорить к исправительным работам того, кто и так готов делать любую работу и много лет ее делает. Скромно, молча, за копейки.

Денис все же пособил Кеше с уборкой, собрал сломанную мебель и понес выбрасывать, причем по дороге за Денисом увязались двое серьезных юнцов и за пять минут, подбирая варежками сопли, ловко убедили его, что два из трех стульев можно починить. Ладно, разрешил Денис, делайте вещи, берегите сбереженное; вручил мебель в руки малолетних умников, и те ушли, возбужденные и довольные, хрустя по снегу новыми валенками.

Потом долго завтракал, обсуждая с Кешей местные сплетни, потом прилег в подсобке «Чайника» на твердую кушетку, укрылся ветхим кроличьим полуперденчиком и заснул, а проснулся только под вечер, разбуженный телефонным звонком: Студеникин напомнил, что ждет в гости.

Денис не хотел идти. Точнее, в гости хотел, тем более к Глебу, – но не хотел видеть Таню. Особенно в квартире Глеба. Теплую, домашнюю, небрежно причесанную. Сидящую в кресле Глеба, проходящую по коридору Глеба, предлагающую ему – Денису, гостю – кофе Глеба, сваренный в кофеварке Глеба и налитый в чашку Глеба. Мужчина не должен видеть, как его бывшая женщина обживает чужой дом. Особенно если это дом лучшего друга. Но в «Чайнике» пахло горячими калачами, Кеша пек их каждое воскресенье, за столами тесно сидел народ, в вязаных кофтах, свежих рубашках и простых платьях из льна и ситца, все свои, правильные, и многие грубые ладони приветственно поднялись, когда Денис, почесывая легкую со сна голову, вышел в зал, а за идеально чистыми окнами густел и уплотнялся прозрачный зимний вечер, настоящий московский, сверху рубиново-лиловый, с редкими твердыми звездами, снизу – мохнато-серый, словно разумное северное чудо-юдо гостеприимно помавало мягкими лапами: расслабься, человек; позвали в гости – иди с чистой душой, если с чистой душой позвали.

И он пошел.

Таня – пусть; в халате, с маленькими голыми ступнями в шлепанцах из козьей шерсти, хозяйкой чужого дома – пусть. Он будет невозмутим. Он будет шутить, выпивать и закусывать, он не выдаст себя даже полувзглядом.

По обычаю богемных двадцатых этажей потащил увесистый мешок еды и бытовых мелочей; ничего особенного, пять килограммов сахара и десяток пачек мыла, и то и другое – купленное за простые рубли в лавке кооператива «Все свое». Дело не в самом подарке, а в его тяжести. Поднять на девятнадцатый этаж пачку сахара – тоже труд. Конечно, Студеникин не испытывал проблем с доставкой, и дешевое мыло, скорее всего, презирал, но Денис любил и уважал традиции: зовут в гости, на верхние этажи – не бери конфеты, не бери вино, прихвати что-нибудь простое и тяжелое. Воды канистру. Или картошки полмешка.

Дверь у Глеба открывалась древним способом, как у безумного Постника: видеоглаз с инфракрасным режимом и электрический замок. Плюс еще совсем архаичное приспособление, древнерусское: засов. Стальная балка поперек, с внутренней стороны. Разумеется, Студеникину есть что беречь, мысленно констатировал Денис, без зависти, но с уважением.

– Ноги не болят? – осведомился Глеб, без усилий опуская на место массивную пластину засова.

– Нет, – сурово ответил Денис. – Что за шмотка на тебе?

– А что? – озабоченно спросил Глеб и приосанился. – Свиная кожа. Полторы тысячи простых рублей. Две недели вокруг нее ходил, с духом собирался и вот сегодня решил – не могу, надо взять. Сделать себе подарок... С барышей. Проходи давай. Одного тебя ждем.

– Разложенец, – сказал Денис, изловчившись скрыть улыбку.

– Ничего подобного, – возразил Глеб и небрежно погладил богато отделанный рукав. –

Я поддерживаю отечественного производителя. Товар куплен в магазине «Все свое». Изготовлено из российских материалов по российской технологии. По-английски “tattoo-pig”, по-русски – «свинячий партак». Патент продан в двадцать стран, автор патента уже миллионер и недавно переехал в Новую Москву. Гениальная идея. Татуировки наносятся живой свинье, потом ее забивают, а кожу выделывают. Дамские сумочки идут нарасхват. Куртки тоже. Я последнюю взял...

В первой комнате Студеникин устроил офис, во второй – склад, в третьей было интереснее: негромко звенела музыка, в медной чаше курились благовония, на стене переливалась оправленная в полированный орех увеличенная копия финального кадра трехмерного эротического видеокомикса «Эрегатор». На огромном диване попой вверх лежала, болтая ногами, немного пьяная Таня, в мягких домашних брюках и майке с надписью «Конченная сука», а в трех метрах от нее, на ковре из квазживых водорослей отвратительного ярко-зеленого цвета, стоял вверх ногами Хоботов, приятель и доверенный помощник Глеба, хулиган, спортсмен и отчетливый разложенец. Стоял неподвижно, опираясь только на один-единственный палец, указательный, на левой руке.

Может, мне надо было тоже благовония жечь, подумал Денис. Тогда бы я ее не потерял. Свою девушку.

– Еще пять минут, – объявил Глеб, входя вслед за Денисом, и взмахом руки убавил громкость аудиосистемы. – Не помри от натуги, Хобот.

– Хоть двадцать, – небрежно сказал Хоботов.

– Студеникин, – позвала Таня. – Не мучай человека. Сам ведь так не можешь.

Глеб сдернул с плеч куртку, швырнул ее в угол – запахло новой кожей – и с сильным выдохом утвердился рядом с Хоботовым, в той же позиции.

Денис поцеловал бывшую подругу в прохладную щеку и сел рядом. Таня тут же запустила ему в ладонь проворные пальчики, но Денис, грамотно выждав несколько мгновений, как бы невзначай убрал руку.

– Хоботов проиграл спор, – сообщила Таня. – Теперь он должен простоять на одном пальце ровно полчаса.

– Жестоко, – оценил Денис.

– Нормально, – трудным фальцетом возразил Хоботов.

Таня усмехнулась.

– Он утверждал, что саундтрек к первой части «Однажды в Иркутске» написал Тихон Бес.

– А на самом деле?

– Эй, – тяжелым от напряжения голосом проскрипел Студеникин, продолжая балансировать. – Хоть ты-то меня не разочаровывай!

Денис вспомнил:

– Симон Горский.

– Слава богу. А я уж думал, что не все про тебя знаю.

– Пижоны, – процедила Таня. – Я не поняла, вы будете всю ночь хвосты распускать перед девушкой или делом займетесь?

– Одно другому не мешает, – хрипло процедил Хоботов.

– Может быть, – сказала Таня. – Только вы глупо смотрите. У обоих дырявые носки.

– Ничего не поделаешь, – ответил Глеб. – Такая работа. Два раза наверх сходишь – все, на пятке дырка.

– Это тебя не извиняет, Студеникин. Хватит придуливаться.

– У тебя есть кавалер, – сказал Глеб. – В отличие от нас правильный человек. Пусть он за тобой ухаживает.

– Я ей не кавалер, – сказал Денис. – Это ты ей кавалер. С некоторых пор.

– Я? Кавалер? – Глеб вскочил на ноги, тряхнул сильной кистью и улыбнулся. – Какой я кавалер? Нашел тоже кавалера. Я с ней сплю, это да. Это есть. Это глупо отрицать. Но насчет кавалера...

Таня вздохнула и поднялась с дивана.

– Пойдем, правильный человек, – сказала она и погладила Дениса по плечу. – На кухню пойдем. Расскажешь, как твои дела. Эти два подонка мне надоели.

– Хоботов, время, – сказал Глеб.

Его приятель тут же обрушился на ковер.

– Да, я подонок, – небрежно произнес он. – Зато пробиваю вот этим, – он поднял вверх указательный палец, – китайское бронестекло. Класа «А».

– Пробей себе дырку в голове, – рекомендовала Таня. – Пусть кто-нибудь вставит тебе немного серого вещества. Класа «А».

– Лучше – зеленого! – воскликнул Хоботов и расхохотался, а Глеб шевелением мизинца добавил громкости, и на все его шесть просторных, окрашенных в психоделические цвета и уставленных дубовой мебелью комнат загудели первые, самые красивые и самые зловещие аккорды «Танца нищих» – наилучшей, на взгляд многих, вещи гениального Тихона Беса, поклявшегося, как писали музыкальные журналы, больше никогда не выкладывать музыку в Интернет, чтобы не связываться со всемогущими боссами рекорд-студий, а транслировать свои опусы только по радио. Бесплатно.

– Кстати, да! – Плотно воскликнул Студеникин. – Я ж не предупредил! Слышь, правильный человек! У нас сегодня вечер зеленого вещества!

Но Таня уже шла по коридору, а Денис – за ней.

На кухне пришлось перешагивать через пакеты с едой: устраивая посиделки, даже такие, как сейчас – скромные, на четверых, – Глеб обязательно делал богатый стол.

Таня закурила. Не глядя на Дениса, спросила:

– Кофе хочешь?

– Хочу. Я ночь не спал.

– По-моему, из нас четверых ночью спала только я. Эти двое вообще пришли в полдень. Веселые оба. Видать, много заработали.

– Очень много, – сказал Денис. – Можешь не сомневаться. А вот меня с собой не взяли.

– Не переживай, – усмехнулась Таня. – Ты еще свое заработаешь. И с ними, и без них. Лучше – без них.

Она мне ровесница, подумал Денис, а разговаривает, как с ребенком. Наверное, она и вправду конченная сука.

– Расскажи что-нибудь, – тихо попросила Таня.

– Лучше ты.

– А мне нечего рассказывать. Сам все видишь. Он меня почти никуда не выпускает. Даже тампаксы сам покупает.

Денис кивнул. На месте Глеба он делал бы то же самое.

– Скажи ему, чтобы выбросил свою куртку. Она кошмарна.

Таня рассмеялась.

– Сам скажи.

– Меня он не слушает.

– Меня тоже. Он вообще никого не слушает.

– Все равно, – сказал Денис. – У него беда со вкусом. Повлияй на него. По-женски.

– Не буду, – сказала Таня. – Безвкусица меня возбуждает.

Она стала выкладывать еду на огромный – полированная гранитная плита – стол; все было готовое к употреблению, сдирай упаковки и действуй; Студеникин запрещал своей подруге стоять у плиты. «Женщина нужна мне в постели, а не на кухне» – так он ей сказал. А она процитировала Денису. После бегства на девятнадцатый этаж она упорно пыталась сохранить с бывшим бойфрендом некий контакт, что-то из серии «остаться друзьями», или, скорее, держала бывшего в резерве, на тот случай, если выгонит нынешний; дважды сидели в «Евроблинах», платила она, и Денис удостоился некоторых подробностей, включая самые интимные, но от третьего предложения встретиться и поболтать уклонился; статус подруги показался ему унижительным.

Пока Таня нажатием разнообразных кнопок раздвигала стену и перемещала в зал полностью сервированный стол, Денис сидел в углу кухни, на высоком барном табурете, и листал попавшийся под руку журнал – из тех, что раздают бесплатно: обложка ярчайшая, в середине реклама, в начале и в конце агитация. «Делай вещи, а не деньги». Плюс обязательный «проблемный материал», посвященный в данном случае самой большой столичной теме – теме сноса. Денис пытался вчитаться, но быстро понял, что автор сам никогда не работал на сносе, не махал кувалдой, обливаясь потом, и кусок бетона весом в пятнадцать килограммов ни разу не падал ему на ногу.

– Эй, Герц! – крикнул Глеб. – Присоединяйся к коллективу. Предлагаю хорошо посидеть, а потом в кино, на ночной сеанс. На третьего «Буслая».

– Я еще второго не посмотрел.

– И не смотри. Ерунда. Третий сильнее. Называется «Буслай и Ванька Пешеход». В иностранном прокате – Buslay and Jonnie Walker.

Денис сел за стол, долго думал, во что воткнуть вилку – то ли в буженину, то ли в осетрину, – в результате никуда не воткнул, налил себе водки, молча выпил, ни на кого не глядя.

– Сильный ход, – произнес Глеб, глядя ему в глаза. – Говорят, водка – наилучший аперитив.

– Кто говорит? – спросил Денис.

– Люди. Но ты меня не слушай, дружище. Ты делай, что хочешь. Ешь, пей, отдыхай, сегодня твой день. А мы с Хоботом выпьем – за тебя. И Таня, может, присоединится. Налей, Хобот. По полной. – Студеникин встал. – И выпью я вот за что. Сегодня ночью мы с тобой кое-где были, кое-что сделали и кое-каких денег подняли. Но перед тем как пойти с тобой сам знаешь куда, я сидел вот в этой комнате и морально готовился. Потому что каждый раз, когда я иду сами знаете куда, мне страшно. Всем страшно, и мне тоже.

Хоботов сделался серьезен и кивнул.

– ...а вот она, – Студеникин показал на Таню, – сидела напротив и говорила мне, что я гад и тварь, потому что втягиваю Дениса в свое гнилое ремесло. А я на нее смотрел и думал: она права.

Таня сверкнула глазами.

– Я на самом деле гад и тварь, – спокойно продолжил Глеб, кланяясь Тане. – Это общеизвестный факт. Но я еще твой друг. – Тут он поклонился уже Денису. – Больше скажу: твой старший товарищ. И я позволил тебе взяться за рюкзак только после твоих многочисленных просьб. И только тогда, когда понял: деньги для тебя не цель, а средство. И нужны они для дела святого... Самым близким людям помочь... Вот что я тебе скажу, Денис: куда бы ты ни пошел, вверх, или вниз, или куда-то еще, оставайся таким, какой ты сейчас. Никого не слушай. Меня тоже не слушай. Даже ее, – Глеб вторично показал на Таню, – не слушай. Хотя она и умнее всех нас, вместе взятых. Только себя слушай. Мы разложенцы и уроды, а ты – цельный и чистый парень, будь собой и посылай в лифт любого, кто будет мешать тебе жить. За тебя!

– За тебя, – прошептала Таня и улыбнулась Денису так, как никогда не улыбалась.

– За тебя, – провозгласил Хоботов. – Ты красавчик у нас. Так и держись.

– Спасибо, Глеб, – сказал Денис.

– И еще одно, – добавил Студеникин. – Раз ты сегодня не хочешь есть, а хочешь пить, я предлагаю тебе кое-что интересное. Мы с Хоботом специально на другой конец города мотались...

Театральным жестом он снял крышку с одной из тарелок.

– О боже, – сказала Таня.

– Еле нашли, – гордо заявил Хоботов.

– Ты бери, сколько хочешь, – сказал Глеб, – а нам оставь по одной ложечке.

Денис покачал головой:

– Мне нельзя. Плохая наследственность.

Глеб и Хоботов рассмеялись.

– А у кого она хорошая? – спросил Глеб. – Ты что, Денис? Мы все в одной лодке. У всех мамки и папки жрали по полной программе. Что нам будет с сырой субстанции?

– Мой папая в прошлом году все-таки раскололся, – сказал Хоботов. – Поведал про сладкие старые времена. По пьяному делу... Я, говорит, пятый номер вообще за номер не считал. Только седьмой и восьмой. Каждое утро – по таблеточке, и вперед.

– Слушайте, – тихо сказал Денис, – давайте просто напьемся. Ну ее в лифт, эту штуку. Она ж стоит в десять раз дороже кокаина.

– Ну, смотря какой кокаин, – небрежно сказал Глеб. – Не парься по этому поводу.

– Двести чириков за дознячок, – объявил Хоботов, глядя на Таню. – Со скидкой. Мы взяли пять дознячков. Денису две порции – и нам по одной. Кстати, я могу и обойтись. Мне бухать нравится, а стебель, если честно, – не мой кайф...

Пока развивалась дискуссия, Таня молча взяла чайную ложку, запустила в мутно-зеленый холодец, проглотила. Облизала. Пока облизывала – трое уже не дискутировали, смотрели только на нее.

– Умница, – похвалил Глеб.

– Стараюсь, – сказала Таня. – Говорят, ее теперь не достать.

Хобот ухмыльнулся.

– Правильно говорят. На всю Москву вылезает в год по пятьдесят – сто побегов, и с каждым годом все меньше. Нашел побег – считай, вышел в дамки. Травяные барыги тут же подруливают, в течение получаса, и отсчитывают премию, от трехсот тыщ до пятисот, червонцами, в зависимости от места. Но могут и башку отстрелить. Тут же. По-тихому. Это дешевле... Короче говоря, как повезет. Если место удачное – строят поверх стебелька какую-нибудь ерунду, пивной ларек, или закусочную, или что-то еще. И сидят тихо, пока стебелек вытянется хотя бы на два метра. Дальше не ждут – срезают. В старые времена она росла на глазах, а теперь грибница почти мертвая, побеги слабые, еле тянутся. Страшное это дело, не каждый выдержит. Надо год или полтора сидеть и ждать урожая, а если патруль узнает – никаких захватов, арестов, никаких спецопераций: прилетает вертушка, военная, бесшумная, и расстреливает все в радиусе ста метров гранатами с напалмом. У моего приятеля так брат сгорел. И с ним еще семеро. А хотели миллионерами стать...

Таня снова запустила ложечку в мякоть, но не для себя: потянулась к Денису, поднесла к его губам.

– Правильно, – похвалил Глеб, и его глаза сделались белые, колючие и блестящие, как два шарика фольги. – Ешь, Герц. Лично я из ее рук любой яд приму.

Денис обнял ложечку губами, раздавил языком комок слизи, проглотил. Таня поощрительно улыбнулась.

– Воды дай, – сказал Денис.

– Конечно, – нежно ответила Таня, наливая в стакан «Байкал-дабл-люкс». – Только я сама.

Подсела ближе, коснулась твердым бедром, подняла фужер к его носу, осторожно наклоняла, пока он втягивал в себя.

– Bravo, – произнес Глеб. – И эта девочка говорила мне, что я испорчу хорошего парня Дениса Герца.

– Никто его не испортит, – сказал Хоботов, наливая себе водки. – Пока он сам не захочет. Кстати, Денис... я слышал, ты журналы собираешь?

– Не журналы, а журнал. «Самый-Самый».

– Я знаю малого, у него есть такой журнал.

– И сколько он хочет?

– Не знаю. Он обычный парнишка, не деловой. Типа правильный. Позвони ему, он, может, тебе за так отдаст. Или обменяет на что-нибудь...

– Короче, не разложенец.

– Абсолютно. Третий год на сломе работает, там и нашел.

– Что ж ты молчал?
– А ты не спрашивал... У кого телефон звонит?
– У меня, – пробормотал Студеникин и вышел из комнаты, вытирая руки салфеткой.
– Денис, – слабым голосом позвала Таня. – Пей воду. Надо сразу выпить два или три стакана.

– Знаю, – произнес Денис. – А мясо нельзя. И вообще, лучше ничего не есть.
– Хочешь, потанцуем?
– Нет.

Таня прилегла, положила голову на его колени, поднесла руку к глазам.

– Так смешно... Я чувствую, как ногти растут.
– Рад за тебя.

В проеме двери появился Студеникин, сделал Хоботову знак, – оба исчезли, с озабоченными выражениями красных от выпитого лиц.

Некоторое время Денис слушал, как скользят вдоль его хребта сигналы, превращаясь, по мере подъема по спине к шее и далее – к затылку, из простейших импульсов – в идеи, мысли, умозаключения; было понятно, что всякая мысль, от ничтожной до гениальной, есть не более чем слабый, затухающий остаток первородного энергетического всплеска, рожденного где-то в бесконечности и уловленного антенной позвоночного столба.

Таня закрыла глаза и стала почти бесшумно хихикать.

– Эй, – позвал Глеб, возвращаясь и шумно усаживаясь за стол. – Хватит вам уже. Ведете себя как конченные травоеды. Садитесь, поболтаем.

Не открывая глаз и не пошевелившись, Таня спросила:

– Хоботов ушел?

– Да. Заказ собирать.

– Опять в ночь пойдете?

– Да.

– Ты хочешь заработать все деньги?

– Не все, – ответил Глеб, грубо отъел от куска мякоти и стал запивать, огромными глотками, пока не опустошил литровую бутылку. – Только свои, малыш. Только свои.

– Сделай так, чтобы он больше сюда не ходил.

– Хобот?

– Да.

– Он хороший парень. За червонец горло перегрызет. Уважаю.

– А я нет, – сказала Таня.

Студеникин сложил на груди руки.

– Это потому, что ты с ним не работаешь. А только выпиваешь, изредка. А я с ним пять лет балабас таскаю. Девять раз в засаду попадал и три раза под патрульный обстрел. То есть ты поняла, да? Он монстр. Непобедимый.

– А ты не монстр? – спросила Таня.

– Не знаю. Тебе виднее.

– Хотя бы скажи ему, что волосы из ноздрей надо выдергивать.

– А тебе мешают волосы в его ноздрах?

– В общем, да.

– Буду знать, – ядовито сказал Глеб. – Но ему... Извини, малыш, не скажу. Мужчины такое друг другу не говорят. Пусть вон Герц скажет. А я не буду. Хобот – парень простой, он меня просто в лифт пошлет, и все.

– Пусть растет, – пробормотал Денис.

– Кто?

– Не кто, а что. Волос. Из ноздри... – Денис слабо засмеялся. – Он растет, я расту. Все растут... У одного волосы растут, у третьего сила прибавляется, или ум, или опыт... Или вот твоя женщина Таня, например. Как человек она в последнее время не очень выросла, а как сука конченная – продвинулась очень далеко...

– Ты имеешь в виду – в сексуальном плане? – спросила Таня, села и открыла глаза – вдруг очень глубокие, темные, влажные.

– Нет, не в сексуальном. В сучьем. Это не одно и то же.

Таня помолчала и вздохнула:

– Наверное, да. Еще недавно я была просто сучка. А сейчас – всесторонне развитая конченная сука. Это мой путь, и я по нему иду. У меня растет сексуальный аппетит. У Студеникина – самомнение. У тебя, – она погладила Дениса по предплечью, – растет чувство собственного достоинства. А у Хоботова – волосы из ноздрей. Так мы все растем, каждый в свою сторону. Как трава.

– А мы не говорим про траву. Мы про себя говорим.

Таня опять легла.

– А вы знаете, почему трава, когда растет, не повреждает человеческих построек?

– Этого никто не знает, – сказал Глеб.

– Она разумна, – сказала Таня. – Это единственное объяснение. Когда примешь дозу – сразу понимаешь, что трава умнее человека. Она, когда растет, не повреждает ни одного кирпичика. Но если ей помешать, когда рост уже в разгаре... Я фильм видела, по Нулевому каналу. Положили крышку стальную, а она эту крышку насквозь пробила, за три минуты. Никому не мешать, но и не позволять, чтоб тебе кто-то мешал... Это признак высшего разума. Человек так не может, а стебель может. Сначала выбрать свою дорогу в обход всех прочих дорог, а потом убирать со своей дороги любую преграду – люди так не умеют...

– Люди мало что умеют, – произнес Глеб. – И чем дальше – тем меньше они умеют. Тыщу лет назад они друг дружку саблями на фарш рубили, подышали от чумы какой-нибудь, но при этом создавали книги, симфонии, скульптуры всякие... А сейчас с человеком носятся как с величайшей ценностью – а он ничего не умеет. Сидит на жопе и пережевывает пережеванное. Если ему надо кого-то убить, он посылает вместо себя машину. Андроида. Это нас всех погубит.

– Почему? – спросила Таня.

– Потому что если ты хочешь кого-то убить, надо просто пойти – и убить. Руками. Или тем, что можно в ладонь взять. Палкой, камнем. Только так. Самому. А не посылать вместо себя пулю, ракету или железного дебила.

– Знаете, – сказала Таня, – дайте мне наушники. Я музыку послушаю. А насчет кого-то убить – это вы как-нибудь меж собой, без меня...

Она украсила себя огромным обручем аудиотранслятора и тут же стала подергивать плечами и головой, в такт одной ей слышимым аккордам, но глаза не закрыла – смотрела то на Дениса, то на Глеба, серьезно, даже печально.

– Слышь, – произнес Глеб, – как самочувствие?

– Нормально, – сказал Денис. – Говорят, эта мякоть – лучше, чем та, которую жрали в старые времена, до искоренения. Тогда жрали взрослые стебли, а сейчас – побеги. Они нежнее, и вставляет от них... сильнее.

Студеникин небрежно отодвинул тарелки и рюмки, положил локти на стол, опустил плечи.

– Я статью читал. В английском журнале. У нас ее не переводили. Там пишут, что стебли росли всегда. От первого дня творения. Иногда гуще, иногда – реже. Иногда по триста метров вырастали, иногда – как сейчас, еле-еле в рост человека. Иногда в пустынях появлялись, или в горах, в труднодоступных местах, на диких островах, в джунглях. Иногда – наоборот, в крупнейших городах. Стебли появляются раз в сто – двести лет. Где, когда, насколько мощно прорастет грибница – невозможно проанализировать. Кто находит ее, тот рано или поздно пробует мякоть и засекречивает свою находку, а потом сходит с ума и уничтожает и себя, и траву. То есть ты понял, да? Так погибли одна за другой несколько древних цивилизаций. Атланты, потом майя. Следы грибницы нашли в Африке, в Австралии и на дне Атлантического океана. Якобы древние атланты культивировали стебли, растили и снимали урожай, но потом передрались из-за травы и сами погубили свою цивилизацию.

Взорвали вместе с собой целый материк...

– Это ты не английскую статью прочел, – сказал Денис, – а какую-нибудь главу из зеленой книги. Типа «Священной тетради». В переводе с русского. До искоренения были люди, обожествлявшие траву, они создали свою религию и написали книги. Только это все ерунда.

– Почему ерунда?

– Потому что я лично знаю человека, который одну такую книгу написал. Он друг моей матери. Он сейчас под Куполом живет.

– У тебя есть знакомые под Куполом?

– Друг отца и матери. Гарри Годунов, писатель.

– Не читал. А почему он не переселит вас с матерью к себе? Под Купол?

– Мать не хочет.

– А ты?

– А мне тут нравится.

Глеб кивнул. Его лицо немного отекло.

– А кого бы ты этим угостил? – спросил он.

– Мякотью?

– Да. Если б тебе предложили выбрать любого человека из всех, кто когда-либо жил. От царя Соломона до Агафангела Рецкого. Кого бы угостил?

– Многих, – ответил Денис, сразу поняв вопрос. – Очень многих.

– Скажи. Кого, например?

– Гитлера. И Ницше. Вообще всех диктаторов и их духовных учителей. Чтоб их попустило.

– И Сталина?

– Нет, ему не положено. Его и так перло не по-детски. Вот Черчилля бы угостил, точно.

– Но он не был диктатором.

– Знаю. Но он был сибаритом, ему бы понравилось.

– А Бен Ладена?

– Может быть. Не знаю.

– Барака Обаму?

– Ни в коем случае. Президент США, Нобелевская премия – и еще его мякотью угощать? Обойдется. Вот де Голля – угостил бы.

– А еще?

– Генерала Белоглазова. За то, что приказал взорвать Курильские острова.

– Че Гевару?

– Конечно. Это не обсуждается. Полной ложкой. Посадил бы напротив и сказал: давай, брат, бери от души. И Фиделя, и Че, и Камило Сьенфуэгоса.

– Ага, – пробормотал Глеб. – Ладно, бог с ними, с политиками. Допустим, из музыкантов? Или актеров?

– Стинга. Мэрилин Монро. Чарли Буковского. Хантера Томпсона.

– Мэрилин Монро знаю, – пробормотал Студеникин. – Остальных не знаю. Кто такие?

– Долго рассказывать. Титаны далекого прошлого.

– А Элвиса угостил бы?

– Можно.

– Майкла Джексона?

– Чуть-чуть. За то, что правильно помер.

– Гришу Дно?

– Нет. Он разбогател при жизни, так у русских художников не принято.

– Леонардо?

– Ну, Леонардо, наверное, сам бы меня угостил.

– Согласен. Что скажешь насчет спортсменов?

– Третьяка и Зидана. Это из древних. А из новейшего времени – Сару Бейкер. Великая

женщина. Сто четырнадцать побед, и все нокаутом.

- А этого, который... десятикратный чемпион по боям без правил в невесомости...
- Джо Уайт? Можно.
- Иван Крышоедов? Непобедимый геймер?
- Точно.
- Марадона?
- Он же кокаин нюхал. Его бы не вставило.
- Пеле?
- Нет. У него все было в порядке. Вот Гарринчу, умершего в нищете, угостил бы.
- А, например, Билла Гейтса?
- Никогда. Но вот Стива Джобса – обязательно.
- Калашникова?
- Накормил бы от пуза. Как лучшего оружейника за всю историю человечества.
- Гагарина?
- И Леонова.
- А Армстронга?
- А его за что?
- За то, что первым ступил на Луну.
- А он туда ступил?
- Но ведь место высадки нашли.
- Кто нашел? Американцы нашли?
- Ну... Да.

Денис криво усмехнулся.

- Вот то-то и оно.
- Принцессу Диану? – спросил Глеб.
- Вряд ли. Лучше – бабку. Елизавету. Крутая была бабка, слов нет.
- А, допустим, Фердинанда Порше?
- Тогда и Энцо Феррари.
- Доктор Элшаддай?
- Отец Андроидов? Согласен.
- Шварценеггер?
- Однозначно – нет. Малый за жизнь сделал три карьеры, зачем ему что-то еще?
- Симона Горского?
- Точно.
- Достоевского?
- Обязательно, от души.
- Ивана Грозного?
- Я же сказал: всех тиранов, кроме Сталина. Его мой дед ненавидел, потому что дед моего деда заживо сгнил, по приказу Сталина, в таком месте, где даже бактерии не живут.
- Ладно. Закончим про тиранов. Ван Гога?
- Да. Но до того, как он отрезал себе ухо.
- Пикассо?
- Нет. Лучше Модильяни.
- Он тоже рисовал?
- Да. Только Пикассо умер в шоколаде, а Модильяни – в нищете.
- Афоню Веретено?
- Нет. Меня его музыка не вставляет.
- Меня тоже, но он – гений.
- Какой же он гений, если не вставляет?
- Ладно, пусть. А Сальвадора Дали?
- Нет. Но Галу, его жену, – да, угостил бы.
- А, допустим, Ли Кьонг Минь?

– Да. Мужик нарисовал три тысячи фильмов, не выходя из дома.
– Да, это сила. А из поэтов?
– Высоцкого. Чтоб не мучился. И Бродского.
– Артема Переверзева?
– Нет. Я не верю в биомеханическую литературу. Книги не должны визжать и подпрыгивать.

– Джона Леннона?
– Да. Но без Йоко.
– Нет, ее тоже надо. Ее все ненавидели...

Студеникин усмехнулся, потер ладонью щеки и нос. Его лицо продолжало отекать, вся левая сторона съехала в нелепой ухмылке, глаза сделались стеклянными. Он сорвал крышку с очередной фляги, налил воды всем троим, протянул полный стакан Тане – она небрежно, даже брезгливо отмахнулась. То ли от стакана, то ли от Студеникина.

– Ты не выглядишь радостным, Глеб, – произнес Денис.

Студеникин посмотрел мрачно, оценивающе.

– Угадаешь, куда я ночью иду?

– К Постнику?

– Да.

– Я так понял, он твой главный клиент.

– Есть и другие, – сухо произнес Студеникин. – Хочешь знать, что заказал Постник?

Денис пожал плечами.

– Ничего, – сказал Глеб. – Приходи, говорит, пустой. Только обязательно один. И никому не говори, что ко мне пошел. Никто не должен знать. Ни друзья, ни коллеги по бизнесу. Если, говорит, кому-нибудь расскажешь, сам потом пожалеешь.

– Может, подстава?

– Может, и подстава.

– А зачем ты тогда Хобота...

Глеб ухмыльнулся.

– Хоботу я скажу, что заказ отменили. И Тане тоже так скажу. Она уснет, а я пойду тихо. А Хобота я отправил не для того, чтоб он поставку собирал.

– А для чего?

– Надоел.

Глеб встал, размял плечи, сделал несколько танцевальных движений. Танцевать он не умел.

Денис тоже не умел.

– Хобот – надежный пацан, – сказал Глеб. – Даже надежнее тебя. Помнишь старую поговорку насчет того, с кем в разведку идти? Вот бывает – смотришь на человека и понимаешь, что ходил бы с ним в разведку хоть каждый день. А сядешь за стол, выпьешь, – а вам говорить не о чем...

Таня расстегнула пуговицу на рукаве Дениса; он посмотрел осуждающе – она показала ему язык.

– А зачем ты тогда мне рассказал? Про Постника?

– Чтоб ты знал.

– Но он просил...

– Мало ли чего он просил, – сказал Глеб. – У него своя жизнь, у меня – своя.

Глава 5

Когда он пришел, мать смотрела телевизор. Это Вовочка приохотил ее к телевизору, с осуждением подумал Денис. Она вообще сильно опростилась в последнее время. Даже в баню стала ходить. Но с Вовочкой, наверное, ей все-таки лучше, чем без Вовочки.

Сам Вовочка, к счастью, отсутствовал. В ночь с воскресенья на понедельник он всегда

ночевал у себя, на благопристойном шестом этаже. Чтоб ровно в восемь утра начать выполнять свои странные трудовые обязанности. Денис часто собирался спросить у бойфренда матери, в чем, собственно, заключается работа налогового инспектора в безналоговой зоне, но так ни разу и не спросил.

Мать сидела спиной к двери, в кресле, неподвижно – видимо, только что приняла цереброн. Дениса не заметила. Под цереброном она была сама не своя. Денис вспомнил, как однажды, примерно год назад, проглотил одну таблетку цереброна, из любопытства, и как потом мучился головной болью и тошнотой. Матери ничего не сказал, но стал жалеть и уважать, хотя она была сама виновата. Зачем принимала концентрат мяготи?

Впрочем, тогда, в старые времена, все жрали концентрат мяготи. И родители Дениса. И родители Тани. И родители Хоботова. Глеб Студеникин в одиннадцать лет остался без отца и матери, но точно знает, что они тоже жрали концентрат.

Теперь старшее поколение спасается цереброном. Лучше головные боли, чем расчеловечивание.

Экран переливался красками: общероссийский Нулевой канал вещал в отличном качестве. Давали вечерний блок актуальных интервью: гость студии – некто суровый, в грубо сшитом сюртучке – веско формулировал, делая простые выразительные жесты, а ведущий шоу кивал и поддакивал. Сюртучок гостя, правда, был самую малость слишком грубо сшит, а формулировки самую малость слишком веские, а жесты слишком простые, а визави кивал хоть и с умным видом, но тоже слишком истоково.

– Очень просто, – излагал суровый, живописно набычившись. – Как только административная столица переместилась в Новую Москву, туда же переместилась и финансовая столица. Хотя финансистов никто под Купол не звал. Туда вообще никого не звали. Ни промышленников, ни торговцев, ни рестораторов, ни деятелей шоу-бизнеса. Заявлено было кратко и просто: администраторы едут в Азию, в Сибирь, бизнесмены остаются в Европе. Власти – отдельно, бизнес – отдельно, между ними четыре тысячи километров. Прекрасная идея (ведущий мелко тряс напomaженной головой, демонстрируя понимание). Но не вышло. Бизнесмены почему-то устремились вслед за администраторами. Остались деятели культуры, но им деваться было некуда, пришлось ехать вслед за бизнесом, ибо культура у нас привыкла быть либо при бизнесе, либо под бизнесом. Кроме того, трудно называть культурной столицей город, застроенный черными безжизненными башнями, в которых выше двадцатого этажа творится черт знает что...

Денис ухмыльнулся, бесшумно прошел к себе в комнату. Стянул через голову свитер, лег. Отягощавшая задний карман пачка червонцев мешала устроиться удобно – он вытащил, поигрался гибкими пластиковыми денежками, их количество умиротворяло. Бросил на пол.

Почему «черт знает что»? Там жизнь творится. И ниже двадцатого, и выше двадцатого. Люди добывают пищу, размножаются, спят и бодрствуют. Ссорятся и мирятся. Спасают друг друга или умерщвляют. При чем тут черт? Все они поминают черта, как только речь заходит про этажи выше двадцатого. Мы живем на третьем, и с нами бог, а все, что выше, – от лукавого.

Все телевизионные умники одинаковы. Профессионально передернуть – вот их задача.

Мама вошла почти бесшумно.

– Тебя весь день не было, – сказала она. – Ты ел?

Десны прилипли к внутренним поверхностям щек. Денис с трудом раскрыл рот. Щелкнув языком, отодрал сухой язык от неба; вспомнил Модеста: перед тем, как что-то сказать, зеленый человек издавал точно такой же звук.

– Да, ел. Два раза.

Мать увидела деньги и изменилась в лице:

– Это что?

Денис закинул руки за голову:

– Это деньги, мама. Это деньги.

Мама кивнула. Смотрела без тревоги или осуждения, но так внимательно, что сама эта

внимательность содержала бесконечное количество тревоги и осуждения.

– Не смотри так, – попросил Денис. – Пожалуйста, не смотри так. Это всего лишь деньги.

– Я вижу не деньги, – сказала мама. – Я вижу кучу денег.

– У нас не было денег, а теперь есть.

Мать кивнула, оглянувшись, ища стул. Села, не по-женски широко расставив колени.

– Я все ждала, когда это случится, – медленно произнесла она.

Денис улыбнулся:

– Ты ждала, когда я принесу кучу денег?

– Бог с ними, с деньгами. Я ждала, когда ты попробуешь мякоть стебля.

Денис испытал момент паники, сел, решил: лучше будет признаться.

– Мама, я давно попробовал мякоть стебля. Еще год назад.

– И как тебе? – спокойно спросила мама.

Сын подумал, развел руками:

– Трудно сказать.

– Понравилось?

– Не знаю.

– Не спеши, – мягко, едва не ласково сказала мать. – Подумай. Подбери слова. Мне важно знать твой ответ. Только точный. Расскажи подробно, что чувствуешь.

– Мне... – Денис смешался, с досадой понял, что глупо улыбается. – Понимаешь... Такие вещи надо... Ну... типа на свежую голову... А я спать хочу.

– Нет. Ты сейчас расскажи. Напряги ее. Голову. И расскажи. А я послушаю.

– Она... – Денис улыбнулся. – Она не напрягается.

– Вот именно.

Слава богу, подумал Денис, она не спрашивает, где я взял мякоть. И деньги. В последнее время она совсем перестала задавать вопросы.

Хорошо иметь умную мать. Особенно когда тебе двадцать лет.

– Знаешь, – сказала она, – я никогда не думала, что твой отец может убить человека. А он убил. Тот человек был настоящая сволочь, его надо было убить – и твой отец убил его. Тот человек взял в заложники двух женщин и захватил вертолет. Тебе было семь часов от роду. Вокруг – лес, колония травоедов, ни милиции, ни власти, только толпа испуганных женщин и зеленых полукретинов... Твой отец застрелил того человека. Из автомата. Попал точно в лоб. И ранил еще двоих. На том вертолете увезли меня и тебя. Савелий остался. Пилоту он обещал, что найдет и убьет его, в любой точке мира, если пилот не вернется за остальными. Мы стояли толпой, на площади, перед вертолетом, и пилот поклялся перед всеми, что вернется. И увез меня и тебя в Москву. Твой отец двое суток не выпускал из рук автомата, пока из поселка не вывезли всех женщин и всех больных. Вывезли даже тех, у кого была третья стадия... Вывезли все истории болезней, все научные материалы, рабочие записи и дневники доктора Смирнова. Потом вертолет прилетел за мужчинами, но отца уже не было... Он ушел. В лес. Зачем – я не знаю. Одни говорят, что он якобы хотел забрать тела своих друзей. Гоши Дегтя и Смирнова... Другие говорят, что он ушел мстить дикарям. Третьи говорят, что он собирался покончить с собой. Говорят, в лесу несколько дней слышали выстрелы. Но отца твоего больше никто не видел.

Мать помолчала.

– Вот так все закончилось, Денис. А начиналось – как сейчас у тебя. С ложечки мякоти. Попробовать. Из любопытства. Все жрут, все веселые, все бодрые – наверное, и мне стоит закинуться... И вот – ты закидываешься... Тебя вставляет, прет, колбасит, плющит...

Денис впервые слышал от матери жаргонные слова и ощутил стыд. Как будто не она, а он их произнес, в самом неподходящем месте, в самое неподходящее время.

– Я все это знаю, мама. И про отца, и про зеленую мякоть. Я все понимаю. Не бойся за меня. Я не буду ее жрать больше. Никогда. Обещаю.

– А сегодня зачем сожрал?

– Сегодня? – Он опять щелкнул сухим языком. – Сегодня мне было очень плохо.

– Из-за Татьяны?

Он не ответил.

Мать сунула руку в карман халата, достала сигареты. Дорогие, кстати. Из «Торгсина». Она никогда не курила в комнатах и Вовочке не позволяла; только на кухне, обязательно в раскрытое окно; а теперь – закурила, и Денису странно было вдыхать взрослый горький дым в той же комнате, где десять лет назад он играл в солдатиков.

– Не носи это в себе, – спокойно сказала мать. – Хуже будет. Женщины не любят, когда мужики забиваются в какой-нибудь угол и молча страдают. Пьют, жрут всякую дрянь, с ума сходят... Женщины не уважают страдальцев. Страдальцу можно сочувствовать, можно его жалеть, можно ему помогать – но уважать нельзя. Женщина хочет иметь счастливое потомство от счастливого мужчины. А если мужик страдает – значит, и дети его будут страдать. Страдальцы никому не нужны. Будешь страдать – твоя Таня никогда к тебе не придет.

– Она теперь к другому ходит.

Мать пренебрежительно махнула рукой.

– Ну и что? Пусть сходит. Пусть сравнит. Дай ей время. Она ведь теперь с этим, как его... С Глебом?

– Да.

– Он ведь старше тебя. И ее.

– Ему двадцать пять.

– Взрослый, – оценила мать.

– Он не просто взрослый.

Мать снова подняла ладонь и отодвинула от себя возражения.

– Ну да. Он крутой. Я видела, у него мышцы, как у буйвола. И сам орел. Нос крючком, глаза бешеные. Торeadор такой... И деньги есть. И ведет себя очень уверенно. Только это не главное.

– Конечно, не главное, – сказал Денис. – Главное, мама, что он очень умный. С ним страшно разговаривать. Начнешь спорить, а он улыбнется и пальцы загибать начинает: во-первых, во-вторых, в-третьих... Рассуждает, как будто обедает. Первое, второе, третье и компот...

Мама пожала плечами и крепко затянулась сигаретой. Курила по-мужски. Говорила, что все журналистки курят по-мужски.

– Подумаешь. Умный. В жизни ум – не главное. И потом, ты сам далеко не глупый парень. И твоя голова устроена лучше, чем его голова. «Во-первых», «во-вторых», «в-третьих», «в-десятих» – так думать трудно, Денис. Важно уметь быстро выделить первое, оно же – самое главное. А ты хочешь думать про Глеба так, как думает сам Глеб. Во-первых, он взрослее, во-вторых – сильнее, в-третьих – умнее... Это глупо, сын. Ты любишь девушку – это первое, оно же и последнее. И самое главное. Во-первых, ты ее любишь, во-вторых, ты ее любишь и в-третьих, ты ее любишь. Чего тут думать? Иди туда, куда тебя зовет сердце, и не думай. Дай ей сравнить тебя и его. А потом иди и заberi ее себе.

– Она не пойдет ко мне.

– А ты не думай, пойдет или не пойдет, – сказала мама. – Таких торeadоров, как этот Глеб, я хорошо знаю. Они себя преподносят как подарок. Твоя Таня к нему прибежала, а он плечами пожал: оставайся, если хочешь. Потом она к тебе вернется, а торeadор опять плечами пожмет: иди, если хочешь. Я ж самый крутой, думает он. Одна ушла, другая придет. Всегда очередь стоит. Мы ж в Москве живем, здесь всегда полно девок. Так было триста лет назад, и сейчас так есть...

– Она не пойдет.

– Сделай так, чтоб пошла. Придумай что-нибудь. Только не сейчас. Сейчас ты травы нажрался и думать не умеешь... А деньги – спрячь.

– Лучше ты спрячь.

– Нет, сын. Твои деньги – ты и прячь. А я про них ничего знать не хочу.
Денис вскочил, схватил радужную пачку. Протянул.
– На. Купи цереброн. Купи сразу много, про запас. Ты же всю зарплату на него тратишь. На! Я тебе их принес.

Мама улыбнулась. Не притронулась.

– Уже не трачу. И запас у меня есть. Потом поймешь. Ложись спать.

Она встала, ушла к себе. Денис решил, что надо что-то возразить, и насчет денег, и насчет Тани, пошел следом, уже раскрыл было рот, но замер на пороге маленькой комнаты матери: с экрана телевизора смотрело знакомое лицо. Фотография, явно старая, низкого качества. Потом еще одна и еще.

– ...час назад найден мертвым, – донеслось до Дениса. – Предположительно упал с большой высоты... Лев Ставский... Он же Лева Скромный, он же Постник... Приобрел известность как личный помощник, секретарь и камердинер влиятельного бизнесмена Петра Глыбова, трагически погибшего в две тысячи сто четвертом... В последние годы вел уединенный образ жизни... По факту гибели Ставского возбуждено уголовное дело... Сотрудники правоохранительных органов отказались комментировать... Но известно, что речь может идти о самоубийстве...

Ночью его разбудил телефонный звонок. Денис оделся, бесшумно вышел из квартиры. Впрочем, мать спала очень чутко и все слышала, конечно.

Глеб сидел на ступенях, сжимал под локтем нечто объемное, завернутое в дерюгу. Сам выглядел необычно. Усталый, бледный, одетый в телогрейку и поношенные унты. Кроличий треух набок. Типичный правильный горожанин. Вернулся домой с ночной смены, взял в магазине «Все свое» шкалик пшеничной и притулился на лестнице, уединенно выпить, перед тем как предстать перед домочадцами.

Тихо спросил:

– У тебя кто дома?

– Мать. Больше никого. Насчет Постника слышал?

– Да, – сказал Глеб. – Потом поговорим. Возьми. Подержи у себя.

Денис молча кивнул, перехватил сверток, едва не уронил: под тряпкой обнаружился тяжелый контейнер светлого металла.

– Когда заберешь?

– Не знаю, – мгновенно ответил Студеникин. – Может, завтра. Может, через месяц. Или через год. Может, вообще не приду. Мне не звони, домой ко мне не приходи, никого из моих пацанов не ищи. Если что – сегодня ты меня не видел.

– Понятно, – сказал Денис. – Тогда я пошел.

Глеб посмотрел ему в глаза.

– Хочешь знать, что там?

– Нет, – ответил Денис и стал разворачиваться, но Студеникин схватил его за плечо.

– Подожди. Поставь ящик. Сюда, на пол.

Денис повиновался.

– Открой. Только тихо.

Под первой крышкой обнаружилась вторая, прозрачная. Сквозь пластик – видимо, сверхпрочный – можно было разглядеть укрепленное зажимами нечто. Темное, округлое, лоснящееся, размером с голову младенца, поперек – глубокая борозда или царапина.

– Стекло не открывай, – шепотом произнес Студеникин. – Не прикасайся. Самое главное: никакого контакта с водой. Вообще с любыми жидкостями. Малейшая капля – конец всему. Понял?

– Понял, – сказал Денис. – Это то, что я думаю?

– Да.

– Семя стебля?!

Студеникин сверкнул глазами и улыбнулся:

– Да. Это семя стебля.

Часть 2

Глава 1

Сначала на участок приходят монтажники. Срезают перила, радиаторы отопления и водопроводные трубы. Правда, задолго до монтажников появляются мародеры и берут самое ценное: цветной металл, электрический кабель. Пятнадцать лет назад мародерство было в большой моде, десятки тысяч москвичей не занимались ничем, кроме поэтапного и вдумчивого растаскивания барахла из обезлюдевших башен. Некоторые выросли в профессионалов высокого уровня, промышлявших, например, только книгами или только мебелью ценных пород. Те времена давно прошли, нынешним монтажникам достаются трубы – но и трубы в большой цене. Сплав, из которого они сделаны, крепче оружейной стали.

Монтажников сменяют подрывники: закладывают тротил и ломают часть этажа, обычно – тысячу квадратных метров. Потом надо ждать, пока осядет пыль, и запустить грузчиков. Они выгребают мелкий мусор, набивают осколками прочные пластиковые мешки и относят вниз, к транспортеру. Транспортеры маломощные, их ставят между пятидесятым и десятым, для экономии энергии; с десятого этажа мешки просто сбрасывают вниз. Сбрасывать сразу с места работ – допустим, с восьмидесят второго уровня – запрещено, слишком много пыли.

На участке остаются крупные фрагменты стен и перекрытий. То, что нельзя унести на горбу. Наступает черед молотобойцев: орудуя ломami и кувалдами, они превращают большие обломки в маленькие. Иногда начальство велит выламывать из бетона куски арматуры: черный металл тоже нужен народному хозяйству; надо беречь ресурсы и сберегать сбереженное. За молотобойцами снова приходят грузчики. И так до тех пор, пока весь этаж – стены, перегородки и перекрытия – не будет сломан и не превращен в каменно-цементное крошево.

Если у Дениса есть настроение, он идет в молотобойцы. Если нет желания махать десятикилограммовой кувалдой – таскает мешки. Денис – ветеран слома и знает все тонкости.

Сегодня он без кувалды.

Начало – в семь утра. Рабочую одежду не дают, только маски и рукавицы. В семь ноль пять пришедших разбивают на бригады и ведут на участок.

Сегодня – семьдесят пятый уровень башни «Чкалов». Сильный ветер, но ему все рады. Ветер – первый помощник на сломе. Ветер относит пыль.

Денис надевает маску, руками хватает куски бетона, погружает в мешок. Руками всегда проще, чем лопатой. Лопата – женский инструмент. Лопата хороша на уборке снега, а камень лучше грузить руками.

Ветер мартовский, сырой. Он пахнет водой и небом, он прекрасен.

Женщин, кстати, сегодня мало. И вообще, публика неинтересная. Шутки плоские, никто не предлагает сыграть в футбол. Когда-то Денис был любитель сыграть в футбол на сломе и даже стоял в воротах, имея за спиной пропасть в двести пятьдесят метров. Когда участок закончен, он представляет собой ровную площадку, можно и бегать, и прыгать. Пропустил гол – покупаешь новый мяч. Самому лучше не падать: засмеют. К тому же это больно. По периметру ломаемой башни ставят специальные сети, для уловления летящих вниз камней, а также и неловких рабочих.

Если ветер силен – можно и мимо сетки просвистеть, и тогда от тебя останется бесформенная куча полужидкого мяса, перемешанного с кусками костей. Похоронят за счет управы.

Денис наполняет мешок едва на треть. Лучше поменьше нагрузить и почаще бегать к транспортеру. Когда таскаешь балабас, это правило тоже работает: большой груз неудобен, много массы – много риска. Меньше, чаще и быстрее – так опытные парни действуют и на сломе, среди правильных людей, и на доставке балабаса, где из десяти пацанов восемь – разложенцы.

После первого часа работы какой-то новичок, юный и розовый, впервые в жизни сильно вспотевший и получивший две-три ссадины, сдергивает маску, плюет в пропасть и громко озвучивает дежурный вопрос: почему не взорвать сразу всю башню и не вывезти мусор посредством современных механизмов, экскаваторов, самосвалов и так далее? Вопрос всем надоел. Каждый день находится такой новичок, и каждый день какой-либо терпеливый доброхот подробно объясняет: понимаешь, приятель, если взорвать целый дом, облако пыли накроет половину Москвы и будет висеть несколько недель. Ломать вручную, понемногу – проще и дешевле. И, кстати, веселее.

Слом – самая веселая работа в городе Москве.

Иногда новичку говорят, что на дворе двадцать второй век, эпоха бережливости и умеренности. Что не грех вспомнить прописные, школьные истины: человек эффективнее любой машины, его КПД весьма высок. Гомо сапиенс сам себе механизм, сам себе источник питания и сам себе наладчик. Ручной труд – дешевый, китайцы поняли это еще сто лет назад. Энергия в дефиците, она стоит денег, она должна идти на обогрев и освещение детских садов, больниц, школ, фабрик и оборонных предприятий – туда, где она необходима. А сломать старый высотный дом можно и руками. Кому не нравится – пусть не приходит. Дело добровольное.

Денег не платят тут. То есть кто желает зарабатывать на сломе деньги, тот идет в коммерческую артель, но там все жестко, норма – три кубометра на рыло, за одну смену, там бригадир может матом наорать, там много пьющих, там много приговоренных к исправительным работам, бывших и будущих разложенцев всех мастей; там дурные порядки. Не будешь надрываться наравне с другими – побьют и выгонят.

В бесплатных бригадах все иначе. Нормы нет, каждый работает как может. Пришел, лопатой помахал – и на том спасибо. Но и явных бездельников на сломе не встретишь. Бездельник не встанет в пять утра и не пойдет пешком на семьдесят пятый уровень.

Сырой бетонный пол. Повсюду мелкие лужи, старый мусор – еще прошлых изобильных времен. Пахнет гадостно. Гнильем, тленом, птичьим дерьмом. Много смрадных тряпок и мятых пластиковых упаковок. Обрывки журнальных страниц. Их Денис внимательно разглядывает. Вдруг попадется что-то из отцовского журнала? Денис помнит: «Чкалов» – тот самый дом, где квартировала редакция ежемесячника «Самый-Самый».

Когда он сказал, что «Чкалов» ломают, – мать только молча кивнула. Но вечером по Нулевому каналу показали репортаж: подрывники закладывают первые заряды, глава управы торжественно нажимает кнопку. И бывшая журналистка Варвара Герц заплакала. А телеоператор меж тем давал панораму, крупным планом смакуя красноречивые детали: сто пятый этаж, умопомрачительных размеров пентхаус, в гнилой воде бассейна плавает какая-то разложившаяся дрянь, повсюду битое стекло и – буквы, грубо намалеванные поперек огромного оконного стекла:

ХУЙ ВАМ, А НЕ СИБИРЬ!

...Смена – пять часов, до полудня, потом всех кормят. Столовая обычно там же, где начинается транспортер, в районе пятидесятого этажа. Длинные дощатые столы, простые льняные скатерти, лавки. Пайка элементарная: куриная нога, две-три картофелины и кружка горячего киселя. Или рыба с овощами. Хлеба – вволю. Хлеб везде давно бесплатный, бери и ешь, и радуйся, что в России живешь. Голодных нет в Москве, ни одного человека. Богатых тоже нет, все богатые под Купол уехали, в Азию. Им там хорошо, наверное. И бог с ними.

Однако большинство приходят на слом не ради еды. А потому что так принято. Кто старое не ломал, тот новое не построит. Обычно мальчишки идут на слом с четырнадцати лет. У Дениса в классе только один мальчик никогда не ходил ломать башни, и никто того

мальчика не уважал, и он потом пропал куда-то; говорят, уехал на ферму, к родственникам.

Сам Денис ломает с тринадцати. Пришел, добавил себе год, он был крупный парень, и ему поверили.

Он поднимает на плечо очередной мешок и идет к лестнице. Он опытный трудяга, он знает, что спускаться с грузом почти так же трудно, как подниматься. За его спиной раздается женский визг. Пошел ты в лифт, гад! Только вдвоем с вами, юная леди. Сбоку кто-то добавляет, что сам не лифтер, но всегда может помочь с лифчиком. Старая шутка, задорно отвечает юная леди и смеется.

А Таня впервые пришла на слом в семнадцать. Собственно, у них именно на сломе все и случилось.

Слом – самое романтическое занятие в городе Москве.

Давно известно, что на сломе собираются только лучшие. Самые правильные. Те, кто знает: когда грибница издохла, страна подвела черту под старой жизнью; отныне все должно быть по-новому. Лучше, проще, честнее. Прямее. Яснее. Чище. Крепче. Веселее. И когда один говорит про другого: «Я с ним башни ломал», – значит, оба достойнейшие люди, а не какие-нибудь разложенцы.

Все время хохот, шутки, глаза блестят. Флирт всех степеней тяжести. Схватить девушку за задницу, стоя на краю пропасти, – это очень круто. Нравится всем юношам и многим девушкам. А те девушки, которым не нравится, на слом не ходят, а разлагаются внизу, в зевоте теплых квартир и уютных ресторанчиков.

Стены в столовой исписаны лозунгами. От руки. Новые изречения появляются каждый день. «Кто не ломал, тот не построит», «Ломай, или тебя сломают», «Делай вещи, а не деньги», «Кувалда – лучший друг интеллектуала», «Сломал – радуйся, построил – наслаждайся». Тут ведь каждый пришел не стены ломать, не потолки, а старую жизнь, гнилую и мутную, смрадную, липкую, пропитанную завистью, презрением, неуважением, эгоизмом.

Почти все – молодежь, но даже среди молодых есть ветераны, сломавшие не одну башню и не две. Часто Денис видит, например, знаменитого Бориса Кольванова, или дядю Боря. Дяде Боре двадцать семь лет, и он сломал, от сотого этажа до первого, девять домов.

А всего их в Москве двести тридцать пять, и ломают по три в год.

Другая популярная фигура – Модест, он вне конкуренции; когда он приходит на слом, собирается толпа, всем интересно посмотреть, как зеленый человек орудует двумя кувалдами, с двух рук, не потев и не утомляясь.

Здесь его называют Халк, но только за глаза. Модест обидчив. С другой стороны, за все время работы на сломе Денис только раз видел, чтобы Модеста всерьез вывели из себя: какой-то неуч спросил (кстати, вполне вежливо), действительно ли зеленые люди вдыхают углекислый газ, а выдыхают кислород. Но и тогда не дошло до греха: болвана отвели за угол и растолковали, что гомо флорус дышит не легкими, а всей поверхностью тела. И вообще, Модеста, когда он работает, лучше не отвлекать. А работает он всегда.

Трудовые подвиги зеленого существа пытаются повторить многие, но пока никто с двух рук бить не научился. Денис тоже не научился, хотя по молотобойному делу он всегда был один из первых и девушку Таню именно этим привлек.

Таня, кстати, не скрывала, что пришла на слом искать себе хорошего парня. Все грязные, все в пыли, все с ног до головы обмотаны тряпками; смотришь только в глаза и еще на то, как человек себя ведет; идеальная обстановка для смотрин.

Слом – самое эротическое место в городе Москве.

В тот день молотобоец Герц вошел в столовую, поигрывая кувалдой, как ножичком перочинным. У рукомоиника шумно привел себя в порядок, вразвалку встал к раздаче, пошутил с разбитными поварихами, получил порцайку; утвердился за столом, в два укуса рубанул курячью ногу, преломил пополам свежую буханку. Только потом перевел взгляд на сидевшую напротив маленькую девушку в косынке, гревшую ладошки о кружку с чаем.

Кувалда у Дениса была персональная. С гравировкой: «Для тонкой работы». Девушка

прочитала, рассмеялась.

– Можно потрогать?

– Меня? – уточнил смелый молотобоец.

– Ее.

– Меня – можно. Ее – нельзя. Сложный инструмент, настройки собьешь.

Девушка опять рассмеялась. Зубы белее белого, ярчайший румянец, не красавица, но лицо правильное, открытое, глаза умные, лукавые. Чистая кожа, ни грамма косметики, крепенький мужской подбородочек, живой подвижный рот, сдвигаемый набок в моменты задумчивости. После того как четыре часа подряд помахал кувалдой – становишься очень внимательным к деталям женской внешности.

– А зачем царапины? – спросила она.

– Это не царапины, – поправил молотобоец. – Это насечки. По числу башен.

– Ты сломал две башни?

– Эта – третья. Кстати, я Денис.

Она ему понравилась. Загадал: если встретимся внизу, в нормальной одежде, и у нее окажется хорошая фигура – ни за что не упущу.

Он не сразу признался ей, что вторую свою башню ломал, состоя в коммерческой артели. Надоело быть бедным, захотел свои деньги иметь. К тому же «коммерческие» считались крутыми ребятами, их побаивались, они ходили окруженные мрачной аурой трудолюбивых негодяев, а что может быть интереснее для шестнадцатилетнего парнишки, чем общество трудолюбивых негодяев?

Потом пошел слух, что коммерческий слом будет прекращен, поскольку стимулирует разложение, и Денис отчислился.

С самого первого дня он постановил быть с Таней максимально откровенным. Честно сказал, что беден. Честно сказал, что считает себя неудачником: поступал в летное училище, но не прошел медкомиссию, нашли некий изъян в глазном дне: пришлось идти в скучный энергетический университет. Честно сказал, что сын травоядной матери и травоядного отца. Честно сказал, что разлагаться не приучен, моду презирает, не танцует, червонцами не обладает и вообще, в материальном плане мало что может. Но девушка Таня только улыбнулась и ответила, что приверженность принципам гордой, опрятной бедности крупно написана на его лбу, но это ее не пугает. Позже Денис выяснил, что папа ее, хоть и разведенный с мамой, на семнадцатилетие отписал дочери просторную комнату на четвертом уровне в квартире всего только с двумя соседями.

Первое время Таня помалкивала о том, что живет отдельно от папы с мамой. Вечерняя прогулка, бурный поцелуй на лестничной клетке – «мне пора». Впоследствии он спросил, зачем она лгала, зачем намекала, что ее честь блюдет строгая мама, ожидающая дочь не позже двадцати трех ноль-ноль? Зачем часами сидела с ним на каких-то антисанитарных лавочках, на сомнительных подоконниках в сомнительных подъездах? С какой стати обжиматься в углу душного кафе, если есть своя отдельная комната, где никто не побеспокоит? «Я была не готова», – ответила Таня. Денис не понял, но кивнул. Почему не готова? Он, например, был всегда готов.

Он тогда был фанатичный театрал, водил подругу на спектакли, билеты стоили копейки, по Москве уже несколько лет гремел театральный бум, продвинутая молодежь забивала до отказа маленькие зальчики, каждую неделю где-то давали шумную премьеру, пьесы сплошь новейшие, вчера из-под пера, непременно злободневная сатира. Издевались жесточайшим образом надо всеми: над патрулем, над разложенцами, над жадными фермерами, над владельцем «Евроблинов» Аркадием Стариковым, над правительством великой страны, сбежавшим от своего народа в супергород под Куполом. Однажды Денис даже сам едва не влился в труппу к школьному приятелю, гениальному режиссеру, алкоголику и бессребренику, но вовремя понял, что вряд ли будет полезен обществу в качестве третьеразрядного актера. Фактура сильная, но не пластичная, сказал гениальный алкоголик, отпуская Дениса восвояси; через год гения расстреляли за педофилию.

Но больше театра молотобоец любил все-таки вечера наедине со своей девушкой. Однажды девушка сказала, что «готова», и они немедленно совокупились.

И даже прожили в ее комнате почти два месяца, круглосуточно занимаясь всякими глупостями.

— Я тебя не люблю, — сказала Таня в первый день совместной жизни. — Но очень хорошо к тебе отношусь.

Собственно, Денис не настаивал именно на любви, — кто его знает, какая она бывает, любовь. У меня есть женщина, я о ней забочусь, и мне до мелочей известен каждый сантиметр ее тела, а любовь это или не любовь — пусть она сама, Таня, ищет название. Потом сосед по квартире — бывший конченный травоед, почти невменяемый от огромных доз цереброна, — донес в патруль, что имеет место незарегистрированное сожительство, с распитием алкоголя и полночным весельем; вдруг притон? Денис объяснялся в управе, и его простили как активиста слома.

Потом он познакомил Таню с Глебом Студеникиным.

Глеб и Денис сошлись тоже на сломе. Вместе работали в коммерческой артели. Правда, Глеб не скрывал, что ходит ломать не для денег, а только ради соответствующей отметки в личном файле. Он таскал балабас, снимал квартиру на двадцать пятом, не выходил за порог без тысячи червонцев и ужинал только в «Евроблинах». Если участковый, патрульный или дружинник интересовался у Глеба происхождением толстой пачки наличных, Глеб показывал ладони в мозолях и усмехался. Что за вопросы, начальник, я четыре года на коммерческом сломе! Патрульные или же дружинники смущенно отваливали, поскольку в патруль или дружину шли обычно именно те, кто не любил работать. Ни на коммерческом сломе, ни в других местах. Впрочем, в России всегда так было.

Сначала Денис принял своего нового приятеля за обыкновенного разложенца. Но ему хватило четырех совместно выпитых кружек пива, чтобы понять: Глеб Студеникин — в порядке. Он веселый, сильный и благородный человек. Особенность его характера в том, что он ни во что не верит.

Глеб не верил в главное: в то, что можно сломать старое и построить новое. Это Дениса возмущало. Налаживание новой жизни провозглашалось в букварях, мальчиков и девочек готовили к новой жизни с четырех лет; все, что происходило до искоренения, считалось детским периодом развития гражданского общества, — ныне детство кончилось, игры канули в прошлое, теперь все иначе, по-новому, по-взрослому: надо работать, беречь сбереженное, делать вещи, создавать взрослую жизнь во взрослой стране, это всем известно, как может Глеб возражать против столь простых и очевидных вещей? Но Глеб возражал. Он считал, что новое можно строить сколько угодно — однако ничего старого сломать нельзя. Прошлое неуничтожимо, оно возвращается, и чем более убежден человек в том, что изжил старые пристрастия, старые правила, старые порядки, старые обычаи, болезни, моды, принципы, теории — тем послушнее его судьба возвращается на круги своя. Они много спорили, Денис горячился, Глеб загибал пальцы: во-первых, во-вторых, в-третьих, — и неожиданно оба разучились обходиться друг без друга.

Сегодня в столовой опять треска с тушеной морковью. Рыбы в последнее время все больше, в стране бурно развивают северное рыболовство, любители длинного рубля уезжают на Шпицберген. Еще полгода назад Денис тоже любил длинный рубль — сейчас разлюбил. Сначала надо закончить университет. Энергетики все равно зарабатывают больше рыбаков.

Столовая огромна, эхо голосов улетает под своды, но зато и кухонный чад рассеивается. Денис не любит запахи еды. Мать говорит, что это семейное, от отца.

Бригадир утверждает, до искоренения в столовой был каток. Намораживали лед, и публика развлекалась. Неудивительно, что старая жизнь рухнула, думает Денис, пережевывая, с некоторым усилием, твердую рыбу. Делать каток на пятьдесят первом этаже — типичное разложение. Зачем? Ради чего? Столько труда вбивалось во все это, столько

энергии уходило. Кому пыль в глаза пускали – самим себе? Не было разве других забот? И главное: что же молчали те, кто по самой своей природе не способен молчать? Мыслители, философы, публицисты, писатели, профессиональные интеллектуалы – где они были? Почему не повернули общественное мнение, почему не смутили умы, почему допустили всю эту средневековую, воняющую тщеславием вакханалию роскоши? Если каждому школьнику известно, что роскошь убивает?

Именно поэтому, думает Денис, на слом приходит не только молодежь. Вон, через три стола склонились над мисками двое, в добротных тужурках, в крепких брезентовых штанах, один – какая-то знаменитость, его лицо мелькает в передачах Нулевого канала, и на телезвезду до и дело оглядываются девчонки, а он делает вид, что ему наплевать, и демонстративно поглощен беседой с товарищем; и тому и другому примерно пятьдесят – значит, старые времена хорошо помнят. Может, пришли ностальгировать? Может, сами катались в этом ледяном дворце, любуясь панорамой гиперполиса, заросшего зеленым сорняком? Нет, решает Денис, они не ностальгировать пришли, не те выражения на лицах. Они пришли ломать. Подлечить смущенную совесть. Им плохо сейчас, грустно. Скорее всего, оба на цереброне. У них было все, что душа пожелает. Тотальный комфорт. Нынешняя зыбкая житуха, с вареной морковкой, бесплатными общественными работами, подранными на локтях телогрейками, льняными портками из магазина «Все свое», круглогодичной экономией и бережливостью к сбереженному кажется им наказанием. И они приходят сюда, на слом, отмаливать грехи. Не перед богом – перед собственными детьми.

Неподалеку от Дениса возникает шум, кто-то восторженно ахает, кто-то взвизгивает. Это пришел Модест. Денис машет ему рукой, и зеленый великан садится напротив. Ставит перед собой двухлитровую бутылку с водой, она у него особенная, крышка с таймером: выпил сто пятьдесят граммов – весь следующий час пробка не откроется. Модесту нельзя много пить.

– Опять ты здесь, – говорит Денис.

– И ты, – гудит Модест. – А я думал, ты теперь таскаешь разложенцам деликатесы. На сотые этажи.

Денис кивает.

– Таскаю. Но редко. Если деньги нужны. А вот ты обещал на сломе не появляться. А работать на живой земле, внизу.

– Внизу скучно, – отвечает Модест, оглядываясь на соседей по столу. Соседи робко улыбаются.

– Ты бы не ходил на слом, Модест, – задумчиво произносит Денис. – Нечего тебе тут делать.

Зеленый человек хмурится, шевелит бровями. В начале весны его кожа меняет оттенок. Сейчас ее колер напоминает темные полосы на перезревшем астраханском арбузе.

– Это еще почему?

– А потому, – говорит Денис, – что ты работаешь за пятерых, и обычных людей смущаешь. Все хотят за тобой угнаться. Непроизвольно. Начинают втрое быстрее махать кувалдами. В итоге – быстро выдыхаются. Я говорил с нарядчиком, он все подсчитал. На тех участках, куда ты приходишь, выработка сначала подскакивает на двести процентов, а потом резко падает. В итоге от тебя, Модест, никакой серьезной пользы.

– Это не моя проблема, – спокойно говорит Модест. – Я гомо флорус, я вообще считать не умею. Сами считайте выработку. А я буду делать то, что доктор прописал.

Денис ломанул горбушку черного, собрал из миски остатки морковного соуса.

– Извини, Модест... Ты мне друг, мы с тобой за одной партой сидели. Вот скажи мне: как мог доктор тебе что-то прописать, если он погиб за год до того, как ты родился?

– Дурак, – сурово отвечает Модест. – Всем нам прописано одно и то же. И гомо сапиенсам, и гомо флорусам. Трудись, и будешь человек. Везде, непрерывно, телом и мыслями. Многие наши, кто под Куполом живет и не работает, уже корешки пустили. Это не афишируется, но я знаю. Потому что перестали помнить, что доктор прописал. А я помню. И

книгу его каждый день читаю. Доктор успел закончить только первую главу, но нам говорили – надо наизусть...

Модест прикрыл веки, поднял вверх зеленый указательный палец и процитировал:

– «Тебе не нужно спать. Тебе не нужно есть. Ты не можешь страдать от холода, жары и усталости. Но это ничего не значит. Ты – человек. Трудись и оставайся человеком. Трудись, или вырастешь в прах». Вот я и тружусь. А ты лезешь ко мне с какой-то выработкой.

– Извини, – сказал Денис. – Но ведь это все знают, Модест.

– Что все знают?

– Что человеку надо трудиться.

– Да? – Модест помрачнел и навис над Денисом. – Все знают? Почему ж тогда вы ходите в рванине? В двадцать втором веке от рождества Христова? Зимой мерзнете, летом потеете? То строите, то ломаете? Молчи лучше. Гомо сапиенс хуев.

– Извини, – еще раз произнес Денис.

– Ничего, – бубнит Модест. – Я привык. Пойдем в «Чайник», я тебя угощу.

Денис кивает, тянет из кружки сладкий кисель.

– Спасибо, Модест. Но я не могу. Татьяна звонила, встретиться хочет. Что-то у нее там стряслось, какая-то проблема...

Модест ухмыляется:

– Если надо кому-то шею свернуть – только скажи.

После свистящей ветрами верхотуры внизу, на живой земле, – тихо. У выхода из башни стоят три старых троллейбуса, возле них толчея. Каждый отработавший смену может за счет управы поехать в баню, предъявить талон на помывку без ограничения времени и не спеша удалить с тела грязь и пот. Кстати, в общественных банях первоклассные парилки, отечественного производства. В московских банях круто, туда вся область ездит.

Здесь же группа маленьких стариков и старушек, в пальтуканчиках, платках и валенках, с узелками. Они тоже хотят в баню, но у них нет денег, не рассчитали пенсию. Простые рубли, в отличие от твердых червонцев, быстро обесцениваются. Денис отдает свой талон ближайшей бабушке. Многие делают так же. Бабушки благословляют деточек, мелко крестятся; смущенных, но довольных, их с хохотом и прибаутками подсаживают в троллейбусы. Денис не лезет вместе со всеми. Он оглядывается и видит стоящее поодаль меж серых сугробов такси. Рядом с ярко-красной машиной переминается Таня в беличьей шубе.

Денис подходит. Он уже остыл, пот на теле высох, а лицо, шею и руки он еще наверху обтер особой влажной салфеткой. Подарок Глеба. В кооперативе «Все свое» такие салфетки не продают, не освоили пока производство.

Таня выглядит шикарно. Она тянется к нему, даже, наверное, поцеловать хочет, но он останавливает бывшую подругу.

– От меня воняет.

Таня кивает, смотрит жалобно.

– Что случилось?

Она начинает беззвучно плакать, это ей странно идет: рыжий мех воротника, легкие пепельные волосы, влажные глаза, яркие губы.

– Я с ним больше не могу, – шепчет она. – Он совсем с ума сошел.

Глава 2

– Как тебе моя новая конура? – спросил Глеб.

Денис молча пожал плечами. Ему хотелось под душ и чаю крепкого выпить. А напрягать уставшую шею и вертеть головой, осматривая личные апартаменты друга, не хотелось. Впрочем, друг, судя по тону вопроса, не ждал восторженных восклицаний. Друг в последнее время сильно изменился и все чаще задавал вопросы, не ожидая ответов. Сейчас

он был хмельной, напряженный и осунувшийся. Произносил какие-то фразы, насчет восьми комнат и двух удобных для возможного бегства выходов, насчет охранной видеосистемы, лично им вчера смонтированной, – но без особой бодрости в голосе.

– Сорок пятый – хороший этаж, – сказал он, подталкивая гостя дальше по коридору. – Только шумно бывает. Тут рядом аэропорт, тридцать рейсов в сутки, все на Азию. Иркутск, Магадан и Новая Москва.

Прошли в комнату, наполовину заставленную сумками, ящиками, баулами. Впрочем, была и мебель, потертая, но первоклассная: кожаные кресла, диван, стол на львиных лапах. Из углов тихо гудели портативные отопители. Босой, в мятой майке, в армейских брюках со вставками из кевлара, Студеникин оглядел пыльного Дениса, мрачно усмехнулся, плеснул в стакан какого-то бухла с шикарным запахом; протянул.

– Скотч. Шотландский.

– Я не в гости пришел, – тихо произнес Денис, глотнув импортного зелья. – Меня Таня попросила...

– Не волнуйся за Таню, – проскрежетал Студеникин, изменившись в лице. – И больше о ней ни слова.

– Значит, я тебя зря побеспокоил.

Глеб отхлебнул из горла:

– Нет, не зря. Давно не виделись – надо поговорить. Чем занимаешься?

– Так, – ответил Денис. – То там, то здесь.

– До сих пор башни ломаешь?

– Ломаю.

– Ты тоже хитрый, – сказал Глеб. – Как я. И на слом ходишь, и балабас таскаешь.

Денис снял рабочую куртку. Хотел небрежно швырнуть в угол, чтобы поднялась пыль, чтобы друг понял: у Дениса теперь своя жизнь, пусть пыльная, зато настоящая, а у Глеба – другая, отдельная; комфортабельная, но непонятная. Однако не швырнул – скомкал, зажал под правым локтем. Все-таки негоже портить такие красивые ковры.

– Я за рюкзак редко берусь, – признался он. – Ты бы, это... Тряпочку на диван постелил. Сесть хочу. Ноги болят.

– Присядь, – разрешил Глеб. – Без тряпочки. Значит, на сотых уровнях бываешь?

– Раз в месяц. Ну, два раза. Хобот организывает, я исполняю. Забираю гонорар и отваливаю. Жадность фраера губит.

Глеб кивнул и опять поднес к губам бутылку.

– То есть клиентура – Хобота, а твои – только ноги?

– Да. А что?

– Ничего. Просто... – Глеб прищурился и шмыгнул носом. – Хобота больше нет. Убили его. Вчера.

Денис помедлил и спросил:

– Кто?

– Хороший вопрос. А зачем тебе знать?

Денис переложил куртку под левый локоть.

– Может, и по мою душу придут.

– Вряд ли, – сказал Глеб. – Это все из-за семени.

– Оно здесь? С тобой?

– Посмотри под диваном. А куртку брось в угол.

– Она грязная.

– Я вижу.

Денис запустил руку в щель и нашарил прохладный бок контейнера.

– Вытащи, – велел Глеб.

Стены мелко задрожали, и в полукилометре от окна по серому мартовскому небу проехал, как трактор по целине, огромный «Антонов», летающий город, мегаджет, гордость возрожденного отечественного авиастроения. Десять турбин на синтетическом керосине,

четыре твердотопливных отделяемых ускорителя, параболическая траектория, каждое пассажирское кресло – в отдельной противоперегрузочной капсуле. Стоимость одного билета второго класса до Новой Москвы – полторы тысячи червонцев, или три годовых оклада матери Дениса, учительницы русского языка.

– Ты бы окна занавесил, что ли, – пробормотал Денис.

– Расслабься, – ответил Глеб. – Патрули рядом с аэропортом не летают. Открывай. Там два замка, справа и слева.

С внутренней стороны к крышке контейнера был прикреплен пистолет, удерживаемый медицинским пластырем, купленным явно в кооперативе «Все свое».

Глеб протянул резиновые перчатки:

– Надень.

– Зачем?

– Сбоку – кнопка, нажми ее. Стекло откроется. Но голыми руками не бери. Частицы пота могут попасть на оболочку.

– Пошел ты в лифт, – искренне сказал Денис. – Я не буду трогать.

Глеб изменился в лице. Бутылка его была пуста на три четверти.

– Сделай, – холодно распорядился он. – Сразу все поймешь.

Денис натянул грубые желтые изделия «Резинотреста» (отечественное производство, изготовлено из вторсырья по новейшим сберегательным технологиям) и нашел искомую кнопку.

Семя было овальным, словно бы кожистым, но на ощупь твердым и шершавым, как старый асфальт; помещенное в глубину защитного бокса, оно казалось черным, однако в свете ламп стало отливать то зеленым, то желтым. Поперек, чуть наискось, шла тонкая борозда, словно кто-то пытался прорезать или прогрызть оболочку.

Денис аккуратно потащил, едва не выронил.

– Да, – сказал Глеб, внимательно наблюдавший за процессом. – Тяжелое. Но не бойся. Не разобьется.

Денис взвесил зародыш в руках и вдруг понял, с его пальцами, защищенными резиной, что-то происходит. Испугавшись, поспешно вернул страшный предмет на место и даже отступил назад.

– Что? – спросил Студеникин.

– Не знаю. Очень горячее. И током бьет.

– Да? А мне, наоборот, кажется, что холодное.

Денис сорвал перчатки, осмотрел пальцы – ничего ужасного не обнаружил. Нормальные пальцы студента и молотобойца, грязные ногти, ссадины на фалангах.

– А на самом деле? – спросил он.

Глеб протянул ему бутылку, и молотобоец несколько раз отхлебнул, сначала вроде бы машинально, но потом с удовольствием. Виски было хорошее.

– На самом деле его вообще лучше не трогать, – сказал Глеб. – Буддисты говорят, что Гаутама Будда ел одно зернышко риса в день. И его тело извлекало из этого единственного зернышка всю силу многих рисовых кустов. А тут, – Глеб показал на контейнер, – сила целой грибницы. Если плеснуть полстакана воды, эта тварь за несколько недель произведет на свет биомассу весом в сотни тысяч тонн. Сначала создаст корневую систему, а потом, – Глеб щелкнул пальцами, – как в учебниках истории: пятьдесят часов – и вокруг нас зеленая трава, каждый стебель – двести семьдесят метров...

– Я думал, их не существует. Семян.

Студеникин засопел:

– Три месяца назад я залез в Интернет, скачал кое-что. Там про семена пишут всякое. Но дело не в этом...

Он рывком встал, выдернул из ящика новую бутылку скотча. Говорил негромко, спокойно.

– Я подключился к сети через чужой кабель. На десять минут. На двадцать третьем

этаже. Ночью. Потом наверх ускорился, прошел десять уровней, подождал. Еще через пять минут на двадцать третьем была облава. Ты, Денис, таких облав не видел. Патруль, дружинники, спецназ, пулеметы... Две бесшумные вертушки... Весь этаж вверх дном перевернули. Людей выдергивали из квартир чуть ли не в трусах... – Студеникин шмыгнул носом, ноздри агрессивно раздулись. – То есть ты понял, да? Я потом еще два раза подключался, в разных домах... И много чего выяснил. За точную информацию о местонахождении зародыша частные лица готовы заплатить от пяти до десяти миллионов червонцев, а государственные организации – от одного до трех. И это только в России. Китайцы платят десять миллионов новых юаней, наличными. Американцы – сто пятьдесят миллионов долларов.

– Значит, это все правда.

– Насчет чего? – спросил Глеб. – Какую правду ты имеешь в виду, брат?

Денис подшагнул, заглянул в контейнер, и ему показалось, что кожистое яйцо пошевелилось, затрепетало, двинулось ему навстречу; он склонился ниже, но Студеникин, мгновенно оказавшийся рядом, схватил его за плечо, отстранил. Глухо произнес:

– Не смотри. Голова заболит. Я в первый день целый час его в руках вертел – потом чуть не помер. Голоса какие-то в голове, тошнило... Галлюцинации...

– А сейчас?

– Привык, – бесстрастно ответил Глеб. – Но ты слушай. Генетики пытались клонировать зародыш еще тридцать лет назад. Геном стебля в тысячи раз сложнее, чем у человека, но его расшифровали. Расшифровкой занимались одновременно десятки лабораторий, независимо друг от друга. По расчетам расшифровку должны были полностью закончить в две тысячи сто десятом году. А в сто четвертом началось искоренение. Людям стало не до семян. То есть ты понял, да? Но сейчас другие времена. Во-первых, на рынке существует синтетический аналог мякоти стебля. Гадость, конечно, но вставляет. Во-вторых, если бы зародыша не существовало, зачем бы тогда правительство Российской Федерации предлагало за него три миллиона червонцев, свободных от налогообложения? – Студеникин почесал грудь под майкой. – Короче говоря, всю правду никто не знает. Я тоже не знаю. Зато я знаю, что три дня назад Хобот пошел выяснять, где и как можно получить премиальные за информацию о зародыше. Это я его послал. Мы все продумали. Хотели заработать, по миллиону на брата... Анонимный звонок, с чужого телефона, никаких имен, никаких личных контактов... Я заранее с хаты съехал... Татьяне что-то наврал – и сюда. Это мой лучший схрон. Старый, надежный, я тут отсиживался, еще когда на меня люди Головогрыза наезжали... В общем, уговорились, что Хобот не будет знать, где я прячусь, связь только дистанционная... Он ушел. А через трое суток его нашли. В болоте, во Владимирской губернии.

Глеб аккуратно поставил бутылку на стол, посмотрел на Дениса.

– Понимаешь, где он был все это время?

– Понимаю, – сказал Денис. – Там, где ему вопросы задавали. В тихом месте, где криков не слышно.

– Молодец. Соображаешь.

Денис посмотрел на бледного, спокойного Студеникина. На его белые пальцы, сжимающие горло бутылки. Ему вдруг нестерпимо захотелось еще раз взять зародыш в руки. Или хотя бы посмотреть.

– Надо, Глеб, сделать вот что, – сказал он. – Прямо сейчас отнести эту штуку в управу. Или в контору патруля. Подбросить. По почте отправить. Или просто из окошка выбросить. Или сжечь. Избавиться, от греха. Другого варианта я не вижу.

Взгляд Глеба потяжелел. Он нагнулся за перчатками, медленно натянул на ладони. Сжал и разжал кулаки. Вышел из комнаты, почему-то сутулясь, и вернулся с кувалдой.

– У меня была другая идея, – хрипло сказал он. – Ты у нас молотобоец – тебе и честь.

Денис протестующе вытянул руку, но Глеб, криво улыбаясь, без видимого усилия швырнул ему молот, через всю комнату, как зажигалку, как связку ключей; пришлось той же

рукой перехватить гладкую рукоять. Студеникин достал семя из контейнера, поместил на пол, произнес:

– Делай.

Денис привычно крутанул кувалду, подумал. Покачал головой:

– Нет, Глеб. Так нельзя. Эту штуку надо отдать ученым. Пусть изучают. Распилят, положат под микроскоп... Надо разобраться, что это и откуда появилось.

– Ага, – сказал Глеб. – Или не разбираться, а просто бросить в ведро с водой. И потом иметь миллиарды на продаже мякоти. Давай, бей.

– Нет.

Глеб криво улыбнулся. Его глаза сделались стеклянными, а рот – мокрым.

– Я сказал, бей.

– Нет.

Глеб вытащил из-за спины пистолет.

– Бей!

– Эта штука может принести людям пользу.

Студеникин передернул затвор и заорал, брызгая слюной, вмиг превратившись из трезвого резонера в пьяного безумца:

– Бей, или я тебе башку разнесу! Давай!

Денис поставил кувалду к стене.

– Не разнесешь, – сказал он. – Не сможешь.

– Ты прав, – улыбнулся Глеб, положил оружие на стол и сам потянулся к молоту. Денис прыгнул, ударил плечом, однако пьяный товарищ оказался не настолько пьян, мгновенно отреагировал, и уже через несколько мгновений выяснилось, что силы неравны. Отброшенный ударом ноги, Денис улетел в угол и остался лежать, с выбитым дыханием и гудящей головой. Почему-то подумал: интересно, он меня в полную силу ударил или все-таки пожалел?

Студеникин поднял кувалду над головой.

– Дурак ты, Денис, – прохрипел он. – Полный дурак. «Распилить», «под микроскоп», «польза для людей...» Смотри!

Он обрушил молот на кожистое ядро, ударил на выдохе, от плеча, с оттяжкой, с приседом.

Подпрыгнули диван и кресла, подпрыгнул стол, подпрыгнула и упала на бок бутылка на столе.

Молот отскочил от семени, как от куска танковой брони.

– Смотри! – заорал Глеб, размахиваясь еще раз. – Смотри! Смотри!

От грохота, казалось, загудел весь этаж, весь дом. Семя оставалось невредимым. Глеб отшвырнул бесполезную кувалду, повернул к Денису мокрое лицо.

– Понял, нет?!

– Не кричи, – мрачно произнес Денис, восстанавливая дыхание и поднимаясь. – Услышат.

– Не услышат, – прохрипел Глеб, переводя дыхание. – Весь уровень пустой. И сверху пусто, и снизу. Зря я, что ли, рядом с аэропортом устроился...

– А пулей пробовал?

– Нет, – сказал Глеб, поднимая семя на уровень глаз. – И так все ясно. Везде пишут одно и то же. В семени заключена огромная жизненная сила, и его оболочка – сверхпрочная. Я нашел в Интернете математическую модель зародыша, там куча параметров... Ты сказал, что оно бьет током, – это не электрический ток. Это биополе. Бешеной напряженности... То есть ты понял, да? Эту суку нельзя ни разбить, ни сжечь, ни отравить кислотой. Возможно, если ее поместить в эпицентр ядерного взрыва – она выживет. Потому что она сама – бомба. Только живая... – Глеб вернул зародыш в контейнер, захлопнул крышку. – Оно неуничтожимо. Его можно либо хранить, таким, какое оно сейчас, в спящем виде, либо бросить в воду и запустить процесс роста. Одно из двух. Сквозь него не проходят даже

рентгеновские лучи. Оболочка проницаема только для молекул аш-два-о. Так сказал мне Постник. Перед тем, как в окно прыгнуть.

Денис ощупал ребра, не удержался и спросил:

– А может, это ты ему помог?

– Нет, он сам, – сразу ответил Студеникин, словно ждал вопроса, и лицо его сделалось таким, что Денис не усомнился в правдивости ответа.

– Понятно, – сказал он.

Студеникин рухнул в кресло, вспотевший, взъерошенный, на скуле багровое пятно (все-таки Денис один раз попал), вытянул ноги.

– Знаешь, – сказал он, – квартира, где прятался Постник, была не его. До искоренения там жил какой-то бизнесмен. Миллиардер. Некто Глыбов. А Постник был его помощником. У каждого богатого всегда есть такой специальный человек, для грязной работы... Взятки, наркотики, шлюхи, связи с преступностью, то есть ты понял, да?

Денис кивнул и опять ощупал ребра.

– В первый год искоренения тот миллиардер погиб, семьи у него не было, и Постник обосновался в его хате. Семечко досталось ему от миллиардера. Как и все остальное... – Глеб цинично скривился. – А миллиардер содержал собственную лабораторию. Исследовательский центр. Это было модно. Все жрали траву, всем было весело, всех все устраивало, но главное – все делали вид, что ненавидят стебли и мечтают покончить с заразой...

– Черт с ними, – сказал Денис. – С миллиардером. И с Постником. Что ты будешь делать?

Глеб ответил не сразу, а когда ответил, понизил голос:

– Пока не знаю. Может, брошу семя в почву.

– Зачем?

– А ты не понимаешь?

– Нет.

Студеникин подождал, пока прогремит за окнами очередной взлетающий самолет, и произнес:

– Чтобы все изменить.

Он откинулся в кресле и развел в стороны руки.

– Представь: не будет ничего. Ни телогреек, ни валенок, ни льняных штанов по три пятьдесят, ни обязательных общественных работ, ни «Чайника», ни слома, ни сбережения сбереженного... Одна зеленая трава. Все как раньше. Только без китайских депозитов. – Он подмигнул Денису. – Хочешь, давай вместе сделаем? И вместе возьмем на себя ответственность...

– Не хочу, – сказал Денис. – И тебе не позволю.

– Люди будут сытые и радостные.

– Они и так сытые.

– Но не радостные.

– Сходи на слом, там от хохота стены трясутся.

– Это не то, – воскликнул Студеникин. – Это кураж детский! А посмотри на тех, кто постарше! У кого семьи, младенцы... У кого старики болеют! Поговори с ними! Жизнь в коммуналках, теснота, горячая вода по расписанию. Искупать ребенка – проблема. Вылечить, если он заболит, – еще большая проблема. Сделать сложную операцию – год очереди. Каждый пятый взрослый мужчина – алкоголик. Каждый восьмой сидит без работы. От поддельной водки умирает по пятьдесят тысяч мужчин в год. Хваленые фермеры утопают в грязи и не знают, с какой стороны подойти к лошади или корове. Люди устали экономить и жрать морковку... – Глеб облизнул губы. – Так – в России, а есть на земле и похуже места. Где от голода люди с ума сходят и непрерывно воют, потому что им больше не хуй делать. Вся Африка, половина Америки, весь Ближний Восток. Там за такое семечко нам с тобой обеспечен прижизненный памятник из чистого золота.

– Это отравка, – возразил Денис. – Она превращает людей в зеленых чудовищ.

Глеб засмеялся:

– Водка тоже превращает людей в чудовищ. И деньги превращают людей в чудовищ. И наркотики. И власть превращает. И безделье. Даже вера в бога может превратить в чудовище. Мы тут ни при чем. Мы посеём, а кто и как пожнет – это решать не нам с тобой. Всякое семя рождено, чтобы упасть в землю и дать всходы.

– Нет, – сказал Денис. – Не всякое.

Студеникин вздохнул, запустил пальцы в волосы.

– Ты в чем-то прав. Но надо подумать.

– Нечего думать. Подбрось его властям, никаких денег ни от кого не бери, забудь и живи как жил. Открой магазин по продаже снегоходов. Татьяна без тебя с ума сходит.

– Подбросить властям, – презрительно пробормотал Глеб. – Открыть магазин. Странный ты, Денис. Вроде бы разумный парень. Неужели ты не понимаешь, что это все не зря? Почему из двадцати миллионов живущих в этом городе семя попало в руки именно мне? А не тебе, правильному мальчику Денису? Не Хоботу? Не герою добровольного слома дяде Боре Колыванову? Не Кеше, который в своем «Чайнике» пирожки печет? А мне, Глебу Студеникину, разложенцу и уголовному преступнику? Ты что, веришь властям?

– Не всегда.

– А мне?

– Тебе – всегда.

– Вот! – крикнул Глеб. – Вот, друг. Оно могло достаться кому угодно, а досталось мне. Значит, со мной что-то не так.

– Или со всеми остальными что-то не так, – сказал Денис.

Глава 3

Спустя час он сидел в крошечном театрике, на первом этаже башни «Курчатов», предназначенной к слому в будущем году. Забился в последний ряд, в угол. Курил, стряхивая пепел на пол. Думал.

На тесной, но щедро освещенной сцене трудились два великих артиста, известные всей стране как Торч и Харч. Суперзвезды, обладатели пожизненных контрактов с Нулевым каналом, они принципиально делали еженедельные бесплатные шоу в нищих районах, в трущобах, в предместьях Москвы, Нижнего Новгорода, Казани, Ростова – там, где люди пытались жить правильно, где артистов ждала самая бедная, самая простая и самая благодарная публика.

Торча и Харча боготворили.

Зал был набит битком, в проходах сидели на полу.

Главной темой творчества гениального дуэта был так называемый «простой человек». Обычно «простого человека» изображал атлетически сложенный, плосколицый Харч, а щуплый, гибкий Торч давал интеллигента, или толстосума, или чиновника, или патрульного офицера, или туриста из Новой Москвы, «вчера из-под Купола».

Возвращаясь от Глеба, Денис протрезвел, влажная нательная фуфайка остыла. Сейчас его трясло. От благородного шотландского послевкусия во рту осталась только горечь. Как говорила мама: «Во рту – кака, голова – бяка».

– Я простой человек, – добродушно басил Харч. – Я делаю вещи.

– Простые? – осведомлялся Торч, изображающий рафинированного вырожденца при деньгах.

– Разные. Могу простые, могу сложные. Какие надо, такие и делаю.

– А, допустим, вертолет-кабриолет сделаете?

– Можно, – подумав, отвечал Харч. – Только мне не надо.

Бывало, они переигрывали, давали чрезмерно грубый буфф, но иногда достигали высот мастерства, и вдобавок сами писали свои репризы; сосед Дениса сидел напрягшись и азартно

ожидал момента, чтобы расхохотаться.

– А, так вы делаете только то, что ВАМ надо? – разочарованно тянет Торч.

– Не, зачем?.. Если надо не мне, а тебе – я тоже могу. Тебе надо?

– Как вам объяснить... – мялся Торч. – Не просто «надо». Вертолет-кабриолет совершенно необходим... Обязателен... Это, так сказать, вопрос самоидентификации... Непременный элемент имиджа...

– Короче говоря, надо?

– Очень надо! – вибрирует Торч. – Очень!

Харч вразвалку исчезает за кулисами. Раздается страшный грохот, публика смеется; на сцене появляется рояль.

– Это что? – озадачен Торч.

– А тебе что было надо?

– Вертолет-кабриолет!

– Вот, он и есть, – Харч ухмыляется. – Сюда смотри: вот так вертишь, так летаешь. Теперь сюда смотри: вот так делаешь – оп! Крыши нет – кабриолет.

– А это что? – визжит Торч. – Табурет? Мне надо кресло! Мягкое!

– Да? – Харч чешет в затылке. – Ты б сказал заранее, что надо с креслом. Я ж не знал, что тебе надо. Мне, например, кресла не надо. Мне табуреточки хватило бы...

Публика валится со стульев, сосед Дениса икает от восторга.

– А это? – продолжает Торч. – Педали? Где мотор?

– А оно тебе надо?

– А вам что, надо вертолет с педалями?

Харч пожимает квадратными плечами.

– А мне не надо ни с педалями, ни без педалей.

Публика рыдает от хохота. Женщины визжат.

– А это? – Торч указывает на клавиши.

Огромный Харч неловко тычет мизинцем в до-минор третьей октавы.

– Это, – говорит он, – чтоб вот так делать.

Садится за рояль, кое-как играет «собачий вальс».

– А еще говорите, вы простой человек! – восклицает Торч.

– А что тут сложного? – удивляется Харч, бросает пальцы на клавиши и с изумительным мастерством исполняет начало Первого фортепианного концерта Чайковского.

Оба гения сцены были великолепными акробатами, знали по десятку языков, включая хинди и латынь; играли на всех музыкальных инструментах, включая ситар и шотландский рожок. Обоим было за шестьдесят.

Когда-то они назывались «Хлеб и Зрелища», но потом перевели свои сценические имена на язык, понятный простому народу.

Денис видел эту их репризу много раз и не смеялся. Озноб то пропадал, то возвращался. В ушах свистело. Бугристое, изумрудно-графитовое тело зародыша до сих пор стояло перед глазами. Странные приливы нежности сменялись отвращением. Люди вокруг надрывались от смеха, вытирали слезы. Женщины прятали лица в ладони, рьяно обмахивались программками, напечатанными на дешевой серой бумаге, изготовленной с применением новейших сберегательных технологий. Пахло пивом, дегтем, жареными семечками, духами, луком, смазными сапогами, горелыми спичками, сырыми тряпками. Сквозняк шевелил укрепленный над сценой баннер с рекламой спонсора концерта – корпорации «Русский литий». Торч и Харч работали, двигались, жестикулировали, рифмовали великое и ничтожное. Складывали лица в невероятные гримасы. Держали зал. С их лбов летели капли пота. Зал наслаждался, дышал, дымил папиросами, блестел сотнями глаз. Все это можно было прекратить одним слабым движением руки.

Плеснув на шершавую кожу семени стебля несколько ложек обыкновенной воды.

Постник утверждал, что достаточно капнуть из пипетки.

Таня не плакала, не заламывала рук, – но с ее лица, пока она рассказывала Денису о событиях последних месяцев, не сходило особенное, чисто женское выражение обескураженности. Глеб давно не жил с нею. В декабре стал пропадать, не ночевал дома по двое-трое суток. Потом признался, что завел себе новое жилье. В какой башне, на каком уровне – сказать не может. Мещанские подозрения о появлении новой бабы Таня быстро отмела: Студеникин меньше всего походил на влюбленного самца. Похудел, посуровел, стал много пить, вонял носками, одевался в черное рванье, как пролетарий с консервного завода. Зато купил ей две шубы. Будь они прокляты. Весь бизнес перепоручил Хоботу, но денег стало даже как будто больше. Говорил, что есть проблемы, что надо отсидеться. Приходил по ночам, бесшумно, на два-три часа, но если в январе еще пытался романтически обыгрывать свои воровские визиты, цветы носил и милые подарки, обещал разобраться с неприятностями за несколько дней, просил понять и немного потерпеть, то уже в феврале стал возникать, как бледное привидение, едва раз в неделю, все время под кайфом; приходил даже не за сексом, а неизвестно зачем, бормотал бессвязное, хихикал, оставлял огромную сумму в червонцах и растворялся в воздухе, как некий спивающийся ниндзя. В марте стало хуже, Глеб пришел только однажды, накричал, попрекнул шубами и богатой жратвой, отымел яростно и бездарно, а на прощание сказал, что хочет видеть Дениса.

– Скажи ему: «второй схран». Пусть вспомнит. А не вспомнит – обойдусь без него.

Она его не любит уже, понял тогда Денис. Она, может быть, никогда не любила Глеба Студеникина. Она, может быть, вообще никого никогда не любила. Предпочитала, чтобы любили ее. А если не любили – хотя бы обеспечивали растущие потребности. Или идеальный вариант: чтобы и то и другое. И любовь, и потребности.

Но Денису было все равно, кого она любит или не любит. Он был готов принять ее всякую. Плохую, хорошую, с потребностями и без. Чтобы забыть Таню, он всю зиму ходил только на слом и в университет, он сдал зимнюю сессию на высшие баллы, а если кончались деньги – звонил Хоботу, загружал рюкзак всяким дерьмом и тащил на сотый уровень, в логово какого-нибудь наглухо сторчавшегося мастурбатора; получал свои червонцы, покупал матери цереброн, мясо, фрукты – и опять шел перетаскивать обломки, превращать в пыль старую жизнь, жевать безбожно пересоленную рыбу, слушать хохот семнадцатилетних девчонок, вдыхать запах секрети, рвущийся из-под драных вязаных кофт.

Он даже с Вовочкой подружился. Приспособился выслушивать жалобы о том, как и насколько все прогнило. А с матерью, наоборот, вообще почти не разговаривал. Точнее, это она, видя его состояние, дала сыну возможность побыть в эмоциональной пустоте, наедине с самим собой.

Умная мать – это первое счастье мужчины; умная жена – это второе счастье мужчины; если мужчина, имея два счастья, ищет третье – он глупый сын умной матери и глупый муж умной жены. Так написано в старой книге «Бледные люди». Денис прочел ее в пятнадцать лет и с тех пор перечитывает каждый год.

...Торч и Харч взвинтили темп, их репризы стали короче, злее и умнее – они разогрели зал и теперь делали с людьми что хотели.

– Вам хорошо, – высоким голосом тянул Торч. – Вы простой человек.

Харч, ковыряя в зубах, ухмылялся.

– А ты что, сложный?

Торч изображал приезжего из-под Купола. Пародийно обыгрывал акцент обитателя Новой Москвы.

– Ну... У нас все сложнее. Гораздо. А у вас хорошо. Просто.

– Оставайся, тут люди нужны.

– У вас холодно.

– Зато просто. Махаешь лопатой – тепло. Не махаешь – холодно.

– А без лопаты можно?

Харч разводит руками.

– Можно, но сложно. Проще с лопатой, чем без нее.

Публика гудит. Уже не хохочет, но бурно аплодирует. Новых москвичей – азиатов – тут не любят.

Если Глеб до сих пор жив – значит, Хобот его не выдал. Значит, только двое знают о существовании зародыша: Глеб Студеникин и Денис Герц. Значит, от каждого из них зависит судьба другого. И судьба самого зародыша. И может быть – как бы помпезно и странно это ни звучало, – судьба миллионов людей. Всех людей.

Наступая на чужие ноги, Денис пробрался выходу. После душного зала уличный воздух имел вкус черничного варенья. Говорят, в Москве уникальный воздух. На всей территории, включая пригороды, разрешены только электродвигатели. Власти упорно развивают экологический туризм. Россия – самая чистая страна в мире, ни одной атомной электростанции, идеально налаженное природопользование, перерабатывается сто процентов отходов, бытовых и промышленных. Из московских рек и водоемов можно пить. Водятся даже сомы. На Котельнической набережной люди тысячами ловят раков, тут же варят в огромных котлах, рубль пара, на три рубля десятков и сто грамм ржаной водки; запах укропа можно унюхать аж на Ленинских Горах. Вся Ивановская область живет только продажей лицензий на отстрел лосей; раз в год любители охоты съезжаются со всего мира. Одна лицензия – пятьсот червонцев. Экологически чистые шкуры волка, бобра, медведя на внутреннем рынке почти ничего не стоят. И северная оленина почти ничего не стоит, и мед, и рыба красная, и ягода лесная всякая. А хлеб в России давно уже бесплатный.

Если плеснуть на зародыш грибницы немного воды – это все исчезнет.

Мы не справимся вдвоем, подумал Денис.

Он достал телефон, обнаружил неотвеченный вызов, Таня; набрал номер, после некоторых колебаний; я в центре, сказала бывшая подруга, возьми такси, приезжай срочно, я оплачу. Он разозлился, но ровным голосом произнес: «Ладно». Что может быть гаже, чем выслушать от юной девочки, своей ровесницы, такую фразу? Проверил деньги – денег было мало, но сейчас это не имело никакого значения.

...Можно рассказать Вовочке – он государственный чиновник. И еще – матери, она до сих пор пишет статьи в журнал «Сберегатель». Всем вместе пойти в управу и заявить, что найдено семя стебля. Мама пусть возьмет с собой нескольких знакомых журналистов и адвоката. С группой социально активных граждан связываться не будут. Примут официальное заявление и выплатят премиальные миллионы. Хватит всем, и Глебу в том числе. В конце концов, это в его интересах. За три месяца бдений над зародышем он едва не тронулся рассудком – что с ним станет еще через три месяца?

Таксист (как положено, уроженец Кавказа) хотел было вступить в традиционный разговор насчет цен на аккумуляторы, но Денис достал из кармана мини-диск и попросил включить магнитола. Горестно мгновенно обиделся и напомнил, что клиент обязан доплачивать за прослушивание его собственной музыки. Денис доплатил и велел сделать погромче. Судя по лицу таксиста, последний альбом Симона Горского никак его не возбудил. Денис закрыл глаза – первый трек ему особенно нравился; резкая, но теплая мелодия, только виолончель, бас-гитара и голос, роскошь и аскеза как единое целое; но вслушиваться не хотелось, потому что судьба великого музыканта и певца Симона Горского пребывала в руках скромного парня Дениса Герца и его товарища Глеба Студеникина.

Он смотрел на шею таксиста, сильно заросшую черным волосом, на короткие толстые пальцы, сжимающие руль, на огромные сугробы по обочинам проспекта, на желтые огни в домах: первые десять уровней – густо, потом все реже и жиже, а выше тридцатого и вплоть до верха – сплошная чернота, только иногда пошарит по стенам прожектор патрульного вертолета, выхватит окна, уступы или бесформенные провалы в местах взрывов. Ту или иную башню обстреливают каждую ночь, ракет не жалеют. Бывший одноклассник, пошедший в патруль, рассказывал Денису, что обычно им лениво искать и всматриваться, шмаляют наугад, по семидесятым или по сотым этажам; утром все как один возвращаются

веселые, с пустыми обоями.

Все это можно было прекратить, плеснув на зародыш несколько ложек воды.

Он нашел Таню на Кропоткинской, в дорогом кабаке с видом на храм Христа Спасителя. Стены и потолок ресторана, изготовленные из «китайской портянки», нельзя было рассмотреть простым глазом: женщины с голыми плечами и их спутники сидели как бы под открытым небом, среди сугробов, и делали вид, что не смотрят на спешащих мимо прохожих. Явно нетрезвая Таня пребывала в компании двух разложенцев, облаченных в отливающие пиджаки. От обоих пахло шикарным китайским парфюмом и новыми ботинками. Пили сбитень, курили трубки, говорили какую-то хуйню, старательно подделывая акцент Новой Москвы; а может, и не подделывая. Таня сидела нога на ногу, шикарная, тонкая, элегантно хмельная, пригубляла мартини, смотрела с презрением, к правому виску прилипла мокрая прядка. Денис устроился рядом, поцеловал, чуть интимнее, чем мог себе позволить, и с удовольствием понял, что мог бы поцеловать еще более интимно – она потянулась к нему, сама подставила шею. Захочу – подставит и все остальное, решительно подумал он. Глеба нет и не будет, у Глеба теперь семечко. Таня достанется мне. И это правильно. Каждому по делам его.

– Третий «Буслай» слабоват, – говорил разложенец, представившийся как Юлий. – Не надо было менять оператора. А саунд – вообще ниже критики.

– Сэкономили, – кивнул второй, представившийся как Зиновий.

– Как там мой ненаглядный? – спросила Таня, игнорируя обоих ораторов.

– Сложно все, – негромко сказал Денис. – Потом поговорим.

– А какой кинематограф предпочитает наш новый друг Денис? – осведомился Юлий; его глаза напоминали лягушачью икру – водянистые, серо-зеленые, с крупным зрачком.

– Наш друг Денис предпочитает театр, – ответила Таня за Дениса.

– Вот как.

Оба разложенца были холеные и солидные, держались отменно, но Денис перестал воспринимать их всерьез, как только расслышал имена. Сразу представил, как двое взрослых мужчин приветствуют друг друга: «Здравствуй, Юля!», «Добрый день, Зина».

– Наш друг Денис – правильный человек, – продолжила Таня, блестя глазами. – Он считает, что кино расходует энергию, а театр берегает. Кино разлагает, а театр создает. Вдобавок театр честнее, быстрее и злободневнее.

– Не лишено, – похвалил сублинный Юлий и пощипал себя за бородку. – Однако, согласитесь, масштаб не тот... Кино тотально. Передний край технологий, – он посмотрел на Дениса. – Как вы считаете?

– Ебал я технологии, – вежливо сказал Денис. – И масштаб тоже.

Таня пьяно рассмеялась.

– Не лишено, – спокойно кивнул Юлий.

Зиновий набычился и опрокинул в себя рюмку.

– Театр – это не то, – сказал он. – В театре нельзя изучить женские сиськи (он в упор посмотрел на Таню) с расстояния в пять сантиметров. А в кино – можно.

– Предпочитаю изучать в натуре, – произнес Денис и обнял Таню за плечи; она немедленно прильнула.

Юлий был невозмутим. Зиновий осклабился.

– Видите ли, молодой человек... Есть такие сиськи, которые вы можете изучить только в кино. При всем, так сказать, уважении... Скажем, сиськи Леры Грин.

– Почему же, – весело произнес Денис. – Можно попробовать.

Он снял руку с плеча Татьяны, достал телефон, набрал номер Модеста. Включил громкую связь и положил аппаратик на стол, сдвинув в сторону стаканы.

– Говори быстрее, – раздраженно прогудел Модест. – Я занят.

– Прости, друг, – сказал Денис, подмигивая Тане. – У тебя есть телефон Леры Грин?

– Где-то был. А тебе зачем?

– Тут возник вопрос, сколько будет стоить потрогать ее за сиськи.
– Ты что, пьяный?
– Модест, это серьезный вопрос.
– Тебе могу бесплатно устроить. Но учти: ничего особенного. Обычные сиськи, только большие и зеленые. Там, кстати, особо не потрогаешь, она же ими дышит...

– Спасибо, друг.
– Ты бы, дурак, не про сиськи думал, а приехал помогать! Мы тут вентиль меняем в котельной, помощь не повредит...

– Боюсь, не успею, – с сожалением ответил Денис и отключился.
– Это тот самый? – мгновенно спросил Юлий. – Модест Яковлев? Единственный гомо флорус в Москве?

Денис кивнул.

– Оригинально, – мрачно сказал Зиновий. – Жить в Москве, когда есть возможность уехать под Купол.

– Не все хотят под Купол, – сказал Денис и повернулся к Тане. – Ты хочешь?

– Хочу, – сказала Таня, отхлебывая из фужера. – Но сначала я хочу к тебе.

Зиновий дернул щекой и налил себе полную.

– Не спеши, – ответил Денис. – Посидим еще. Тут хорошо. Весело.

Он тоже выпил и охмелел, как хмелеет любой, пришедший с холода и разомлевший в тепле: стремительно и тяжело. Разложенцы смотрели вежливо, чуть насмешливо.

– Господа, – сказал Денис. – Извините типа мою бесцеремонность... Не могли бы вы сообщить ваш возраст? Если вам не запахло, конечно.

– Не запахло, – небрежно ответил Юлий, пыхнув трубкой. – Мне сорок три.

Зиновий не ответил. Видимо, ему было запахло.

– Значит... – Денис налил себе вторую, – вы помните старые времена?

– Конечно.

– И как вам сейчас? Не грустно?

Юлий тонко улыбнулся.

– Отнюдь.

– Не волнуйся за него, – небрежно сказала Таня и указала на Юлия вилкой. – Ему не грустно. У него все хорошо. Он защищен от любых потрясений. Его семью защитил еще прадедушка. Недвижимость, инвестиции, связи... Дедушка упрочил, папа продолжил...

Юлий улыбнулся и пыхнул трубкой.

– Тогда почему вы не под Куполом? – поинтересовался Денис.

– У него там дом, – небрежно ответила Таня. – Но жить он любит здесь. Так же, как твой зеленый Модест. Все, что происходит под Куполом, слишком пахнет новоделом. (Юлий поднял брови, потом благодарно посмотрел на Таню и кивнул.) А он сторонник традиций. Здесь ему свободно. Здесь интересно и дешево. И бабы лучше.

– А если завтра тут опять трава вырастет?

Таня пожала плечами.

– Ну и что? В его жизни ничего не изменится. (Юлий усмехнулся.) Коньяк, табак и кабак. Каждый день – партия в шахматы и партия в теннис. Летом он в Новой Зеландии, осенью – в Чили. Когда трава выросла, его дед потерял половину состояния. Но за следующие сорок лет увеличил его в пять раз. Когда началось искоренение, его отец опять потерял половину, но за следующие пятнадцать лет увеличил капитал в четыре раза... Перед тем как ты пришел, эти парни все о себе рассказали.

Юлий опять усмехнулся.

– Джентльмен никогда не говорит о деньгах, – произнес он и слегка выдвинул челюсть. – Впрочем, наша очаровательная Таня права. Моя семья защищена. Но это не значит, что мне неинтересны проблемы страны, которая... э-э... меня породила. Кроме того, я далеко не все рассказал. Между шахматами и теннисом я окончил Гарвард. Доктор историософии, к вашим услугам, – Юлий элегантно поклонился, одновременно удобнее

устраиваясь в кресле, а Зиновий решительно вгрызся в кусок мяса. – Наш юный друг Денис хочет знать, не вспоминаю ли я времена стеблероста. Отвечаю: да, я их вспоминаю.

Он повернулся к жующему Зиновию:

– Ты вспоминаешь?

Зиновий отмахнулся, в смысле «не мешайте мне выпивать и закусывать».

– Но мне также известно, – невозмутимо продолжал Юлий, – что растение, которое в Москве называли «трава», в Европе – «суперганджубас», а в Америке – «русский сорняк», не создало неразрешимых проблем. Имела место только некоторая... э-э... бытовая и социальная напряженность. Проблемы, уважаемый Денис, начались гораздо раньше. И не в одной России, а во всем, так сказать, цивилизованном мире. Проблемы начались в восьмидесятые годы двадцатого века, когда индустриальная цивилизация достигла пика своего развития. Много столетий человечество мечтало о товарном изобилии, о быстром и дешевом производстве еды, одежды, развлечений и так далее. О том, чтобы машины заменили человека. Наступила индустриальная эра, и это случилось. Не везде, конечно, только в развитых странах... Но случилось. Можно было праздновать, однако человек обнаружил, что умеет производить, но не умеет потреблять. В этот момент, совпавший по времени с экономическим кризисом начала двадцать первого столетия, индустриальная эра закончилась и началась информационная...

Складно втирает, сука, подумал Денис и посмотрел на Таню – она слушала, но смотрела мимо Юлия, в глубину зала, где за просторными столами живописно выпивали группы уверенных в себе разложенцев.

– В информационную эпоху, – мундштуком трубки Юлий элегантно начертил в воздухе некую фигуру, – не так важно произвести товар, как рассказать потенциальным пользователям о его преимуществах. Презентация продукта важнее самого продукта – вот принцип информационной экономики...

– А при чем тут стебли? – спросил Денис.

– Стебли, уважаемый Денис, тут ни при чем. Абсолютно. Единственный вопрос, возникающий в связи с появлением в Москве стеблей, – почему они появились так вовремя? Именно в тот момент, когда информационная эпоха исчерпала себя? Когда мы догадались, что тотальное потребление и тотальное производство взаимно аннулируют друг друга? Мне, дорогой Денис, было пятнадцать лет, я жил в лофте на девяносто девятом этаже башни «Прорывание», и преподаватель латыни прилетал ко мне из Рима на реактивном самолете за счет фирмы, принадлежащей моему отцу. Я, понимаете ли, учил эту глупую латынь... Гомо гомини люпус ест... Эрраре гуманум эст... А потом отправлялся на вертолете в клуб, развлекаться, и видел, что люди больше ничего не хотят. Ни создавать, ни пользоваться. Ни зарабатывать, ни тратить. Китайцы не в счет, планета Земля им давно уже неинтересна, они заселили Луну и осваивают Марс. А мы, все остальные, – старая, вялая, пресыщенная белая раса – ничего не хотели. Трава выросла, чтобы ускорить нашу гибель, и это была не простая трава, а могильная. Кладбищенская.

Таня вздохнула и сказала:

– Слишком мрачно.

– Не слишком, – вежливо ответил Юлий. – Ведь мы не погибли, прекрасная Татьяна. Мы еще живы. И мы, блистательная Татьяна, замечательно себя чувствуем. Однако должен признаться, господа, что в последнее время я склонен к рассуждениям в духе конспирологии. Мне кажется, что семена стебля всегда были с нами. И в десятом веке, и в двадцатом, и в двадцать втором. Однажды кто-то решил, что час пробил, и швырнул семя в почву...

– Кто? – спросил Денис, сильно сжав Тане запястье; она издала негромкое восклицание и посмотрела на него удивленно, но он уже овладел собой и улыбнулся ей классической улыбкой кабацкого мачо.

Юлий посмотрел на своего спутника – тот немедленно наполнил его бокал.

– Не знаю, – сказал он. – Но ясно одно: каждому семени нужна почва. Понимаете?

– Понимаю, – сказал Денис. – Семя и почва. Одного без другого не бывает.

– Именно так, мой юный друг! То есть дело не в траве, а в месте ее произрастания. В нас с вами. А теперь, – выпускник Гарварда сунул трубку в нагрудный карман пиджака и выпрямил спину, – позвольте тост. Я хочу выпить за хозяйку вечера. Таня, будьте всегда красивой и коварной. Будьте презрительной, шикарной, полупьяной, декольтированной и жестокой, ибо таково наилучшее состояние для всякой женщины. За вас.

Таня благосклонно кивнула, пригубила свой martini и осведомилась:

– Я была с вами жестока?

Вместо ответа Юлий встал, оказавшись невысоким и сутулым. Вежливая улыбка слетела с его лица; он извлек две визитные карточки, небрежно кинул на стол.

– Всего наилучшего.

Зиновий посмотрел на Таню с презрением и вожделением, хамски подмигнул, Дениса вообще не удостоил вниманием, и оба направились к выходу, причем по дороге задержались не менее чем в двух местах, чтобы обменяться приветствиями с полуголыми женщинами и пьяными мужчинами.

– Кто такие? – спросил Денис.

Таня откинулась в кресле.

– Случайные знакомые. Не бери в голову.

– Они не заплатили.

– Заплатили. Ты просто не заметил. Такие всегда за всех платят.

– Неприятные люди.

– Им наплевать. Мне тоже.

– По-моему, у них были планы, – сказал Денис. – Насчет тебя.

– Ничего страшного, – весело ответила Таня. – Подумаешь, двух дураков продинамила. Причем один – доктор историософии. Завтра всем расскажу, что лично крутанула динамо доктору историософии. Выпускнику Гарварда. Владельцу особняка в Новой Москве. Такое не каждый день бывает.

Денис вздохнул, решил выпить водки, потом передумал и неуверенно начал:

– Насчет Глеба...

– Не надо, – резко перебила Таня. – Не надо, Денис. Пожалуйста. Как только ты пришел, я все поняла насчет Глеба.

– И что же ты поняла?

– Я была нужна Глебу, – сказала Таня. – Я была важна для Глеба. Важнее меня для Глеба был только один человек – сам Глеб. А теперь у него есть что-то важнее меня. Или кто-то. Глеб больше не испытывает во мне потребности.

– А ты? – спросил Денис.

– Я? – Таня вдруг всхлипнула. – Я пришла одна в дорогой ресторан, набитый самыми грязными разложенцами в городе. Я – девушка Глеба. У меня в сумочке деньги Глеба. На мне платье, купленное Глебом. На мне украшения, купленные Глебом, и туфли. И белье. Я пришла и сижу тут, как дорогая шлюха, у всех на виду, и не знаю, что мне делать.

– Зато я знаю, – твердо сказал Денис. – Поехали отсюда.

– К тебе?

Денис покачал головой.

– Я тут ни при чем. Ты – девушка Глеба. На тебе платье, купленное Глебом, и туфли, и украшения. Кем я буду, если повезу тебя к себе?

– Тогда отвези меня к Глебу.

– Нет.

– Тогда, – Таня побледнела, – иди к черту и оставь меня здесь!

– Нет.

– Идите тогда вы все! – закричала Таня и с размаху швырнула вилку. – С вашими деньгами, с вашей травой, с вашими семенами и почвой! С вашими башнями, схрами и секретами!

Метрдотель, или как там его, был, разумеется, блестяще натренирован и возник перед

ними буквально в долю мгновения: плотный, нахмуренный, как бы лоснящийся от осознания важности собственной миссии.

– Молодые люди, – прошелестел он, – здесь так себя вести не принято.

– Ты тоже иди к черту! – крикнула Таня, и содержимое одного из бокалов – красное бордо – полетело в лицо метрдотелю; тот и глазом не моргнул, зато рядом возник еще один – тоже плотный и тоже лоснящийся, но с гораздо более равнодушной физиономией.

– Разрешите нам проводить вас к выходу, – произнес первый, улыбаясь.

Вино стекало с его носа и подбородка на белоснежную грудь.

– Принеси еще водки, – грубо приказала Таня, – и исчезни.

– Водки больше не будет, гражданка, – ответил первый; второй молчал и даже, как показалось Денису, не моргал. – И остального тоже. Прошу вас покинуть зал. Сейчас же.

Равнодушный все-таки моргнул, шагнул вперед и приглашающе протянул к Тане крепкую ладонь.

– Не трогай, – тихо посоветовал Денис.

Равнодушный продолжал выдвигать руку, наподобие шарнира, деловито, но не без некоторого изящества.

Можно было решить все миром. Встать, извиниться, улыбнуться, похлопать сотрудников общепита по плечам и гордо уйти, а где-нибудь в коридоре заплатить за разбитую посуду и испорченную манишку метрдотеля, купленную явно не в магазине сети «Все свое». Но тут вдоль невидимой стены ресторана, буквально в десяти шагах от Дениса, прошли, держась за руки, двое – мальчик и девочка, на двоих едва тридцать лет, оба в кроличьих кацавейках, румяные и смущенные обществом друг друга, типичное первое свидание; они повернули в сторону ресторана прекрасные юные лица и замедлили ход. Они явно никогда не были в ресторане для разложенцев и не понимали, что происходит. Денису стало тоскливо, он прикинул габариты метрдотеля и его приятеля и решил прорываться.

– Не трогай ее, – повторил он, уперся ногами в пол и вскочил, одновременно нанося удар кулаком снизу вверх, в живот невозмутимого – но попал словно в каменную стену. Далее его сильно сотрясло, словно от электрического разряда, ноги подогнулись, правое плечо сжали, как в тисках; с изумлением понимая, что его подошвы не касаются пола, Денис проплыл мимо жующей публики, наблюдавшей всю сцену без особого интереса – наверное, такое здесь происходило ежедневно, – к выходу из зала, потом – еще быстрее – по узкому коридору, пропитанному отвратительно густыми кухонными запахами, и обрушился на узкую кушетку в комнате без окон, заставленную ящиками с алкоголем, примерно как в схроне Глеба Студеникина.

Едва железная хватка ослабла, Денис опять тщательно уперся ногами и попытался встать, но невозмутимый молча обрушил ладонь на его темя.

Когда зрение и слух вернулись, комната была битком набита людьми из патруля. Невозмутимый исчез, а метрдотель стоял в углу и брезгливо возил мокрым платком по красному пятну на груди.

– Живой? – спросил один из патрульных, наклоняясь и заглядывая в лицо Дениса. – Идти можешь?

– Да.

– Тогда вставай.

– Где Таня? – прошептал Денис.

– Будет тебе и Таня, и все остальное. Пошли. А ты, – патрульный повернулся к метрдотелю, – отрегулируй своего дебила. Он его чуть не убил.

– Дебил отрегулирован, – с ненавистью ответил метрдотель. – А этого щенка я бы и сам убил. Его сучка испортила мне вещь.

– Разберемся, – небрежно сказал патрульный и сделал знак своим. – Принимайте клиента.

Глава 4

Ехали недолго. Гусеничный патрульный вездеход озадачил Дениса – абсолютно новый, ультрасовременный, однако насквозь пропитанный запахами казармы: как если бы рота солдат неделю жила в рубке космического корабля.

В конторе патруля было тихо, несколько младших чинов дремали перед телевизором, зажав автоматы меж коленей. В обезьяннике за мутным ударопрочным стеклом маялись несколько угрюмых нарушителей порядка, но Дениса провели мимо, на полутемный второй этаж. Московский патруль получал неограниченное количество синтетического авиационного керосина, но взамен отчаянно экономил на электричестве.

Дениса втолкнули в прохладный кабинет.

– Это у нас кто? – спросил сидящий за столом бледный человек в байковой рубашке.

– Дебошир. Из ресторана.

– Понятно.

Бледный владелец кабинета махнул рукой, властно и небрежно. Патрульные удалились.

– Привет, Денис, – произнес бледный. – Ну ты даешь, брат.

Денис огляделся. Кабинет был скромный, чист и богато декорирован плакатами с призывом беречь сбереженное. Над головой бледного висел транспарант с девизом патруля – неофициальным, но всем известным:

ЗАКОН НЕ В КОБУРЕ, А В ГОЛОВЕ.

– Присядь.

Денис повиновался.

Бледный вздохнул.

– Бляха медная, ничего не понимаю, – сказал он, ловко двигая пальцем по экрану компьютера и всматриваясь в строки и знаки. – Правильный парень, студент, мать – учительница... Что ты забыл в этой параше? В этом шалмане для разложенцев?

– Где Таня? – грубо спросил Денис.

– И зачем такому, как ты, такая, с позволения сказать, Таня?

– Где Таня?!

– Не рычи, – тихо, но твердо посоветовал хозяин кабинета. – Твои дела и так хуевые. А Таня твоя соскочила. Еще в кабаке. Бросила тебя твоя Таня. Показала, бляха медная, визиточку, очень серьезную. Некого Юлия Голованова. Знаешь такого?

– Нет.

– Как это «нет»? – раздраженно воскликнул бледный. – Если ты с ним за одним столом сидел и за жизнь разговаривал?

– А, этот... Я его в первый раз видел. И больше видеть не хочу.

– А вот Таня твоя – захотела. Администратор обосрался и отпустил ее. Прилетел вертолет Голованова и забрал твою Таню. Еще до приезда патруля. Заплачено и за разбитую посуду, и за попытку порчи казенного имущества...

– Какую попытку?

– Ты хотел ударить работника заведения.

– Не хотел, – решительно произнес Денис, – а ударил.

– И как тебе ощущения?

– По-моему, палец выбил.

– Он мог тебя искалечить.

– Это был андроид?

Человек за столом кивнул.

Денис выругался и спросил:

– В этом кабаке вышибалы – андроиды?

– Только один.

– А говорят, они все на консервации.

– Говорят, в Москве кур доят, – сурово пошутил бледный. – А пошли – и сисек не

нашли. Ты влез в серьезную беду, Денис. Кстати, меня зовут Вадим.

Денис осторожно потрогал гудящий затылок.

– Послушайте... Вадим. Я... как бы это сказать... против. Я сам погашу весь ущерб. Девушка ни при чем. Вся вина – на мне. Еще не хватало, чтобы какой-то разложенец за меня платил! Посмотрите мой файл. Я четыре года на сломе, у меня шесть тысяч часов общественных работ! Я могу весь этот кабак разнести на куски, и это мне обойдется в две-три тысячи часов...

– Ну, не в три, – примирительно произнес Вадим. – В тридцать три. Это очень крутое заведение, Денис. И вдобавок не простое. Принадлежит «Интуристу», бляха медная. Ты устроил скандал на глазах у зарубежных гостей столицы. Еще два года назад это вообще была расстрельная статья. Из-за тебя, бляха медная, какой-нибудь литиевый магнат из Гондураса больше не захочет сюда приезжать. Ты влип, Дениска. Круто влип.

– Я тебе не Дениска.

– А я тебе не «ты», а гражданин майор.

– Простите, гражданин майор, но я... Во-первых, не знал...

– Теперь будешь знать, бляха медная. А что во-вторых?

– Во-вторых... – Денис смешался. – Вы что, будете меня судить?

Майор взглянул с недоумением.

– Конечно. У нас это быстро. Сутки дадим на сборы и поиск адвоката и послезавтра осудим. Я даже скажу, бляха медная, что тебе светит. Примерно пять тыщ червонцев штрафа либо пятнадцать тыщ часов общественных работ. Шесть тыщ у тебя уже есть – остается еще девять. Это больше пяти лет, бляха медная! Поедешь на ферму, будешь навоз таскать, жуков колорадских собирать и все такое. Пять с половиной лет.

– Пятнадцать тысяч часов? – крикнул Денис. – За то, что я разбил стакан в ресторане для гнилых уродов, где андройды работают вышибалами?

– А ты как хотел?

– Я хотел, чтоб таких ресторанов в моем городе вообще не было!

– А это не твой город, – усмехнулся майор. – Это, Дениска, пока еще мой город. Я ведь не простой майор. – Он положил на стол ярко-желтый значок. – Видишь, какой я майор, бляха медная?

– Вижу, – пробормотал Денис. – Налейте воды, пожалуйста.

– Обойдешься, – ответил майор, подул на значок, потер его об рукав и спрятал в карман рубашки. – Теперь слушай. Парень ты правильный, и вдобавок неглупый. Кроме того, общество вложило в тебя энергию. Ты без пяти минут специалист с высшим образованием, имеешь хорошие баллы, и мы это учтем, – майор сделал паузу. – Но не простим, бляха медная. А то получится, что если ты правильный гражданин и с ранней молодости ходишь на общественные работы, то тебе, бляха медная, можно безнаказанно хулиганить? Никому нельзя безнаказанно хулиганить. Даже мне. Кроме того, – майор опять всмотрелся в экран, – ты тоже не самый кристальный парень. Год на коммерческом сломе. За длинным то есть рублем ходил. Большой минус тебе. Ну и... Тania твоя, бляха медная – очень сомнительная девушка. Что у вас с ней?

Это тебя не касается, хотел ответить Денис, но решил промолчать. Девять тысяч часов, пять с половиной лет. Мама не поймет. А главное, за что?

– Ладно, – усмехнулся майор. – Я тоже люблю красивых женщин. Между нами, за этим делом сюда толпы приезжают. Со всего мира. Экстремальный секс-туризм, бляха медная! Мегаполис в снегах, медведи на Красной площади и лучшие в мире бабы по доступной цене. И никакие ресторанные драки их никогда не отпугнут...

– Тогда отпустите меня, – сказал Денис.

Майор зевнул.

– Отпущу, конечно... (Внутри у Дениса все прыгнуло.) Но не сразу. У тебя ведь есть пять минут времени?

– Конечно, – ответил Денис и понял, что не сможет удержаться от улыбки.

– Вот, – майор тоже улыбнулся. – Так лучше. Ты думал, я зверь какой-нибудь? Расслабься. Мы своих не ломаем. Мы ломаем только гадов. Разложенцев, бандитов, спекулянтов и прочих сволочей, бляха медная. Лично я собираюсь прижать твоего приятеля Юлия Голованова. А если не его, так другого, такого же. В моем городе богатые должны вести себя очень тихо. И строиться по первому свистку. Так всегда было. И при Иване Грозном, и при Петре Первом, и при Путине, бляха медная, с Медведевым. Согласен?

– Да, – сказал Денис. – Но Голованов мне не приятель.

– Тем более, – майор вздохнул и достал из ящика початую бутылку «Байкала-экстра-премиум». – На, пей. Только мне оставь. Я с шести утра на ногах.

– Спасибо, гражданин майор, – искренне сказал Денис.

– Вадим.

Денис поднес горлышко к губам, набрал в рот. Вода была теплая.

– Вы с Головановым говорили про семя и почву, – произнес майор. – Что за семя?

Денис поперхнулся и закашлялся. Хозяин кабинета не сводил с него взгляда.

– Я... – Денис еще раз прокашлялся и поставил бутылку на стол. Глаза слезились, затылок опять заболел. – Сейчас...

– Давай, говори. Только быстрее.

– Он сказал, что... семена стебля существовали всегда. С первого дня цивилизации. Потом кто-то решил, что час настал, и бросил семя в землю...

– Кто? – мгновенно спросил майор.

– Не знаю.

– Голованов сказал: «Кто-то бросил семя в землю»?

– Да.

– Он имел в виду себя?

– Не знаю. Мне так не показалось.

– А как тебе показалось? – с жаром спросил майор. – Это было полтора часа назад! Вспоминай, бляха медная! Кто «бросил семя в землю»?

– Кто-то.

Майор выдохнул.

– Слушай, студент. Разговор мы прослушивали. Это ты уже понял. Но штука в том, что богатые козлы всегда носят при себе глушители. Первокласные, бляха медная. Китайские. Мы не можем писать то, что они говорят. Мы можем писать только то, что говорят, бляха медная, их собеседники. Мы тебя писали, мы девочку твою писали и Голованова тоже писали, но не записали. Я тебе тайны не выдал, потому что про глушители все знают. Теперь, бляха медная, вспоминай дословно разговор насчет семени. Интонации, выражение лица – все! Почему ты начал разговор про семена?

– Это он начал.

– А ты сразу подхватил. Значит, понял, о чем речь. Откуда знаешь про семена?

– Все знают про семена.

– Лично ты – откуда узнал про семена?

– Не помню. От друзей, еще в школе.

– Что за друзья, бляха медная?

– Не помню. В классе было тридцать восемь человек.

– И что друзья говорили про семена?

– Что... Есть семена травы. Зародыш грибницы.

– Где?

Денис облизнул губы.

– Об этом не говорили. Это просто легенда, понимаете? Пацанская страшилка. Якобы где-то существуют семена травы или одно семя... Один зародыш, эмбрион... Кто-то говорил, что семена лежат в земле тысячелетиями, и прорастают, когда наступает определенное время. Кто-то говорил другое: что до искоренения были особые лаборатории, там пытались расшифровать геном травы и клонировать семя, и это получилось... Ничего серьезного,

обычная болтовня. Болтали про китайцев, про Новую Москву под Куполом. Про суборбитальные полеты. Про андроидов. Про Луну. Ну и про семя стебля... Мне этот Голованов не сказал ничего нового. Он меня в первый раз видел, я его тоже. Таня – моя подруга, у нее проблемы, она зачем-то поехала в центр и пришла в этот кабак...

– Откуда у нее деньги, бляха медная? На такой кабак? – У нее папа – небедный человек.

– А у тебя?

– А у меня вообще папы нет. И денег тоже.

– Тогда зачем ей ты?

– У нее спросите.

– Спросим, – кивнул майор. – Будь уверен. Кстати, сейчас ты сидишь в патруле, на допросе, а она, бляха медная, там с Головановым... – Он гнусно подмигнул Денису и сделал непристойный жест. – Вот какая у тебя подруга, Денис. Но это ваши с ней дела, а мне важно понять, зачем Голованов начал говорить с тобой про семя стебля?

– Я завел разговор про траву. Спросил его, когда ему жилось лучше. До искоренения или после. Голованов сказал, что он богатый и ему... ну, типа все равно. А потом сам заговорил про семя.

– Что еще он говорил про семя?

– Что для семени нужна почва.

– Так и сказал?

– Да.

– Что он имел в виду? Что за почва, какая почва?

– Не знаю.

– Что еще?

– Это все, – твердо сказал Денис, начинающий уставать от разговора. – Потом Голованов ушел. И второй тоже. Понимаете, они приняли Таню за проститутку. Подсели к ней, стали говорить, угощать... Когда Таня поняла, что эти гады просто так не отстанут, она позвонила мне. Я приехал. Я не в кабак пришел, а девушку выручить, понимаете? Я пришел, и Голованов сразу все понял. Из вежливости поговорил со мной пять минут и ушел. Даже не из вежливости, а... Ну, позабавиться хотел. Наверное, он не каждый день общается с теми, кто... Ну, в драных свитерах...

Майор кивнул. Помолчал. Тяжело вздохнул. Сильно отхлебнул из бутылки, причем воду погонял во рту, словно зубы чистил. Положил локти на стол, посмотрел на Дениса как на лучшего друга.

– Слушай меня, Денис, – сказал он негромко. – Слушай внимательно. Есть проблема. Это твоя проблема, и моя тоже. Это, бляха медная, наша общая проблема. Она заключается в том, что семени стебля не существует.

Денис опустил глаза в пол.

– Лаборатории действительно были, – продолжил майор. – До искоренения и после. Не одна и не две. Кроме того, старая грибница еще жива и дает побеги. Мы с этим боремся, но мякоть стебля до сих пор в продаже. За распространение, чтоб ты знал, мы расстреливаем без суда... Но ни одна из тех лабораторий, бляха медная, не смогла клонировать семя, или зародыш, или эмбрион. Семени нет, а слухи о нем – есть. Их кто-то распускает. Чтобы держать людей в страхе. Чтобы мы с тобой не строили новую жизнь, а боялись возврата к старой жизни. Мы ищем центр, бляха медная. Место, откуда ползут слухи. Если кто-то начнет говорить с тобой про семя стебля – ты должен будешь запомнить все и в точности рассказать об этом мне. Или моему человеку, бляха медная. Понял?

– Нет, – сказал Денис. – Я не занимаюсь такими вещами.

– Какими «такими»? – спокойно спросил майор. – Ты хочешь, чтобы кто-то мешал тебе жить? Пугал твою мать рассказами о том, что скоро в Москве опять вырастет трава? Ты женишься на хорошей девушке, ты родишь детей, бляха медная, – а какая-то сволочь будет шептать твоим детям, что есть такая... – Майор пощекотал пальцами воздух, – волшебная зеленая травка, которая сама растет и которую, бляха медная, можно кушать, и потом жить,

ни о чем не думая? Ты этого хочешь?

Денис вдруг понял, что невероятно благодарен обаятельному бледному майору, его слова были доходчивы, а главное – искренни, его голос был приятен, его взгляд внушал уважение и к словам, и к их смыслу, и к маленькому чистому кабинету, где они звучали, мягко отскакивая от завешанных плакатами стен. Майор не говорил ничего нового, но наполнял каждую фразу особенной веселой яростью, которая всегда нравилась Денису в людях, – яростью внутренней, не истерично-показной, а полезной, прирученной; яростью глубокой правоты.

– Ты живешь в самой лучшей стране, – говорил майор, чуть подаваясь лицом и плечами к Денису. – Впервые за всю мировую историю у нас в России бесплатный хлеб. Впервые за всю историю у нас государство освободило бизнес от всякого давления. Мы, бляха медная, создали безналоговую зону размером с четыре Европы. Мы реформировали армию. Мы за каких-то пятнадцать лет, бляха медная, наполнили прилавки простой и дешевой едой. Мы запретили всю рекламу, кроме социально значимой. Мы сделали многое и сделаем еще больше. И вдруг какие-то уроды, вместо того чтобы помогать нам делать вещи, начинают пугать нас сказками о том, что завтра трава опять вырастет! Ты хочешь позволить таким уродам ходить рядом с тобой, бляха медная? По одним и тем же улицам? Ты хочешь, чтобы они, бляха медная, смеялись над тобой и шептались, бляха медная, в спину, что у тебя ничего, бляха медная, не получится? Хочешь?

Денису стало стыдно, и слезы навернулись на глаза; но он сделал над собой усилие и не заплакал.

Майор вздохнул.

– Если хочешь – тогда подписывай, бляха медная, государственное обвинение и послезавтра в восемь утра приходи на суд, получать свои пятнадцать тыщ...

– Нет, – сказал Денис. – Не хочу.

– Если не хочешь – скажи, что согласен сотрудничать. Компьютер, бляха медная, все запишет, пожмем друг другу руки и разойдемся.

– Конечно, я согласен! – воскликнул Денис и обрадовался тому, что решение принято. – Вы могли бы ничего мне не говорить. Я просто... ну... засомневался на минуточку. Я согласен, гражданин майор.

– Вадим, – поправил его владелец кабинета. – А вот я, Денис, в тебе не сомневался. Кстати, если не возражаешь, я кое-что поправлю, бляха медная, в твоём файле. Удалю запись о том, что ты работал на коммерческом сломе. Это плохая запись, бляха медная... Она тебе потом повредит, когда будешь на работу устраиваться...

– Спасибо.

Майор всмотрелся в экран, хмыкнул:

– Отец твой был интересный человек. Лихой, бляха медная. Отчаянный. Убийство, угроза оружием, попытка взятия заложника...

– Там по-другому нельзя было, – пробормотал Денис.

Майор недоверчиво прищурился:

– А ты там был, что ли?

– Конечно, был.

– И все видел?

– Да.

– Что ж ты, бляха медная, папку своего не остановил? – Я хотел, – сказал Денис. – Но мне было семь часов от роду.

Майор не улыбнулся – не принял шутку. Солидно кивнул и, не вставая, протянул руку:

– Будь здоров, парень. И больше, бляха медная, никогда не ходи в такие рестораны.

Денис пожал мягкую ладонь, помедлил и спросил:

– А что будет с моей девушкой?

На лице майора проступило глубокое презрение.

– Ничего, – сказал он. – Допросим и пошлем к черту. Подстилки для разложенцев нас

не интересуют. А тебе, бляха медная, советую найти себе новую подругу. Иди с богом. Мы с тобой свяжемся.

Денис встал.

– Если тебя тошнит – туалет направо по коридору.

– Нет, – сказал Денис. – Все в порядке. До свидания.

Майор махнул рукой и отвернулся к своему экрану.

В коридоре пахло старым деревом и талым снегом. Денис отыскал лестницу, прошел мимо дежурного, специально замедлив шаг. Если с ним играют, если он арестован, они скажут ему об этом именно сейчас. «Молодой человек, вам не туда. Вам сюда». И замок на двери обезьянника многозначительно щелкнет.

Но никто не сказал ни слова, ничего не щелкнуло.

На крыльце он огляделся, соображая, где найти остановку троллейбуса, не сообразил и зашагал наугад, с наслаждением ударяя каблуками по лужам, к ночи затянувшимся тонким, как слюда, льдом. Последним, мартовским. Потом рассмотрел справа громаду стоэтажного Дома на набережной, сориентировался и прибавил ходу.

Глава 5

– Теперь я понял, – пробормотал Денис.

Глеб смотрел с усмешкой:

– Еще бы ты не понял. Если на своей шкуре испытал... Принципа я не знаю, врать не буду... Но знаю, что это очень дорогая технология. Говорят, широко используется под Куполом, в Новой Москве. А у нас ее применяют только спецслужбы. Бесшумный выстрел – и в твой спинной мозг внедряется микрочип. Ты ничего не чувствуешь. Чип маленький, в сотую долю миллиметра. Он посылает сигнал в центральную нервную систему. Майор нажимает кнопку – и прямо в твой мозг имплантируется некоторое количество законопослушности. Можно имплантировать стыд, доверие, симпатию... Любовь даже. Поэтому он и спросил, не тошнит ли тебя.

– Меня не тошнило.

– Потому что доза была маленькая. Ты же, извини, и так у нас правильный парень... – Глеб хлопнул Дениса по плечу. – На твою сознательность надавить – технологии не нужны. Майор включил аппаратуру, только когда ты отказался стать осведомителем. А до этого момента работал по старинке. Теория и практика допроса, том третий...

– Вообще, – искренне сказал Денис, – он большой мастер.

– Там другие не работают.

– А на вид – моложе тебя.

Глеб фыркнул:

– Это только на вид. На самом деле у него наверняка был интерактивный спецгрим. Ты видел того, кого подсознательно меньше всего боялся. Молодого человека чуть старше себя, умного, доброго, обаятельного и все такое... А на самом деле ему, может, шестьдесят лет, у него рожа алкоголика и бородавки на шее...

Сидели на полу, спинами к стене. Студеникин берег аккумуляторы, жег свечи, поставил десяток их по углам комнаты. Окон не было. Контейнер стоял у противоположной стены, на боку, открытый, – можно было смотреть, как отсветы живых оранжевых огней играют на теле зародыша. Бугристая плоть не выглядела красивой, скорее наоборот: напоминала древнюю окаменелость, некий трилобит или даже просто кусок грубо слипшейся протоплазмы, издохшей сто миллионов лет назад, в жестокие времена, когда жизнь была по-настоящему реальной, то есть, с точки зрения современного человека, – омерзительной; когда живая ткань еще не могла мыслить, создавать симфонии, теории относительности, живописные полотна и ракеты с разделяющимися боеголовками, а умела только пульсировать, жрать, отрывивать, размножаться, умирать и гнить.

– А зачем, – спросил Денис, – он говорил, что семени стебля не существует?

Глеб звякнул горлышком бутылки о стакан.

– Хотел посмотреть на твою реакцию. И ты наверняка прокололся.

– Я не прокололся.

Глеб опять фыркнул:

– Это тебе так кажется. На самом деле в его кабинете могло быть аппаратуры всякой напихано, в стенах и в потолке. Датчики, сенсоры и прочая дребедень. Техника вычисляет любое вранье за секунду.

– Если я прокололся, почему мы с тобой сейчас здесь, а не у них? В камере? Или не в болоте валяемся, во Владимирской области? Как Хобот?

– Не знаю, – сказал Глеб. – Во-первых, я считаю, что пока нам просто очень везет. Во-вторых, они, может, вломятся сюда через минуту.

Денис помолчал, оглядел полутемную комнату и спросил:

– А вдруг зародыша на самом деле не существует? И никто не собирается платить за него миллионы?

Студеникин указал пальцем на контейнер:

– А это что?

– А это не зародыш. А что-то другое.

– Тогда подойди и возьми его в руки. Хотя бы на пять минут. Если выдержишь... А потом сам скажешь, что это такое.

– Да, – согласился Денис. – Ты прав. Мы с тобой можем не сомневаться.

Глеб поставил бутылку на пол и встал. С коротким кряхтением. Это было вполне юмористическое, молодецкое кряхтение, и встал он вполне упруго, и прошелся по комнате вполне пружинисто, но Денис опять подумал, что старший товарищ очень сдал за последние месяцы. Постарел и осунулся. У него дрожат пальцы, у него блестят глаза, он стал многословен, и его часто трудно понять: он начинает всякую фразу клоунским тоном, с глумливой ухмылкой, а заканчивает хрипло, на трагическом надрыве.

Сейчас он даже раздражал Дениса. Мудрый и опытный друг, полгода назад терпеливо обучавший новичка премудростям незаконной доставки товаров на сотые этажи полумертвых башен, ныне высокомерно улыбался, то и дело скреб грязными ногтями небритые щеки и вообще вел себя как пастух, невзначай пропивший стадо.

– Одна деталь, – сказал Глеб, останавливаясь перед ним и засовывая руки в карманы. – «Мы с тобой» – это неверное высказывание. «Нас с тобой» не существует. То есть ты понял, да? Во-первых, есть Глеб Студеникин, плохой человек, разложенец и преступник, нашедший какой-то предмет, предположительно – семя стебля. Во-вторых, есть его знакомый Денис Герц. – Глеб поднял не слишком чистый указательный палец. – Даже больше скажем: случайный знакомый... Правильный честный парень, студент, активист слома. Строитель новой жизни. Как только честный парень Денис узнал о семени стебля, он решил обратиться в патруль, но преступник Студеникин обманом и угрозами заставил Дениса молчать. Эти два человека – очень разные, между ними нет ничего общего. Студеникин – антиобщественный элемент, он даже школу не окончил. Родители погибли, с двенадцати лет – беспризорник... Он на пять лет старше Дениса Герца, он принадлежит к другому поколению, он запутал юношу... Обещал, что сам сдаст находку в патруль или в управу...

Денис рассмеялся.

– Я говорю серьезно, – сказал Глеб. – Отвечать – мне. А ты – ни при чем. Понял?

– Нет, – весело ответил Денис. – При всем желании я не смогу изобразить наивного мальчика. Таланта не хватит. И потом, разве мы с тобой – не одно поколение? – А по-твоему – одно? – спросил Глеб.

– Конечно.

Студеникин посмотрел гордо, с превосходством.

– Нет, пацан. Мы с тобой – не одно поколение. И никогда не будем одно поколение. Ты родился в первый год искоренения, а мне тогда было уже пять с половиной. На второй год тебе было два, а мне – семь. Второй год был самый страшный. И я хорошо понимал, что

происходит. Ты был детеныш неразумный, а я – мальчишка. У меня все вот так, – Глеб поднес к лицу ладонь, – перед глазами стоит. Мы жили на шестьдесят третьем. Школа была на шестьдесят восьмом. Пентхаусы и девьяностые уровни к тому времени уже сожгли, и все кое-как улеглось... Военное положение, передвижные кухни... Все почему-то решили, что жизнь налаживается. Помню, отец говорил матери: не волнуйся, все уже кончилось, и вообще – травы больше нет, во всех окнах – солнце, это же счастье... А потом, – Глеб неприятно ухмыльнулся, – из кранов перестала течь вода. Не сразу, конечно. Сначала горячую отключили, а холодную стали давать по графику. Час утром – час вечером. Потом напор уменьшился, утром мы едва успевали набрать ведро, для питья. Это не очень мешало, потому что отец каждый день ездил вниз и покупал воду или заказывал по три-четыре фляги с доставкой... Но однажды лифты обесточили. И доставка прекратилась. Из тридцати лифтов в нашем доме работал только один, для скорой помощи... Мы перестали бывать внизу, ходили только в ближайший супермаркет, уровнем ниже, но в ноябре свет на наших этажах отключили, и супермаркет закрылся. Потом настала зима, а отопление не заработало. То есть ты понял, да? Каждый день трогаешь радиатор, надеешься – а он ледяной, как могила... Люди стали уходить вниз. С восьмидесятых, потом с семидесятых, сначала понемногу, потом повалили толпами...

Студеникин рассказывал, глядя в пол, руки то засовывал в карманы, то складывал на груди. Нервно дергал плечом.

– Как только грибница подохла – резко изменился климат, воздух стал сухой... Дикие ветра, форточку не открыть... Помню, мать с отцом что-то говорили про континентальный температурный режим... Потом ударило минус двадцать пять, и люди побежали. Школа переехала вниз, на девятый, – но матушка уже не пускала меня в школу. Я тогда много болел, и она решила, что проходить два раза в день по пятьдесят этажей – это не для меня. Отец соорудил буржуйку, решили зимовать, а весной, если станет немоготу, уходить к родственникам, в соседнюю башню, на четырнадцатый уровень. Там были свет и тепло. Мы бы и раньше ушли, но те родственники быстро сообразили что к чему и сдали беженцам пять из семи своих комнат... В общем, беженцы шли мимо нас всю зиму. Вниз беженцы, наверх – мародеры. Опять начались взрывы, поджоги, облавы... Помню хулиганскую песенку: «Запирайте этажи, скоро будут грабежи». На семидесятых стало пусто. Ночью просыпаешься – где-то стреляют. То одна банда с другой бандой схлестнется, то десантники с вертолетов в окна прыгают и зачищают... Целая война. Потом народ побежал и с наших, шестидесятых. Тогда же появились шустрые пацаны, которые за деньги таскали воду и дрова. Стучались в двери: «Здрасьте, балабас не нужен?» Отец был небедный, хорошо платил, и мы всю зиму просидели возле железной печки. Однажды в январе, днем, собрались все трое, матушка вязала, я книжку читал... Учебник... Как сейчас помню, новый предмет, «Историю укрепления российской государственности», его ввели после отмены «Теории абсолютного процветания»... Ты ведь не учил «Теорию абсолютного процветания»?

– Нет, конечно, – сказал Денис.

Студеникин опять отечески улыбнулся.

– А я – два года. Мы называли его «Абсопроц». Так что не говори, что мы с тобой – одно поколение.

– Интересная наука?

– Да, – сразу ответил Глеб. – Интересная и простая. По-моему, зря ее запретили. Кстати, не просто запретили, а изъяли все учебники. Можно было прийти на специальный пункт, сдать учебник и получить деньги. Либо продукты. Жратвы было мало, и сейчас такой учебник – редкость... В общем, сижу, читаю про укрепление государственности, задумался, поднял глаза, посмотрел в окно – и вижу: человек пролетел. Сверху вниз. Пальто развевается, типа как плащ у Бэтмена... Я его лицо запомнил. Это был какой-то миг, четверть секунды – но запомнил. Мертвое, белое, глаза навывкате, рот оскаленный... Говорят, самоубийца умирает еще в полете, до удара о землю. От разрыва сердца. Он пролетел быстро, и его только я увидел, мать с отцом не заметили. Матушка смотрит на меня, а я

пальцем за окно показываю и пытаюсь что-то сказать, но не могу. Шок. Потом пришел в себя, рассказал, а мама улыбается: забудь, тебе показалось... А мне – семь лет! Я все понимаю! То есть ты понял, да? Понимаю, что мама – обманывает! Говорят, что в ту зиму, вторую зиму искоренения, прыгнуло пятьдесят тысяч человек. Одни от холода, другие от тоски. Синдром Смирнова. Неспособность жить без мягкости стебля. А кое-кто не сам прыгнул; помогли... В феврале они часто мимо нас пролетали... И постоянный рев: полицейские вертолеты, военные вертолеты, пожарные вертолеты... Проектора по окнам... А в начале марта объявили официальное распоряжение: всем идти вниз. Расселяться с пятого уровня по десятый, максимум – двенадцатый. Все остальное отключается от коммунальных сетей. Каждый, кто находится выше тридцатого этажа, приравнивается к мародеру и расстреливается на месте. Все, имеющие квартиры с пятого по десятый, уплотняются, по принципу «два человека – одна комната». Мать с отцом собрали барахло, и мы ушли.

– К родственникам?

– Нет, – ответил Глеб, криво улыбаясь. – У них случилась беда, конфликт с жильцами, все передрались меж собой, кто-то кого-то ножом пырнул, – зачем нам такие родственники?.. Отец сунул сколько надо, в комитете по переселению, и нам дали три комнаты на пятом уровне, с тремя соседями. Тепло, мусоропровод, рядом продуктовая лавка – приличное место, в общем. Сейчас на пятом живут только самые богатые, а тогда был бардак, народ заселяли куда попало. В апреле переехали, и я в первый раз за много месяцев вышел на живую землю. Ощущение, я тебе скажу, очень странное: наверное, так матросы с корабля сходят, после кругосветного плавания... А в мае решил проведать старую квартиру. Взял верного друга Хоботова, нашли проход наверх... – Глеб закрыл глаза, покачал головой: – Я хотел забрать какие-то книжки, диски... То, что не успел взять, когда переезжали. Шли, шли, вспотели, устали; но дошли. Я, кстати, больше устал, чем Хоботов, в нем всегда две жилы было... Смотрю – дверь взломана, в квартире все вверх дном. Стекла выбиты, ветер дикий, вонь, лужи... Оказывается, половина мародеров были не просто мародеры... Люди ходили наверх не грабить, а громить. Бить, жечь... Их ловили, расстреливали, а они все равно ходили. Рисковали жизнью только для того, чтобы топтать и ломать, понимаешь? Это тоже синдром. Посттравматический вандализм... Смысл в том, что, если человека поместить в абсолютный комфорт, а потом лишить этого комфорта, человек начинает все ненавидеть и разрушать. Так не у всех бывает, но у многих. Живет, пользуется, жрет, пьет, потом жратва вдруг кончается – и он хватается дубину. Разрушает систему, которая кормила его и поила...

Глеб пересек комнату, подошел к контейнеру, наклонился, всмотрелся в зародыш. Потом принес из угла большую свечу, поставил перед ящиком, словно перед алтарем, отступил на шаг назад. Заговорил громче, злее.

– Я ходил по дому, плакал... Нашел в грязи какие-то мелочи, фотографии... Мать с отцом летали в свадебное путешествие на Луну, привезли сувенир, лунный камень, в красивом футлярчике, он у них в гостиной стоял... Я отыскал этот футлярчик, он был раздавлен, но сам камешек сохранился, и я его домой принес и маме отдал. Вот, говорю, мама, это ваш с папой камешек... А она заплакала, истерику устроила. Зачем наверх пошел? А я ей сказал – там мой дом и я туда буду ходить, когда захочу, а если увижу там чужого человека – убью. Потом еще раз пошел. Потом стал каждую неделю ходить. И Хоботов со мной. Пацаны были совсем, ничего не понимали, запросто ведь могли погибнуть... Но – ходили. И не зря ходили.

Студеникин отодвинулся еще на шаг назад и присел, загородив контейнер с семенем; Денис мог видеть только черную фигуру друга, освещенную по контуру лимонно-багровым, и на полу – длинную тень от нее.

– ...Во-первых, мы сразу поняли, что вниз ушли не все. Что кое-кто до сих пор живет и на пятидесятых, и на семидесятых, и на сотых. Были такие, кто жил на седьмом, а перебрался на восемьдесят седьмой. Во-вторых, преступный мир оказался в полном порядке. До искоренения все базы и тайные конторы были у них именно внизу, в плесени и темноте, с первого по пятый. Там, куда милиция не совалась просто из брезгливости. А как заварилась

каша – они быстро все поняли и тихо перебрались наверх, подальше от шума, на семидесятые. Когда отец умер, мать пошла на ткацкую фабрику, штаны шить, а мы с Хоботом сделали свою первую доставку. До конца жизни не забуду: башня «Маршал Жуков», семьдесят второй этаж, груз был – аккумуляторы, водка, шоколад, чай и десять колод игральных карт. Покерных... Бабло получили, тут же купили на черном рынке две гранаты. Тогда еще не ввели литиевый паритет, червонцев не было, только простые рубли, и бешеная инфляция: осколочная граната стоила четыре миллиона. На второй доставке нас хотели обдурить: балабас приняли, но не заплатили. Это у них обычный маневр: на первой доставке заплатят, а на второй, которая серьезнее первой, – обдуривают. Валите вниз, сказали, иначе обоих в окно швырнем. Хоботу, как и мне, было двенадцать, а выглядел – дай бог на десять, такой шпаненок, метр с кепкой... И вот он гранату достает и говорит: тогда я сначала вот это швырну... В общем, не получилось у них нас обдурить. За все годы ни разу ни у кого не получилось обдурить Глеба Студеникина.

– Но Хобота обдурили, – тихо заметил Денис.

Глеб встал, повернулся.

– Не обдурили, а убили, – сказал он. – Это большая разница. А сейчас, когда у Глеба Студеникина есть вот это, – он показал на контейнер, – его тем более никто не обдурит. Глеб Студеникин захочет – и весь мир пустит под откос. Или наоборот: новый Золотой век учредит. Хочешь учредить новый Золотой век?

– Нет, – ответил Денис.

– Почему?

– Не мне его учреждать. И не тебе, кстати.

Черный силуэт увеличился в размерах, тень от него прогулялась по полу, как секундная стрелка.

– А кому, если не мне? – со злой обидой спросил Глеб. – Семечко – у меня! Значит, я самый главный человек в этой части света. А может, на всей земле. Давай плеснем воды. Накормим народы первоклассной мякотью. Изумрудной. Объявим эпоху радости.

– Эпоху халявы, – произнес Денис.

– Брось, – возразил Студеникин. – Кто любит халяву, тот ее везде найдет. Кто хочет мутировать – тот мутирует. А внутренне здоровые люди – такие, как ты, – уцелеют. Ты как работал с детства, так и будешь работать. Конечно, опять появятся конченные травоеды, концентрат, зеленые детишки, расчеловечивание – но кто будет жрать концентрат? Кто будет рожать зеленых гомо флорусов? Вырожденцы, уроды, золотая молодежь! Кому положено сгинуть – тот сгинет. Кому положено превратиться в мыслящую капусту – тот превратится. А достойные, правильные – выживут! Мутируют – тысячи, а насытятся – миллионы. Давай, неси воду. Сделаем дело. Завтра твой знакомый майор разведки проснется и будет очень удивлен.

Денис не пошевелился.

– Чего ждешь? – развязно воскликнул Глеб. – Доставай семечко! Нальем воды. Или лучше – бурбона, для юмора...

Он взял с пола бутылку, в три глотка выпил едва не половину. Рассмеялся.

– Глеб, – сказал Денис. – Ты серьезно?

– Нет, шучу! – прорычал Студеникин. – Конечно, это шутка. Все великие дела делаются шутя. Сидел человек, пил бурбон, решил пошутить, а назавтра выросли стебли до неба. Доставай его.

Денис встал.

– Не надо, Глеб, – сказал он, чуть откидываясь назад, упираясь лопатками в стену, чтоб оттолкнуться и прыгнуть.

Студеникин покачивался перед ним, черный, веселый, пьяный, руки сложены на груди; смотрел прямо в глаза.

– Вот, пацан, – прохрипел он. – Это и есть разница между нами. Между твоим поколением и моим поколением. Вот именно сейчас ты должен ее уловить. Улавливаешь?

– С трудом.

– Это просто, друг. Ты боишься взорвать мир – а я не боюсь. Потому что ты не видел, как он взрывается, а я – видел. У нас с тобой разные представления о его прочности. И знаешь что? Ничего с ним не будет, с этим миром. Взрывай хоть каждый день – все останется как было. Не лучше и не хуже.

Денис молчал, ждал. С тоской думал, что если Глеб решит полить семя водой – помешать ему будет трудно. Глеб сильнее. Он, Глеб, не просто более сильный – он гораздо более жестокий человек.

Может, Таня именно поэтому ушла к Глебу.

«Схватить бутылку, – подумал он. – Разбить об пол. Воткнуть в шею. Не успею, у Глеба мгновенная реакция. Да и не получится, – говорят, тут навык нужен».

Да и не поднимется рука.

– Чего ждешь? – спросил он. – Давай, начинай, раз решил.

Студеникин улыбнулся.

– А ты будешь смотреть, да?

– Буду. Интересно же.

Несколько секунд оба молчали, глядя друг другу в глаза, потом лицо Глеба исказилось, он выдохнул, ссутулился и пробормотал:

– Закрой сундук. И пойдем отсюда к черту. Сидим тут, как маньяки, свечи жжем, с ума сходим. Пойдем. Я тебе кое-что покажу.

Денис перевел дух.

Когда он поворачивал контейнер в обычное положение, ему опять показалось, что семечко задышало, подалось к нему, и невидимая колючая волна ударила в лицо, в грудь, в плечи, ледяная и жаркая сразу; тысячи нездешних вкусов достигли языка, и тысячи запахов, одновременно гадких и восхитительных, проникли в ноздри, и миллионы мелодий, примитивных и гениальных, зазвучали в ушах, и даже какие-то слова вползли в сознание, умоляющий ласковый шепот, словно бы юная и порочная девочка позвала, суля и хихикая; он зажмурился, дрожащими руками нашарил крышку, опустил. Сглотнул горячую слюну.

Отыскал Студеникина в соседней комнате, возле огромного окна. За окном тяжело сверлил темное мартовское небо расцвеченный огнями аэробус.

– Смотри, – негромко сказал Глеб, выпячивая подбородок. – Видишь?

– Что?

– Самолет.

– Вижу.

– Завтра ты сядешь на него и полетишь в Новую Москву.

Денис сразу все понял и удивился: это была простая идея, и притом самая лучшая, почему она до сих пор не пришла ему в голову?

– Ты говорил, что там живет друг твоего отца и твоей матери. Какой-то известный писатель.

– Да, – сказал Денис. – Гарри Годунов.

– Он хороший человек?

– Да.

– Сколько ему лет?

– Семьдесят.

Глеб кивнул. Кашлянул, шмыгнул носом, моргнул заслезившимися глазами – словно все физиологические жидкости, производимые в его теле выше шеи, вдруг обильно выделились, чтоб облегчить произнесение слов.

– Ты расскажешь ему все. Мол, так и так, есть один мудила грешный, он нашел семя стебля и не знает, что с ним делать. Никому не верит, всего боится, хочет отдать находку надежным людям. Каким-нибудь... самым лучшим. Достойным. Скажешь, что не надо ни денег, ни даже благодарности – пусть приедут реальные ребята и заберут эту дрянь, от греха. А потом увезут под Купол и делают с ней, что хотят. Или не под Купол; главное – подальше.

Чем дальше, тем лучше.

Денис загордился собою. Ощутил восторг, совершенно неприемлемый для взрослого двадцатилетнего мужчины. На несколько мгновений забыл даже про семя стебля. Завтра он вылетает в Новую Москву. И не туристом, а ради дела. Это круто. Мощно. Это вам не кувалдой махать, это серьезный масштаб. Жаль, рассказать некому.

Он никогда не летал на самолете. Никогда не был в Новой Москве. Он вообще нигде не был. Десяток школьных автобусных экскурсий – в Суздаль, в Нижний Новгород – не в счет. После школы он выезжал только на подмосковные фермы, подзаработать на уборке свеклы и моркови. А теперь ему предстоит путешествие под Купол; туда немногих впускают; и выпускают тоже.

– Да, – сказал Денис. – Правильно. Конечно. Только... мне нужны деньги на билет.

– Я дам тебе денег, – вяло произнес Студеникин, глядя в сторону, и Денис пожалел, что завел разговор о деньгах; разумеется, он поедет на деньги Глеба; а на чьи еще; все заботы о зародыше лежат на плечах Глеба, все расходы несет Глеб, и если бы Глеб не мог себе позволить комфортабельно прятаться от людей, наедине с зародышем, он бы сам отнес находку в контору патруля. Это его игра, Глеба.

«Он прав, – грустно подумал Денис. – Я тут ни при чем. Рискует – он, платит – тоже он. И с ума сходит тоже он, а не я».

Упоительные картины авиаперелета в Новую Москву поблекли.

Почему-то мир устроен так, что в любой крупной игре нельзя обойтись без некоторой суммы наличных; бывает, хочешь сыграть крупно, по максимуму, приходишь, пытаешься ввязаться в игру, гордо кричишь: «Ставлю здоровье, судьбу, жизнь ставлю!» – а тебе говорят: извини, парень, жизнь – оно конечно, а деньги у тебя есть?

Семя само угадало Глеба Студеникина. Семя не выбрало бедного честного парня Дениса Герца. Семя выбрало того, кому оно по карману.

– Я дам тебе денег, – повторил Глеб. – На билет и на расходы. И еще – для Татьяны. Скажешь ей, что я заболел, задолжал, в розыск объявлен... Что-нибудь такое.

– Позвони и сам скажи.

– Не хочу, – презрительно произнес Студеникин. – И ты с ней не возись. Забудь. Она пропащая баба. Это я ее погубил. Испортил. Кстати, деньгами и погубил. Комфортом, дорогими подарками... Разговорами о том, что она особенная. Самая крутая.

– Я пытаюсь, – произнес Денис.

– Что?

– Забыть. Но я не могу.

Часть 3

Глава 1

Говорили, что приехать в Новую Москву – это как первый секс.

Или как в первый раз сыграть в футбол над обрывом в триста метров.

Говорили, что под Куполом дома и тротуары имеют цвет человеческой кожи и на ощупь – словно тело младенца. Та же температура, гладкость и упругость.

Говорили, что каждому туристу вживляют микрочип, прямо в аэропорту. Не согласишься – не пустят.

Все, что говорили, оказалось правдой.

Сначала был пропускной пункт. В толпе прибывших его называли «таможней», но только в шутку. Какая может быть таможня, если страна одна и та же? И вне Купола, и под ним? Здесь Сибирь, Азия; там Европа. Здесь Новая Москва, там – старая. А страна – одна и та же. Это понимает не всякий и не сразу. Но кто это понимает – тот понимает все. Кто это понимает, тот понимает главный принцип российского жизнеустройства. Здесь – сухо, чисто,

светло и пахнет сладкими духами, там – грязно, потемки и вши по спинам бегают. А страна – одна и та же.

После прыжка в стратосферу Денис был немного вялый и плохо реагировал на происходящее. Бывалые авиапутешественники – в основном бизнесмены разных степеней разложения – советовали ему дышать носом и даже поддерживали под локоть. В конце концов Денис разозлился на себя. Хорош молотобоец: на голову выше всех, а сам бледный, потный и шатается. Стыдно. В итоге вошел в кабинет досмотра деревянной походкой, стискивая зубы и кулаки.

Чиновник в жемчужно-сером мундире – темные очки, холеные руки – проверил документы.

– Вам нужно дать согласие на имплантацию справки о правилах поведения. Даете согласие?

– Даю, – сказал Денис. – Где расписаться?

– Нигде, – усмехнулся серый, не потрудившись скрыть презрения к неотесанному провинциалу. – Просто кивните и подумайте о том, что даете согласие. Сенсоры все запишут. Если не умеете думать или у вас болит голова – произнесите вслух.

– Я умею думать.

Чиновник невозмутимо кивнул и скосил глаза на ремень Дениса.

– Отлично. Кроме обязательной справки мы можем за небольшую плату имплантировать туристический пакет. Он включает семь экскурсионных программ и одиннадцать...

– Спасибо, не надо.

– Как угодно. Прошу заметить, что в первые минуты после имплантации возможны неприятные ощущения. Можете присесть в кресло. Дверь в туалет – рядом.

– У меня нет проблем со здоровьем, – сурово признался Денис, но тут процесс имплантации пошел, и гостя столицы едва не вывернуло здесь же, прямо на жемчужно-серый мундир. Пришлось опереться о стену, и стена – действительно телесного цвета – оказалась упругой и теплой. Чиновник отступил на шаг назад, однако молотобоец был крепкий парень и покинул кабинет не опозорившись – тем же резким шагом, забросив за спину рюкзак с вещичками.

Спустя несколько мгновений он уже все знал. Справка о правилах поведения оказалась исчерпывающей. Правда, из-за небольшого системного сбоя файл закачался не целиком – последние разделы Денис не понял, но принцип работы активного информационного поля был изложен уже в первой главе. Разумеется, процесс имплантации не может не сопровождаться приступом рвоты. В голову человека вкладывается некий объем знаний, и организм протестует, исторгая содержимое желудка; одно входит, другое выходит, все уравновешено; в редких случаях возможны проблемы с кишечником и даже непроизвольная дефекация.

Некоторое время Денис озабоченно размышлял о непроизвольной дефекации – еще не хватало. Но постепенно обещанные чиновником неприятные ощущения исчезли, зато появились приятные: едва вышел из коридора в зал прибытия, как ему улыбнулась маленькая изящная девушка в ярко-красном; чтобы отвести взгляд, гостю столицы пришлось опять напрячь свою железную волю. Еще минуту назад Денис не подозревал, что такие яркие, нежные девушки вообще существуют в природе.

Не только девушка – буквально все тут выглядели ошеломительно.

Никаких самовязанных свитеров, самокатаных валенок и самодельных волчьих шубеек, никаких штанов хаки, телогреек, лаптей, унтов, резиновых сапог и ботинок типа «колхозник», фуфаяк из грубого льна и даже дорогостоящих контрабандных китайских пуховиков – одежды столичных жителей были тонкие, необычные, элегантные и весьма на вид удобные. Сами граждане явно были достойны своих мерцающих комбинезонов, тонких рубаш и легких туфель. Спокойные открытые лица, скупые жесты, негромкие мелодичные голоса. Почти все – в черных очках.

Он вышел на площадь, вдохнул – воздух был хорош – и огляделся.

Купол, разумеется, не был виден.

Над чередой аккуратных трехэтажных домиков реяли в воздухе полупрозрачные буквы, исполненные монументальным шрифтом:

ВЖИВЛЯЙ И ЖИВИ.

Чуть в стороне и сбоку мерцал другой слоган, гораздо менее масштабный, но зато более веселый – слова меняли цвет и как бы флиртовали друг с другом:

ДА ЗДРАВСТВУЕТ БЕСКОРЫСТНАЯ РОССИЙСКО-КИТАЙСКАЯ ДРУЖБА!

Тут гостя столицы потянули за рукав, он вздрогнул и увидел давешнюю миниатюрную красавицу в красном.

На груди ее неярко, но приятно светился значок: оранжевые буквы на фиолетовом фоне. БЕРОКО. Значок был красив, но грудь – еще лучше.

– Привет, Денис, – весело сказала красавица. – А я про тебя знаю.

– А я про тебя – нет, – ответил Денис.

– Хочешь – скачай. В смысле имплантируй. Прямо сейчас. В моем файле и фото есть, и видео, с запахами...

– Хочу. Только попозже. – Денис ощутил слабую головную боль. – Стой, погоди... Полина...

– Потерпи, – миролюбиво сказала Полина. – Я вживила тебе только имя.

– У вас тут со всеми так?

– Как?

– Ну... – Денис вздохнул и подумал, что выглядит глупо, ему не следует быть таким напряженным, а следует быть расслабленным и уверенным. – Идешь себе, никого не трогаешь, подходит девушка, ты ее впервые видишь, а она – хоп – и вставляет тебе в голову свое имя... И еще – пару картинок... в рискованных нарядах...

Полина тряхнула волосами и рассмеялась:

– Не со всеми. И сама я не такая, как все. Я девушка прозрачная и бескорыстная. Просто ты мне понравился. Ты красивый. Только зря надел бамбуковый ремень.

– Почему «бамбуковый»? Кожаный.

Она погладила его по бицепсу.

– За что и люблю туристов. Они как девственники. Ничего не знают. Ладно, я потом тебе все вживлю. Или словами расскажу. Как захочешь. Ты, Денис, только в свой личный файл ничего пока не ставь. Кроме того, что есть. Имя, фамилия, откуда приехал, красная метка, зеленая метка – больше ничего не надо.

– Метки поставил не я.

Полина опять рассмеялась.

– Да знаю я. Зеленая метка – это возбуждает. А красная – тем более. Потом расскажешь, ладно?

– Ладно, – кивнул Денис. – А о чем?

– Кого ты убил.

– Я никого не убил. Это мой отец.

Полина, заметно разочарованная, кивнула:

– Знаешь, я прозрачная девушка, я тебе сразу скажу: у меня тоже была метка. Желтая. Почти два года. Но я очень старалась, и ее стерли.

– Желтая, – пробормотал Денис, застеснявшись. – Это значит...

– Да. Увлекалась. В старших классах. Но теперь все в прошлом.

– А почему ты сказала, что у меня бамбуковый ремень?

– Бамбуковый – значит, китайский. Сделанный в Китае. В нашем городе не любят бамбуковых вещей.

– А как же «российско-китайская дружба»?

Полина показала пальцем на свой значок:

– Это видишь?

– Вижу.

– Я член общества БЕРОКО. Бескорыстные российско-китайские отношения. Бескорыстные, понимаешь? Дружить дружим, но одеваемся в свое. Понял, турист?

– Понял, – вежливо ответил Денис. – А теперь – извини, Полина. Меня встречают.

Площадь перед вокзалом украшала скульптура: адмирал Колчак в полный рост. Возле скульптуры маячил очень высокий, очень худой седовласый человек в нелепом обвисшем пиджаке, с лицом старика и движениями мальчишки – он прохаживался взад-вперед, как прохаживаются люди скорее энергичные, нежели нервные, то сутулясь и опуская глаза в мгновенной задумчивости, то распрямляя спину и плечи и всматриваясь в толпу прибывших; и когда распрямлял – становилось заметно, что плечи весьма широки.

Людей на площади было густо, но седовласый курил сигарету, и вокруг имелось некое свободное пространство: прохожие обходили, сторонились, иные, пройдя мимо, даже оглядывались с недоумением.

Старик увидел Дениса и просиял. Отшвырнул окурок, торопливо подошел, обнял. Сила рук его была велика, от складок морщинистой шеи пахло хорошим одеколоном.

– Вы тут единственный курильщик, – сказал Денис.

– Хо! – Гарри Годунов рассмеялся. – Мне по фигу. У меня есть разрешение. Добрался нормально?

– Да.

– Пошли. Машина за углом. Как мать?

– Отлично.

– Не ври, – велел знаменитый писатель. – Я сегодня ей звонил, она выглядит неважно. Ты плохо заботишься о матери, пацанчик. За это получишь от старого дяди Гарри в лоб. Но позже.

Денис оглянулся – приятная девушка Полина смотрела на него и махала рукой. Пришлось тоже махнуть, из вежливости, и вообще.

– Пойдем, пойдем, – проворчал Годунов, сжимая плечо Дениса железными пальцами. – Она никуда не денется. Привыкай, тут бабы сами будут на тебя прыгать. Дикари из Европы – в большой моде. Особенно молодые и красивые. Только ремешок на штанах поменяй.

Знаменитый писатель открыл дверь крошечного двухместного электромобильчика; Денис подумал, что вдвоем они просто не поместятся в почти игрушечный экипаж, однако ошибся.

Годунов ловко вырулил на дорогу, но вдруг шепотом выругался и резко затормозил, как и два десятка соседних машин, поскольку по осевой линии со свистом промчалась кавалькада ярко-алых лимузинов.

– Видел? – усмехнувшись, спросил он.

– Нет, – сказал Денис. – Не успел. А что это было?

– Это, брат, проехал очень большой человек. Кстати, отца твоего старый знакомый. Директор-распорядитель Нулевого канала. Господин Пружинов Никита Никитович. Фильмы про Буслая смотришь?

– Бывает, смотрю.

– Это он их делает, – торжественно произнес Годунов. – И не только фильмы. Книги, сериалы, журналы. Трехмерные видеокомиксы. «Буслай и битва за независимость Аляски», «Буслай и волшебная золотая ксива», «Буслай и великий бамбуковый поход»... – Писатель поднял узловатый палец. – И справку о правилах поведения в столице нашей родины имплантировали в твою башку с его сервера. Это он, господин Пружинов, решает, какую мысль вставить тебе в голову, а какую – нет. Но не будем о нем. Я его уважаю, – Годунов цыкнул зубом, открыл окно и сплюнул. – Очень.

Он вдруг коротко простонал и выкрикнул:

– Да идите вы на хуй!

Повернулся к Денису.

– Извини, пацанчик. Мне только что напомнили, что плевать на проезжую часть нельзя.

Триста червонцев штрафа.

Дорога плавно нырнула в тоннель, на стенах его Дениса успел заметить плохо закрашенное граффити: «Петросяна – в Мавзолей».

Машинки в соседних рядах катились небыстро, все – на одной скорости, дорога освещалась неярко, но приятно, и предупредительные огни загорались тоже неярко, но приятно, и когда Годунов вырулил наконец на поверхность, на бульвар, засаженный кленами и соснами, – все показалось Денису неярким и приятным. Тротуары цвета топленых сливок, стены цвета кофе с молоком – дамский, кондитерский уют, бери ложечкой и кушай.

– Смешно, – сказал Денис. – Все такое... игрушечное. Узкие дорожки, маленькие домики.

– Хо! – усмехнулся Годунов, вращая миниатюрный руль. – Ясный палец, смешно. У вас там башни до неба, а тут не строят дома выше трех этажей. Чтоб у граждан не возникало болезненных ассоциаций с прошлым. По той же причине нигде не используют зеленого цвета. В Пип-Сити любят телесный цвет. И еще – красный. Надеюсь, ты понимаешь почему.

– Нет, – честно признался гость новой столицы.

– Потому что красный и зеленый – это цвета-оппоненты. Как желтый и синий, оранжевый и фиолетовый. Ничего зеленого, ни в коем случае. У меня вот в личном файле – зеленая метка, потому что я когда-то употреблял мякоть стебля, и еще серая метка, потому что меня судили за употребление мякоти стебля и дали срок. Так что меня не везде пускают... И тебя, кстати, не везде пустят.

– Знаю, – сказал Денис. – Мне загрузили справку. Я сын родителей, употреблявших мякоть стебля, а значит – сам склонен к употреблению. Это зеленая метка. Мой отец убил человека, а значит, я тоже склонен к насилию. Генетически. Это красная метка. Мне нельзя приближаться к детским садам, школам и административным зданиям ближе чем на сто метров. Мое имя, фамилия, род занятий, место рождения и особые метки находятся в общедоступном файле, файл является собственностью Нулевого канала и свободно пребывает в активном информационном поле. Любой гражданин в любой момент времени в любой точке города может загрузить себе мой файл и выяснить...

– Хватит! – с отвращением воскликнул Годунов. – Я все это и без тебя знаю. Только это полная херня. Активное информационное поле – это как масло масленое. Или мокрая вода. Информация всегда активна. Или даже агрессивна.

– Здесь – может быть, – сказал Денис. – А у нас в Европе с этим порядок. Даже реклама запрещена. Кстати, та девочка, в красном... Она почему-то сказала, чтоб я в свой файл ничего не ставил...

Годунов кивнул.

– Правильно сказала. А что ты туда поставишь? Какую информацию? Сведения о том, что тебя возбуждают исключительно рыжие толстые бабы? Или свой портрет на фоне личного вертолета, причем вертолет – подрисован? Не трогай свой файл, пацанчик. Чем меньше туда напишаешь всякой всячины – тем тебе будет проще... – Годунов помедлил. – И еще одно. Тут не говорят «загрузить». Никому никогда так не говори – могут обидеться. И даже дать по морде. Хотя... – старик с удовольствием оглядел фигуру Дениса, – тебе дать по морде проблематично. Но все равно, говори только «имплантировать». Или лучше – «вживить». Культурные люди говорят «вживить». Например, ты хочешь сказать: «Пошел на хуй!» – Годунов проделал выразительный жест. – Но вместо этого говоришь: «Вживите себе немного стыда, уважаемый». Так ведут себя в Пип-Сити воспитанные люди. А «загрузить» – это оскорбление. Загружают в компьютер, который мертвый и железный. А в человека – «вживляют».

Денис воспитанно кивнул:

– Понял. А вы... это все серьезно?

Годунов улыбнулся и хлопнул гостя по плечу:

– Нет, конечно. Шучу я, сынок. Хочешь послать кого-то на хуй – посылай смело. «Вживлять», «имплантировать» – я сам в этом путаюсь. Проще и надежнее на хуй послать.

– Согласен, – сказал Денис, гордый тем, что взрослый человек, сам Гарри Годунов, разговаривает с ним как с равным и даже учит посылать на хуй.

– А почему «Пип-Сити»? – спросил Денис.

– Потому что это прозрачный город, – объяснил Годунов. – Власть прозрачна. Бизнес тоже прозрачен. Мы тут живем прозрачной жизнью, пацанчик. Нет ни секретов, ни тайн. Активное информационное поле – это когда каждый знает все про каждого... Вот и мой домик. Приехали. Ты как насчет выпить?

– Нормально.

– Тогда сразу двигай на кухню и наливай. Себе и мне. После стратосферы выпить – это первое дело. Сразу полегчает. На бардак не обращай внимания.

Беспорядок в доме писателя Годунова был тотален; не обратить на него внимания – значило упустить что-то очень важное. Постепенно Денис пришел в восторг. Особенно понравились грязные носки, служившие закладками в книгах. Об экран телевизора неоднократно тушили сигареты и даже, вероятно, сигары. Зеркало в ванной комнате украшала надпись, исполненная губной помадой, печатными буквами, по-женски четко и округло: «Годунов, ты сволочь!» В спальне пахло, как в конюшне, на кухне – как в библиотеке. Денис без труда отыскал алкоголь и с трудом – чистые стаканы, но в одиночку пить не стал. Заглянул в кабинет: на стене висела огромная катана, а под ногами хрустели огрызки карандашей. Зато здесь был прозрачный потолок и живые цветы в вазах, целых три огромных вазы, три букета роз. На огромном столе лежала большая фотография: портрет молодого мужчины, круглое, сытое лицо, полные розовые губы, пот на лбу, в глазах – страх и вызов.

– Эй, – позвал Годунов. – Ты налил или нет?

– Налил, – ответил Денис. – А кто вам дарит цветы? – Сам себе дарю. Я злой дядя, а цветы делают меня добрым.

– Понимаю, – сказал Денис. – А что за рожа на столе?

– Понравилась?

– Да.

– Мой новый герой, – объяснил Годунов, звеня посудой на кухне. – Некто Геннадий Суховлагин. Сейчас его судят. Шумный процесс, большой резонанс и прочее. А старый дядя Гарри подписался настроичить беллетризованную биографию злодея. Халтурка, короче говоря.

– А что натворил злодей?

– Государственное преступление. Крайней опасности. Посягнул на самое святое. На первую статью Конституции. На принцип прозрачности жизни гражданина.

Денис вернулся на кухню, и они выпили. Хорошо выпили – стоя, без закуски, приязненно глядя друг на друга.

– Спать будешь там, – старый дядя Гарри показал куда-то себе за спину. – Только надо купить новые простыни. Жрать в доме нечего, но тут недалеко есть приличная забегаловка. На вот тебе денег...

– У меня есть, – сказал Денис.

– Возьми-возьми. Тебе еще надо шмотки купить, тут в таких свитерах не ходят.

– Вообще, я по делу приехал, – сказал Денис, но тут Годунов метнул предупреждающий взгляд – как будто факелом взмахнул – и почесал переносицу указательным пальцем, а затем, мгновенно сдвинув палец вниз, приложил к губам. Денис понял и кивнул.

– И что? – спросил он. – Накажут его? Этого вашего злодея?

– А как же.

– И наказание – естественно, высылка?

– Хо! – воскликнул Годунов, сгребая со стульев и швыряя в мусоропровод пластиковые тарелки. – Не угадал. Из Новой Москвы никого не высылают. Как ты вышлешь человека, если в него деньги вложены? Его растили, его учили. На него рассчитывали. Его защищали

от морозов. Ему сделали дороги, чтоб он по ним ездил. Наконец, в него имплантировали информацию, а информация – это, друг мой, самое дорогое. Купол над твоей головой стоит триллион юаней, но даже он – чепуха по сравнению с суммой информации, вложенной в голову каждого местного жителя. И что теперь – взять такого парня и просто отправить на все четыре стороны? Ты, Денис, плохо думаешь о властях Пип-Сити. Тут все продумано. Тут все очень строго. Тут, если ты провинился, тебе все посчитают, до копейки. Ты на каком языке думаешь?

– На русском.

– И говоришь тоже на русском?

– Конечно.

Старый дядя Гарри развел руками:

– Тогда плати. Государству. За сбережение языка. За Тредиаковского, за Державина и Пушкина Александра Сергеевича. Они этот язык создали, а ты на халяву пользуешься. Или живи как все, по закону, и пользуйся продуктом Александра Сергеевича бесплатно – или, если не уважаешь законы, верни деньгами. Кутузов победил Наполеона – верни должок. Рокоссовский взял Берлин – ты торчишь денег стране, родившей Рокоссовского. Гагарин в космос полетел – вся страна радовалась. Что это значит?

Денис пожал плечами.

– Это значит, – строго сказал Годунов, – что на радостях твой прапрадедушка заделал твоей прапрабабушке ребеночка! А потом, через три поколения, и ты появился на свет. Плати за Гагарина! И за Королева, который его ракету построил! Хочешь уйти из города – верни должок и отваливай ко всем чертям.

– Круто придумано, – искренне сказал Денис.

– А ты думал? Преступнику Суховлагину предъявят счет на несколько миллионов червонцев – пусть башляет. Отберут имущество, оставят пару штанов и рукавички рабочие, переселят с респектабельной улицы Трахтенберга куда-нибудь на окраину, под стенку. Потом имплантируют стыд, сожаление и муки совести. Большую дозу. Мужик будет месяц плакать и рвать на себе волосы, а потом – в ассенизаторы, пожизненно. Не отдаст – дети отдадут, внуки. Насчитают штрафные санкции, сделают поправку на инфляцию, и вперед... Весь род Суховлагиных будет ассенизировать, до пятого колена, и проклинать своего предка... Это Новая Москва, пацанчик. Самый серьезный город на всем белом свете.

– И что он сделал, этот Суховлагин?

Годунов осмотрелся. Кухня все еще не походила на место, где готовят пищу, но уже не походила на нечто среднее между читальным залом и свинарником.

– Продавал секретную информацию. Расписание регламентных работ сервера Министерства внутренних дел.

– А что такое...

– Это тебе знать не надо, сынок. Тебе надо знать, что слово «регламент» является в Новой Москве ругательным, ты его не употребляй, а если при тебе произнесут это слово – разворачивайся и молча уходи. Или можешь в лоб дать.

– Лучше в лоб, – ответил Денис. – Только... Мне не все понятно. Как можно имплантировать стыд и муки совести?

Годунов посмотрел внимательно, пожевал бледными губами.

– Сам поймешь, – сказал он. – Присаживайся. Чаю попьем. Правда, его еще найти надо...

– Насчет халтурки ясно, – произнес Денис, набравшись смелости. – А вообще, что пишете?

Годунов недоуменно пошевелил бровями:

– В смысле?

– Ну... – Денис изыскал дополнительную смелость, – настоящую новую книгу – пишете?

Старый дядя Гарри печально ухмыльнулся:

– Не задавай глупых вопросов. Откуда мне знать? Вчера не писал, сегодня тоже не буду, а завтра оно ударит в голову – и напишется. Или не напишется. Или напишется, но не то. Сначала придумать надо. Ну, то есть... Сначала надо решить, чем думать. Потом придумать. А уж потом – написать. А бывает – пишешь, не думая, потом перечитаешь, – Годунов сделал страшные глаза, – и говоришь: ничего себе! Такую мощную штуку захочешь – не придумаешь!

– Я не понял, – сказал Денис, – а что значит «решить, чем думать»?

Годунов улыбнулся.

– Это значит, – сказал он, – что ты, например, сейчас ничем не думаешь. Если бы думал хотя бы головой, то обратил бы внимание, что минуту назад старый дядя Гарри посоветовал тебе не задавать глупых вопросов.

Денис кивнул и поспешно изобразил уважительное послушание: вскочил с табурета, вытянул руки по швам и плотно сжал губы. Годунов помолчал, улыбнулся.

– Думать можно чем угодно. Обычно люди думают головой. Но лучше не думать головой – это тухлое дело. Головной мозг – дурацкий инструмент. Как гитара: у всех есть и все типа играть умеют. Бренчат кое-как на три аккорда и довольны... Понимаешь?

– С трудом.

– Ну, поймешь со временем. Лучше всего думать сердцем. Или спинным мозгом. Но это трудно. Я тебя научу. Молодежь вроде тебя часто думает... сам знаешь чем. Старики думают теми органами, которые у них болят. Очень многие думают желудком или, допустим, задницей. Военные люди, например, глазами думают. Посмотри на портрет любого генерала – там такие глаза, огнем горят... А самые крутые ребята думают любой частью тела. По желанию. Сидишь себе и думаешь мизинцем на левой ноге – очень удобно. И мизинцу польза, и голова отдыхает... Чего ты улыбаешься?

– Вы так со мной говорите, как будто мне пятнадцать лет.

– А сколько тебе?

– Двадцать.

– Хо! – улыбнулся Годунов. – Эх, пацанчик. Мне – семьдесят. Для меня что пятнадцать, что двадцать, что пятьдесят – никакой разницы. Я для тебя динозавр, а ты для меня – дите малое. Только не обижайся.

Денис улыбнулся на все свои солидные двадцать лет и ответил:

– Не волнуйтесь. Я не обидчивый.

– Это хорошо. Это ты в мать, наверное. А вот отец твой был обидчивый парень.

Денис вдруг с изумлением увидел, как высокий седовласый человек торопливо вытер большим пальцем глаза – сначала один, потом другой.

– Гарри, – сказал Денис, – а почему вы один?

Годунов замер с чашками в руках:

– В каком смысле? А, понял. Слушай, я всегда один. Если ты про женщин – у меня их было несколько. Хорошие женщины, но они... В общем, они как-то сами появляются, а потом исчезают, тоже... как-то сами... Одну я даже любил. Или двух. Не помню. Одну – точно любил. И сейчас, наверное, люблю. Давно, много лет. Но у нее своя жизнь. Муж, сыновья, хороший дом, хорошая работа. Зачем я ей? Я пьяница, у меня судимость. Вдобавок книжки сочиняю, а это еще хуже судимости. Со мной ей будет плохо.

– Моя мать говорит, что за любовь надо биться.

– Правильно говорит. Надо. Только за чью?

– За свою.

Годунов ссутулился и покачал головой:

– Нет, друг мой. Я не привык биться за свое. За чужое – могу, а за свое не умею. Я бы за твою любовь побился с удовольствием. До крови, до смерти. А за свою... Моя любовь всегда при мне, чего за нее биться?

– Но вы несчастны.

– А мне по хую, – печально ответил старик. – Я сегодня стою на вокзальной площади,

курю себе, дебилы мимо проходят, рожи кривят – я несчастлив. Вдруг вижу в толпе сына своих друзей, парня хоть куда – и меня таким счастьем накрывает, что голова кружится. Зыбко все это, пацанчик... Я за счастьем не бегал. Я за своей звездой шагал. Так и прожил свои семь десятков. Две книги полезные написал и две вредные. Детей не родил, но это не важно. Зато мой лучший и единственный друг, Савелий Герц, родил сына, хорошего парня, красивого и умного... И теперь, если этому парню, младшему Герцу, надо, – он приходит ко мне. Я ему и отец, и дед, и брат. Советчик, поделник и собутыльник. А если сын моего друга не придет – пусть приходит любой другой. Каждый чей-то сын, правильно? Пусть приходит кто хочет. Я ведь, Денис, дверь в своем доме не закрываю. В настоящем доме у человека дверь всегда должна быть настежь. А если на ней замок – стало быть, человек не совсем человек и дом – не совсем дом... Давай, пацанчик, пей чай. А я буду водку пить.

– Тогда и я буду водку.

– Ты совсем не похож на отца.

– Мама говорит – похож.

– Нет. Савелий был осторожный, мирный мужик. А ты – дерзкий, уверенный... – Старик подмигнул Денису. – Крутой парень.

– У нас все такие, – ответил Денис.

Годунов выпил еще рюмку и вдруг ударил Дениса по плечу.

– Хо! Я знаю, что тебе нужно. Иди-ка ты и налей себе хорошую горячую ванну. Когда последний раз в ванне лежал?

– Не помню. Может, вообще не лежал. У нас моются только под душем или в бане...

– Знаю, – сказал Годунов. – Знаю я все. Иди, погрузись. Тебе понравится.

Он лежал в голубой воде, почти счастливый. Нажал ногой на какую-то педаль – вода забурилась. Испугался, но понял, что это некий специальный эффект. Нажал другую педаль – откуда ни возмись, появилась обильная невесомая пена, она пахла фиалками. «Вот так люди и разлагаются», – подумал молотобоец, смеживая веки.

Через несколько минут Годунов приоткрыл дверь и просунул голову:

– Там к тебе пришли. Зовут Полина, красоты неимоверной. Возьми для нее цветы, из кабинета. Тот, что в дальнем углу, там тринадцать красных роз, ей понравится...

Мокрый, голый по пояс, в прилипших к ногам штанах Денис выбежал на улицу. Цветы не взял; еще чего.

Полина стояла с независимым видом, рассматривала носки собственных туфель.

– Привет, – пропела она. – Хочешь посмотреть город? – Конечно, – пробормотал Денис. – Но...

– Твой адрес есть в твоём файле. Извини, что я внезапно...

– Не извиняйтесь, леди, – провозгласил Годунов из-за спины Дениса. – Он дикий парень из Европы, перед ним не надо извиняться.

Денис неуверенно посмотрел на старика – тот ухмыльнулся:

– Давай, давай. Волосы обсуши – и двигай... Вечером я тебя найду.

– А как вы...

– Не волнуйся, пацанчик, – сказал старик. – Ты под Куполом. Тут про всех все известно.

Глава 2

Ее одежду Денис не понял. С голых плеч ниспадало усыпанное блесками, вроде бы абсолютно прозрачное, но вместе с тем лукаво мутнеющее в области груди и ниже живота, и был еще легчайший шарфик – словно ветерок сгустился вокруг шеи. Находиться рядом с таким великолепием, не имея на себе как минимум смокинга, было совершенно невозможно, и молотобоец загрустил. Мужчин в смокингах он видел только по телевизору, их проблем не понимал, а сейчас вот понял. Есть моменты, когда смокинг насущно необходим.

Тем временем нереальная девушка Полина продемонстрировала ум.

– Поедем, – пропела она. – Тебя надо переодеть.

За ее спиной он увидел такси с забавными маленькими колесиками. Беспилотное.

Через четверть часа стало ясно, что дом Гарри Годунова находится в бедном районе. Как здесь говорили – «под стеной», то есть у самого края Купола. По мере приближения к центру города здания становились не выше или красивее, но как бы жирнее, и кондитерская архитектура уступила место хай-теку. По первым этажам сплошь пошли вывески ресторанов и дансингов (неяркие, но приятные). Появились самодвижущиеся тротуары, торговые аркады, фонтаны, скульптуры, рекламы (приятные, но неяркие), офисные центры с прозрачными стенами, теннисные корты, паркинги, трехмерные афиши фильмов, в том числе третьего «Буслая», с Лерой Грин в пуленепробиваемом бюстгальтере (средний план, полупрофиль, очень неярко и приятно). Долго ехали вдоль здания центральной конторы корпорации «Русский литий», чьи аккумуляторы обеспечивали электричеством каждого четвертого жителя планеты Земля. Над главным входом мерцали цифры: ежесекундные колебания цены на самый дорогой в истории металл, трансляция онлайн со всех основных биржевых площадок, от Чикаго до Джакарты.

Свернули на тесную пешеходную улочку, здесь было не протолкнуться, женщины ходили, задевая друг дружку пластиковыми пакетами и коробками.

– Тут мы купим все, – заверила Полина. – Пойдем. Я сама выберу, а ты не возражай.

Молотобоец дисциплинированно кивнул и проследовал, влекомый за руку, в магазин одежды, где его спутница, хищно сузив глаза, нырнула в самую чащобу, точными движениями выхватывая то одну, то другую шмотку, и вернулась спустя каких-нибудь полчаса, возбужденная и торжественная.

– Вот это возьми, – сказала она. – Или это. И вот еще курточка классная.

Денис заколебался:

– Плюс двадцать четыре, зачем мне курточка?

– Как хочешь. Вечером будет прохладно.

– Прохладно – это как?

– Ну... Двадцать.

– Это прохладно?

– Конечно.

– Понял, – пробормотал Денис. – А как быть со штанами?

– Штаны оставим, – решительно распорядилась Полина. – Это настоящие дикарские штаны. Сразу видно – парень из Европы. Все с ума сойдут.

После некоторых колебаний молотобоец облекся в рубаху без воротника и рукавов прекрасной льняной ткани. Цена его смутила: примерно такая же шмотка в магазине «Все свое» стоила в пятнадцать раз дешевле. Ладно, подумал он, это входит в правила игры.

Выданные Годуновым узкие твердые туфли Полина велела выбросить («Причем немедленно», – сказала она) и рекомендовала невесомые веревочные сандалии. Накануне, перед самым выездом в аэропорт, Денис дальновидно постриг ногти на ногах и сейчас мысленно похвалил себя. Хотел спросить, что бы случилось, объяви он, что у него нет денег или (еще позорнее) что деньги есть, но их не хватает, однако потом вспомнил, как заполнял в аэропорту декларацию. Его финансовые возможности отражены в личном файле. А файл – в открытом доступе. То есть любой прохожий при желании может составить мнение о содержимом его карманов.

– Отлично, – сказала Полина, оглядев его, вышедшего из примерочной. – Только ты очень мутный. Расслабься немного.

«Ты мутных не видела, – подумал Денис, немного задетый за живое. – Настоящие мутные живут у нас в Москве на четвертом уровне. В глаза не смотрят, не здороваются, чем промышляют – непонятно. Но завтракают строго в “Литиуме”».

– Я сам не смогу, – небрежно ответил он.

– Что?

– Расслабиться. Мне для этого женщину надо.

Полина тонко улыбнулась.

Протягивая загорелому кассиру плотные сотенные билеты, молотобоец поймал себя на странном чувстве. Неделю назад он рисковал жизнью в обмен на несколько таких купюр, а сейчас отдает чудовищную сумму за какую-то рубашу и пару легкомысленных лаптей, и тому и другому красная цена – пять целковых; отдает – и ничего не чувствует. Денег не жалко. Я по-крупному играю, я прилетел рассказать, что найдено семя стебля, при чем тут деньги, к черту деньги.

В приятном осознании своей миссии ступил на теплый тротуар, сделал несколько шагов, пробуя непривычную обувь, а через мгновение Полина догнала его, улыбнулась, повисла на руке, и оба немедля отразились в ближайшей витрине: сногшибательные мальчик и девочка, он – атлет, плечищи, кулачищи, интересный нос, челюсть бойца, походка пирата, она – рискованные каблуки, карамельные глазки, фруктовые грудки, взрослый рот, легкие волосы, белая шея; вся – как вода, подвижная, не схватить, пока сама не захочет, а захочет – захлебнешься.

Через три минуты у Дениса заболела голова. Музыка неслась из-за каждой двери, разная и незнакомая. Шалея, гость столицы прислушивался и недоумевал: где аскетичный Симон Горский с его аккордеонами? Где Тихон Бес с его атональными фортепианными переливами? Отовсюду стучало, гремело, звенело нечто оригинальное, вроде бы лихорадочное, но одновременно беззаботное. Над толпой витал дух расслабленности, Денису казалось, что он идет по залу отдыха в общественной бане: многие одеты легко, небрежно, какие-то шорты, свисающие майки, и у всех без исключения – легкая обувь, сандалии, тапочки, тонкие туфли на босу ногу. Нет, не баня, решил он, больше похоже на то, как если бы все вдруг выбежали из своих квартир за сигаретами, в домашних затрапезных прикидах.

Ни одной компании, ни одной беседующей на ходу парочки, каждый сам по себе, все молчат, многие – в темных очках, а кто не в очках – смотрит либо себе под ноги, либо поверх голов. Почти все улыбаются, но не друг другу, а скорее своим мыслям; какая-то деваха в бриллиантовых серьгах вдруг сняла очки, подмигнула Денису и сделала ему знак, но он уже проходил мимо и не стал оглядываться, чтобы не обидеть Полину. Видимо, дикарские штаны действительно производили на местную публику особенное впечатление.

Общая безмятежность показалась Денису подозрительной, но потом на углу приятнейшего, цвета сливок здания он увидел явно расстроенного чем-то человека, безо всяких очков и улыбки, и не в мягких шортах, а в дешевом пластиковом пиджаке и дурно повязанном галстуке – человек вдруг громко вздохнул, сплюнул, сказал кому-то «да идите вы в жопу» и исчез за углом; Денис сразу успокоился. Здесь было то же самое. Страсти, переживания, досада, печаль, произнесенные в сердцах ругательства, мелкие некрасивые поступки – люди как люди, нормальные, свои, граждане России. Только очень спокойные. И еще – закрытые, ушедшие в себя.

– Куда мы идем? – спросил он.

– Тебе понравится, – пообещала Полина. – Ты только ни на кого не смотри. Особенно не смотри на женщин. Тут такие есть – с полувзгляда вживят какую-нибудь ерунду неприличную, потом не отвяжешься...

– Ты меня не знаешь, – сказал Денис. – Я сам вживлю кому хочешь. По самые помидоры.

Полина засмеялась:

– Ты не сможешь никому ничего вживить. Здесь только входящие – бесплатно. А за исходящие надо платить. У тебя есть девушка?

– Была.

– Пришли, – объявила Полина, плотнее ухватила его за предплечье и повлекла в дверной проем; Денис посмотрел по сторонам, но вдруг подумал, что ему не следует слишком активно вертеть головой, это не солидно. В конце концов, он не турист, он по делу прилетел. Заведение было просторным, но уютным, музыка плотная, но не мешающая

разговору, запахи странные, приятные, как если бы дыню разрезали посреди парфюмерного магазина. В углу крутился трехмерный видеокомикс, политическая сатира с элементами легкой эротики, Денис даже смутился. Спутница провела его вдоль череды глубоких ниш, где на диванах полулежали, элегантно питаясь и распивая алкоголи, группы расслабленных аборигенов, — чем дальше от входа, тем позы были свободнее, а лица — веселее. Наконец в одной из ниш восторженно завизжали, и несколько разбитных полуодетых баб бросились к Полине, чтобы изящно облобызать; Денис не удивился, такое он и у себя в Москве видел: днем расстаются, вечером созваниваются, а утром ведут себя так, словно пять лет не виделись.

— Это Денис, — объявила Полина. — Только утром из Европы.

Бабы округлили глаза и ахнули в унисон. Судя по жестам и взглядам, все были немного старше Дениса, лет двадцати пяти — двадцати семи, это польстило гостю столицы.

— А я смотрю — какие-то у вас брюки странные, — пропела одна, блондинка в красивых ресницах, браслетах и кружевах.

Денис присел и подумал, что жизнь идет в гору. Бабы поедали его глазами. Полина сияла.

— Настоящий мужчина из-за гор, — продекламировала она. — По этому поводу я немного выпью.

— И я, — немедленно заявила блондинка и посмотрела на Дениса, как на пирожное. — А вы к нам надолго?

— Не знаю. Не от меня зависит.

Загорелая соседка блондинки деловито уточнила:

— Вы турист?

— Нет. Прилетел по делу.

— А правда, что в Европе все едят только морковку?

— Неправда, — сказал Денис. — Не только. По четвергам — рыбный день, хвост кильки. В воскресенье — праздничный обед: кочерыжки в свекольном соусе. Очень вкусно и полезно для здоровья.

Загорелая фыркнула. Блондинка поперхнулась коктейлем.

— Какой ужас! А я думала — врут. И что, вы там ездите на собачьих упряжках?

— Не все. Только бедные. Богатые — верхом на лосях.

В углу дивана сидела четвертая, тощая, в огромных черных очках. Перед ней стоял бокал красного; молотобоец вспомнил вышибалу-андроида и решил быть начеку.

Блондинка взмахнула ресницами:

— А еще, знаете, я слышала, в день восемнадцатилетия каждый мальчик должен лично застрелить волка и снять с него шкуру.

— Почему «застрелить»? — удивился Денис. — Что за чепуха. Волка положено придушить немного, потом сунуть руку ему в пасть, по локоть, нашарить прямую кишку, вырвать и съесть, горячую. А уж потом снимать шкуру.

Девки ахнули. Денис приосанился. Ему было хорошо.

— Только, — сурово добавил он, — в последнее время они умные стали, волки. Догонишь его, соберешься кишку вырвать — а он сам с себя шкуру снимает, бросает тебе и убегает голый. Волчий закон: задница дороже шкуры. Шкура нарастет, а задница — на всю жизнь одна...

— Кошмар! — воскликнула блондинка. — Значит, и про медведей все правда. Про то, что они ходят по Красной площади. У меня знакомый ездил к вам в Европу, — говорил, что встретил возле Мавзолея голодного медведя и еле убежал.

— Врет ваш знакомый, — усмехнулся Денис. — От голодного медведя не убежишь. Медведь, если кушать хочет, в три раза быстрее человека бежит. Пятьдесят километров в час. Это, кстати, не шутка.

Неожиданно бабы притихли и переглянулись.

— Я не поняла, — с обидой сказала загорелая. — А про волков и кочерыжки — это, значит,

была шутка?

– Конечно, – сказал Денис, улыбаясь. – А что?

Бабы вздохнули и выпрямили спины. Блондинка надула губы, загорелая опустила глаза, тощая хмыкнула.

– Денис, – нежно произнесла Полина. – Мы девушки прозрачные, и разговоры у нас прозрачные. Я забыла предупредить, что шутить здесь не принято.

– Неужели у вас в Европе до сих пор все шутят? – спросила загорелая.

– А здесь – нет?

– Здесь прозрачное общество, – отчеканила тощая и сняла очки, оказавшись обладательницей колючих серых глазок. – Если вы, Денис, хотите что-то сказать – говорите прямо. Без шуток, намеков, без двусмысленностей. Говорите то, что подразумеваете. Иначе вас неправильно поймут. Если хотите, я могу вам вживить представление о некоторых... нормах поведения. Чтобы не тратить время на разговоры.

– Спасибо, – пробормотал Денис. – Не надо ничего вживлять.

– Я все тебе вживлю, – пообещала Полина, придвигаясь. – Позже.

– Слушайте, я не хотел никого обидеть.

– Ерунда, – величественно ответила загорелая. – Скажите, а как вы там живете, в старой Москве? Шуточки, сказочки... Никого нельзя понять, все мутные, все недоговаривают... Если вы мутный человек, вам здесь будет трудно.

– Никогда не считал себя мутным, – искренне сказал Денис. – А как тут можно заказать рюмку коньяку?

– Я закажу, – быстро ответила блондинка. – У меня скидка на исходящие.

– У меня тоже скидка, – сказала Полина. – Не лезь, дорогая.

Молотобоец деликатно отвернулся, но фрагмент стены напротив был зеркальный, и он все увидел: Полина взглядом пообещала блондинке большие проблемы, а блондинка показала язык – кстати, прекрасный язык, проворный, узкий и влажный. «Нет, – подумал Денис, – ничего особенного нет в этой их Новой Москве, несмотря на Купол в триллион юаней, прозрачность отношений и передачу мыслей на расстояние. Все то же самое».

– А чем вы занимаетесь? – спросила тощая.

– Учусь на энергетика. Летом – работаю. У фермеров. Там, где кочерыжки растут. В свободное время хожу ломать старые башни. Отработал шесть тысяч бесплатных часов.

Тощая деловито кивнула:

– Это я поняла. Это есть в вашем файле. Но я не поняла, зачем работать бесплатно?

– Так принято, – сказал Денис. – Это вопрос репутации. Тех, кто бесплатно работает, уважают. А мне нравится, когда меня уважают. Если я, допустим, совершу правонарушение, то меня будут судить и приговорят к общественным работам. А я уже на этих работах был, и наказание для меня будет формальным. Я набью морду какому-нибудь разложенцу, мне дадут пятьсот часов работ. А у меня их – шесть тысяч. Останется пять с половиной... Кроме того, от бесплатных общественных работ зависит карьера. Вдруг я захочу управлять районом? Или городом? Или губернией? Или всей страной?

– О боже, – произнесла загорелая. – Кто ж вам даст управлять страной?

– Да я вообще-то не стремлюсь пока. Но в будущем – может быть...

Не умничай, пупсик, чуть было не сказал Денис, я могу поставить всю страну на уши при помощи стакана воды. Загорелая ему не нравилась: типичная высокомерная стерва.

– Кстати, – не унималась загорелая, – вы ведь мусульманин?

– С чего вы взяли?

– Но... вы же из Европы.

Денис вежливо улыбнулся:

– Вы немного перепутали. Мусульмане – дальше, в Западной Европе. В Париже, в Амстердаме, в Берлине. Мусульмане – в Швейцарии, в Бельгии, в Австрии. А я – из Москвы, это на две тысячи километров ближе. У нас в Москве в основном православные... Так всегда было.

– Извините, – спросила тощая, – вы сказали, что прилетели к нам по делу... Какой-то бизнес, да?

– Почти угадали. Мне надо кое-что продать.

– Расскажите. Если это меха, я вам помогу. У меня лицензия пушного дилера.

Принесли коньяк. Официант был юн и полуодет. Денис подумал, что европейскому дикарю положено быть решительным, и употребил залпом. Выдохнул и сообщил:

– Я продаю уникальную технологию выделки кожи. Называется «свинячий партак». На английском – “tattoo-pig”.

– Впервые слышу, – заинтересованно сказала загорелая.

– Еще бы. Новейшая разработка. Кстати, посоветуйте мне, как вести переговоры. А то я исполню какую-нибудь шуточку и испорчу все дело.

Тощая подобралась и даже одернула блузку:

– А вы уже нашли покупателя?

– Конечно.

– И юриста, и нотариуса, и патентного поверенного?

– Всех.

Тощая кивнула:

– В нашем городе, Денис, нельзя быть мутным. Это первое и главное правило. Надо действовать абсолютно открыто. Прозрачно. Продайте ваше изобретение на открытом аукционе – получите лучшую цену. Но то, что вы предлагаете, должно соответствовать законодательству. Пройти экспертизы и проверки.

Денис, приятно хмельной, улыбнулся и сказал:

– То, что я продаю, совершенно законно и безвредно.

– Тогда ваш юрист всему вас научит. Но и с ним надо быть максимально прозрачным. Понимаете?

– Нет.

Тощая посмотрела на Полину и покачала головой.

– Денис, – сказала Полина, – поговорим об этом потом.

– Ладно, – тут же согласился молотобоец. – Тогда закажите мне еще выпить.

– Конечно, – прошелестела Полина.

Загорелая ухмыльнулась. Тощая поджала губы и произнесла:

– Кстати, если завтра вы собрались заключать важную сделку, то сегодня вам лучше не употреблять алкоголь.

– Почему?

– Потому что это прозрачное заведение. Что вы пили, как и сколько – все будет зафиксировано и отправлено на центральный сервер. В случае возможного судебного разбирательства вас обвинят в том, что вы управляли бизнесом в нетрезвом состоянии.

– Чепуха, – решительно сказал Денис. – У меня нет бизнеса, а с двух рюмок нельзя быть в нетрезвом состоянии.

Тощая покачала головой:

– Если вы собрались что-то продавать – значит, это бизнес. Если вы пьете коньяк – значит, вы в нетрезвом состоянии. Вы слишком мутный человек, Денис, будьте прозрачнее, иначе у вас ничего не получится.

– Постараюсь, – сказал Денис.

Блондинка, сидевшая, закинув правую ногу на левую, закинула теперь левую на правую, и на ее бедре повыше колена расцвело красное пятно. «Обычные девки, – подумал Денис, – ничего особенного. Ноги, плечи, глазки подведенные. Красивые, молодые, веселые. Обычные».

Но Таня выглядела бы среди них как неухоженная дурнушка. Даже та, новая Таня, в маленьком черном платье, в дыму валютного ресторана, тычущая пальцем в миллионера Голованова, цинично усмехающаяся, взрослая, шикарная, – рядом с Полиной была бы просто бледной молью. Эти девки не ломали стены и перекрытия в минус двадцать пять, на ледяном

ветру, на высоте четверти километра. Не обедали репой с картофельным гарниром, под плакатом, призывающим беречь сбереженное. Не ходили в школу пешком: дважды в день три километра по пробитым в сугробах тропинкам.

«Это я должен глядеть на них с превосходством, – подумал молотобоец, – а не они на меня. Это я должен снисходительно улыбаться. Почему я не гляжу с превосходством, почему не снисхожу?»

– Ладно, – сказал он. – Пожалуй, я отменю переговоры и выпью еще одну рюмку. Обо мне поговорили – давайте о вас, дамы. Как вы проводите вечера? – Ой, – вздохнула блондинка. – Скучаем. Ты, Денис, приехал в очень скучный город. Или клуб, или кино, или – вот, – она обвела длинной рукой полутемное заведение. – Ну, салон, бассейн, куда еще...

– А учеба?

– Учеба – это святое, – вяло произнесла блондинка. – Я учусь на фэшн-координатора.

– А я – на менеджера по ликвидации избыточной вариативности, – сказала Полина. – Но я, в отличие от нее, еще и работаю. В БЕРОКО.

Блондинка ядовито улыбнулась:

– Прости, дорогая, но твое БЕРОКО – жутко мутная контора.

– Сама ты мутная, – весело ответила Полина. – Самое мутное дело – это фэшн. И кино. И шоу-бизнес.

Блондинка небрежно отмахнулась и обняла губами коктейльную трубочку.

– Я тоже пойду в БЕРОКО, – сказала загорелая. – Все говорят, что там весело.

– И что же, – спросил Денис, – веселого происходит в БЕРОКО?

– Не слушай их, Денис, – небрежно сказала блондинка. – Нет там ничего веселого. Ходят по городу и ищут китайскую контрабанду.

– А разве она тут есть?

– Она везде есть, – сказала Полина. – Прежде всего она – в головах. Китайский товар легко вычислить и изъять. Гораздо сложнее бороться с китайщиной в мозгах. С бамбуковым мышлением.

– Интересно, – сказал Денис. – А как проявляется китайщина в мозгах?

– Очень просто, – вместо Полины ответила тощая, опять подбираясь и поправляя блузку. – Если человек думает, что кто-то бедный и голодный приедет издалека и сделает его работу, за чашечку риса и пару червонцев, – это китайщина. Бамбуковое мышление. Если человек думает, что ему можно не делать вещи, а устроить так, чтобы вещи делал китаец, – это бамбуковое мышление. Если человек думает, что ему можно не напрягаться, потому что китаец все равно напряжется, – это бамбуковое мышление.

– Мысли правильные, – сказал Денис. – Только, по-моему, китайцы тут ни при чем.

Тощая кивнула.

– В принципе, да. И китайцы, и бамбук. Но с китайцами – нагляднее. Общество бескорыстной российско-китайской дружбы следит за тем, чтобы граждане страны надеялись на самих себя, а не на китайцев.

«Барабанит, как по учебнику, – подумал молотобоец. – Декларирует. Отличница, наверное. Поэтому и тощая».

– Кстати, – продолжала тощая, – в совет учредителей общества входят многие китайские деятели культуры, философы и ученые. Самим китайцам тоже выгодно, чтобы их воспринимали как нормальных людей. А не как муравьев, которые безропотно обслуживают остальной мир, по первому приказу собираются в толпы и бегут работать. Понимаете?

– Да, – сказал Денис, принимая из рук официанта рюмку. – А вы тоже работаете в БЕРОКО?

– Работала, – ответила тощая и опять надела очки. – Потом меня передвинули на более ответственный участок.

Молотобоец скосил глаза на прильнувшую к нему Полину – одновременно прохладную и горячую, почти как семя стебля.

Они все красиво декларируют. Емко и выпукло. Доходчиво. И эксперты из телевизора,

и миллионер Голованов из шикарного шалмана, и костлявая сероглазая девушка из города под Куполом. Сытые и гладкие всегда вооружены сотней отточенных фраз. Спорить бессмысленно – фразы все правильные. В наше время сытый обязан быть умным и уметь красиво говорить. В седой древности сытый целыми днями упражнялся в фехтовании – сейчас он упражняется в риторике. Чтобы в любой момент рассказать любому голодному, что голод – это полезно.

Дениса хлопнули по плечу, он поднял голову и увидел бледного малого лет тридцати. Малый был под пивом и выглядел не слишком презентабельно.

– Друг, – развязно сказал малый, – поделись девчонками.

Девчонки тут же притихли.

– Не могу, – хладнокровно ответил Денис. – Самому нужны.

– У тебя их четыре, а у нас – ни одной. Предлагаю объединиться.

И малый показал пальцем. Из ниши напротив отчаянно замахали руками несколько товарищей бледного.

– Боже, – пробормотала загорелая, – и тут никакого покоя.

– Мы обсудим это, – сказал Денис. – Передай своим, пусть ждут. Может, обломится, может – нет. Ничего не обещаю. Но попробую.

Обнадеженный малый ушел.

– Они мне уже десять минут сигналы шлют, – сообщила блондинка.

– И мне, – сказала тощая. – Какие-то пошлые комплименты.

– То есть вы их не хотите, – уточнил Денис, согретый третьей рюмкой. – Абсолютно, – ответила блондинка.

– А чего ты за всех говоришь? – тихо спросила тощая. – Тот, который с краю сидит, – ничего так... Приятный молодой человек. Прозрачный. И деньги есть. Только у меня был сбой, я не поняла сколько.

– Тогда иди, – вяло произнесла загорелая.

– Одна? Нет, одна не пойду. Пусть кто-нибудь со мной пойдет. Все равно весь вечер впереди.

– Я не пойду, – сказала блондинка.

– Боже, – сказала загорелая. – Давайте никто к ним не пойдет. А если будут приставать – наш дикарь каждому прямую кишку через рот выдернет и съест. Я хочу посмотреть, как это делается.

– Вот, – сказал Денис. – А говорили – тут шутить не принято.

– Иногда можно, – сказала загорелая. – В виде исключения.

– Сегодня какой день? – спросил Денис.

– Вторник.

– Жаль. По вторникам я кишки не дергаю. Старинный дикарский обычай.

Полина рассмеялась, и Денис вдруг понял, что она норовит сесть к нему на колени. «Интересно, – подумал он, – почему на мне все время виснут какие-то красивые девчонки, но спят с этими девчонками другие люди? Надо прекратить эту глупую традицию. Желательно сегодня же».

– Ладно, – вздохнув, сказала тощая. – Не пойду. Таких отважных мушкетеров тут каждый день полно, а живого дикаря когда еще увидишь... – Она посмотрела на Дениса, на торжествующую Полину, потом опять на Дениса, потом на пустую рюмку перед ним. – Можно угостить вас коньяком, дикарь?

– Пожалуй, – благосклонно произнес дикарь.

– А у вас в Старой Москве все такие?

– Какие?

– Красивые и два метра ростом.

– Все, – ответил дикарь. – Я еще слабак. Есть и по три метра.

– Опять шутите.

– А ты не приставай, – сварливо заметила Полина. – Видишь, человеку надоели

вопросы. И вообще, какой он дикарь? Культурный парень – нашли дикаря тоже... Технологию изобрел. Завтра он ее продаст, а послезавтра купит себе особняк в центре, на бульваре Потанина, и приведет туда какую-нибудь кинозвезду. А нам с тобой, подруга, останется только облизываться.

– Леру Грин, – предложил Денис.

Девки издали возгласы неприязни.

– Боже, – простонала загорелая. – Ему нравится Лера Грин! Эта зеленая хабалка с жутким выменем! Девочки, пойдемте отсюда. Наш дикарь разочаровал меня. Или это опять шутка?

– Конечно, шутка, – ответил Денис. – Но в Москве у меня есть друг. Он гомо флорус.

Блондинка состроила гримасу отвращения.

– Как можно дружить с гомо флорусом? Он же не человек.

– Может, и не человек, – сказал Денис. – Но друг замечательный.

– Я думала, все зеленые люди – здесь, в Новой Москве. Заперты в специальном институте. Их там изучают. Препарируют.

– Не все. Многие живут обычной жизнью. У них те же гражданские права, что и у нас.

– О боже, – пробормотала загорелая, глядя Денису за спину. – Он опять идет.

– Прошу прощения, – решительно заявил давешний мушкетер, подходя к столу. – Но я... э-э... уполномочен передать повторное приглашение моих товарищей.

Денис разозлился. И пожалел, что сидит в странном незнакомом месте, за четыре тысячи километров от дома. А не в любимом «Чайнике». Дома все налажено правильно, там другие нравы. Там никто не будет снимать твоих девочек, даже если ты один, а девочек много. Девочки, сидящие за твоим столом, – это твои девочки. И трогать их нельзя. Им не следует подмигивать и делать знаки. Иначе можно получить табуретом по голове. И не пластмассовым, а настоящим правильным деревянным табуретом. Но тут, под Куполом, другие законы, и табуретов, кстати, нет.

– Молодой человек, – добродушно произнес Денис. – Девушки не согласны.

– Может, они сами скажут? – спросил мушкетер, стремительно краснея.

– Кто «они»? – осведомился молотобоец.

– Девушки.

– Может, скажут, а может – нет. Боюсь, у девушек нет желания беседовать с вами. Если бы девушки захотели вступить в беседу, они бы это уже сделали.

– Кстати, да! – воскликнула блондинка.

Мушкетер помрачнел, наклонился к уху Дениса, обдал его запахом пива и пробормотал:

– Пойдем, выйдем.

«Классика», – с уважением подумал Денис и встал.

– В чем дело? – сварливо спросила загорелая. – Денис, куда вы? А вдруг они ударят вас по лицу?

Гость новой столицы улыбнулся, обнял мушкетера за плечо и напряг руку. Несчастный издал короткое крикание, и его кости хрустнули. Денис развернул его лицом к выходу и повел. За спиной раздались возмущенные возгласы покинутых дам. Пойдемте посмотрим, предложила блондинка. Охрана разберется, вставила тощая. Ему нельзя, у него красная метка в файле, озабоченно добавила Полина. Сбоку приближались прочие мушкетеры, но молотобоец не сильно забеспокоился.

Вдруг его сильно толкнули в спину. Денис повернулся, уже готовый к бою, и от удивления ослабил хватку: перед ним стоял Гарри Годунов.

– Стой, – сказал Годунов. – Отпусти парня.

Денис повиновался. Старик перевел взгляд на мушкетера и в изумлении поднял брови.

– Хо! Кого я вижу! В чем дело, господа?

Мушкетер и его подросшие приятели неожиданно стушевались и встали во фронт.

– Развлекаемся? – прорычал Годунов. – Всем составом, да?

– Извиняюсь, – пролепетал один из мушкетеров, и на его невзрачном, с мелкими чертами лице отразилось столь глубокое раскаяние, что Денису стало неудобно.

– Мы зашли на пять минут, – торопливо добавил второй. – Считайте, что нас уже нет.

– Вон отсюда! – приказал Годунов. – У вас есть тридцать секунд. Время пошло.

Мушкетерам хватило пятнадцати. Старик перевел дух, посмотрел на Дениса и улыбнулся.

– Мои студенты. Завтра у нас семинар, по теме «Поэт и царь», а они пиво пьют. Вместо того чтобы зубрить.

– Ага, – сказал Денис. – А я уже хотел их... – Он сделал жест, как будто выжимает мокрую тряпку.

– Ты это брось, – строго произнес старик. – Отличные мальчишки. Сам отбирал. Из пятерых минимум двое составят цвет российской словесности. Пойдем отсюда.

– Не могу, – сказал Денис. – Я не один.

– Разумеется, – брезгливо пробормотал Годунов, оглядываясь на девок. – Двигай на выход, садись в мою машину и жди. У нас нет времени. Через час я верну тебя на прежнее место. С твоими подругами я сам разберусь, а ты – бегом в машину!

И он хлопнул Дениса по шее, довольно сильно.

Через минуту удивленного дикаря уже везли куда-то на максимальной скорости; впрочем, под Куполом быстрая езда была, разумеется, просто невозможна. Старик вращал руль одной рукой, посматривал на старые свои наручные часы, молчал и отнюдь не выглядел стариком – это был юнец в полуразрушенном теле, долговязый седой мальчишка, нервный и точный в движениях.

– Девочки у тебя красивые, – ухмыльнулся он. – Только ты с ними поаккуратнее. Могут обратно не отпустить.

– Я, может, и сам не уеду.

– Все так говорят, – сказал Годунов. – В первый день. А через неделю – бегут, ажно пятки сверкают.

– Почему?

– Сам поймешь, – буркнул старик. – Все, приехали.

Он остановил машину в узком безлюдном переулке и опять посмотрел на часы. Поднял выцветшие глаза на молотобойца и прижал палец к губам.

Прошло несколько минут.

– Можно, – наконец тихо произнес Годунов и заговорил быстро, отрывисто, на пределе слышимости:

– Слушай и не перебивай. Весь город прослушивается, просматривается и сканируется. Поэтому его и называют «Пип-Сити». Аппаратура сложная, и часть системы ежедневно отключают, чтобы протестировать. Провести регламентные работы. Расписание регламентов – государственная тайна. Но у всех кому надо оно есть. У меня тоже есть. Думаешь, я зря про злодея Суховлагина книгу пишу? Этот район – два переулка и перекресток – сейчас на регламенте, его не будут прослушивать еще девять минут. Понял?

– Да.

– Теперь говори, зачем приехал. Только быстро и коротко.

Денис набрал полную грудь воздуха.

– Мой друг, – сказал он, – нашел семя стебля.

– Хо! – произнес Годунов, стремительно возбуждись. – В Старой Москве?

– Да.

– Так. А я тут при чем?

– Мой друг не знает, что с ним делать.

Старый Гарри сжал кулаки.

– А твой друг... он уверен, что нашел именно семя стебля? Как оно выглядит?

– Это оно, – сказал Денис. – Я держал его в руках. Можете не сомневаться. Оно

одновременно и мертвое, и живое... В любом случае это аномальный предмет. Может быть, неземной.

– Черное яйцо размером с голову ребенка?

– Да. Но оно меняет цвет...

– Не важно, – перебил Годунов. – Тяжелое?

– Очень тяжелое.

Старик кивнул.

– Есть какая-то защитная упаковка? Ящик? Мешок? Или оно просто где-то валялось?

– Не валялось. Оно было в особом контейнере... Оно и сейчас в контейнере. Там автономная система контроля температуры и влажности...

– Ага. И что ты хочешь от меня?

– Совета. Помощи. Он не хочет сдавать его властям.

– Кто?

– Глеб. Ну... тот парень, который нашел. Мой друг.

– Кто еще знает?

– Он и я. Был еще третий, Глеб послал его узнать, можно ли получить официальную премию... В Интернете написано, что нашедшему зародыш дают премию... Но того парня убили. Сразу.

– Суки, – проскрипел Годунов. – А твой друг, значит, хочет денег?

– Если получится.

– Не получится, – ответил Годунов.

– Значит, отдаст бесплатно. Но только надежным людям.

– А зачем ему именно надежные люди?

– Затем, что мы не хотим, чтобы трава опять выросла.

– Хо! Понятно. Благородные мальчики из нищей Европы...

– Мы не мальчики.

– Ладно, ладно, – отмахнулся старик. – Не мальчики. Надеюсь, вы знаете, что зародыш начинает развиваться при контакте с водой?

– Знаем. Но вы, по-моему, знаете больше, чем мы.

– Кое-что. Правда, я его видел только один раз. Не ваше. Другое.

– Значит, их несколько?

Годунов вздохнул.

– Никто не знает, сколько их. Одно лежит в личном сейфе министра обороны. Еще одно – в Институте новейших проблем физиологии и генетики. Там, где гомо флорусов изучают. Ходят слухи, что недавно китайцы тоже заполучили семечко. То ли кто-то им продал, то ли сами клонировали. Ну и наверняка в частных руках тоже находятся зародыши, сколько – черт его знает...

– Значит, – твердо произнес Денис, – надо сдать наш зародыш в этот институт. Или лично министру обороны. Если не получится – помогите нам его уничтожить.

– А вы пробовали?

– Ну... Разбить его нельзя, это я знаю.

– Больше не пытайся.

– Я вообще к нему подходить не хочу. Оно... живое. Оно излучает энергию. Оно хочет, чтобы его бросили в землю и полили водой.

– А ты не хочешь.

– Конечно нет! – зло произнес Денис. – У меня отец погиб из-за этого и мать больна. Ей нужны лекарства! По три таблетки цереброна каждый день! У нас в Москве никто не хочет, чтобы вернулись старые времена. Зря мы, что ли, башни ломали?

– Ошибаешься, пацанчик, – горько сказал Годунов. – Есть много таких, кто хочет. Мечтает. Спит и видит... Даже я. Иногда.

– Странно, – сказал Денис. – Я думал, вы ненавидите старые времена.

– Сынок, – печально ответил Годунов, – я вообще не умею ненавидеть. Но это не

важно. – Он громко засопел и посмотрел на часы. – Я все понял. И про семя, и про тебя, и про ситуацию. А теперь давай отваливать отсюда. Что-то мне рожа вон в том окне не нравится...

Денис огляделся, но не увидел ничего подозрительного.

– И... что? – спросил он. – У вас есть такие люди? Стопроцентно надежные? Те, кому можно верить?

– Есть, – ответил Годунов. – Я что, по-твоему, зря жизнь прожил?

Глава 3

Вернувшись в бар, Денис обнаружил, что коллектив поредел. Блондинка и загорелая исчезли. Кроме того, изменилась атмосфера: тощая была пьяна, а Полина не только пьяна, но и раздосадована.

– Ты нас бросил, – капризно протянула она. – Это ваши европейские штучки, да?

– Да, – ответил молотобоец. – Ничего не поделаешь.

Он подумал, как ему сесть – рядом с Полиной или напротив; устроился напротив. Час назад она едва не полезла ему в штаны, при всех, но с тех пор минул целый час, дама могла и перегореть; мы эти штуки знаем. Вон, губы дует, в сторону смотрит. Лучше восстановить прежнюю дистанцию.

– Этот страшный старик – твой папа? – спросила тощая.

Ее голос шуршал, как старая газета.

– Друг папы, – ответил Денис. – А почему «страшный»?

Диваны были огромны, и тощая, скинув туфли, устроилась горизонтально. Молотобоец вздрогнул: стол сам собой опустился на полметра ниже. Чтоб, значит, возлежащим вокруг него сподручнее было тягать харчи с тарелок.

– У него жуткие глаза, – сказала тощая. – В жизни не видела такого мутного человека.

– Он писатель, – сказал Денис. – Писатели все мутные.

– А твой папа – тоже писатель?

– Мой папа был журналистом. Но я его совсем не помню.

Полина тоже легла, подперла щеку кулачком, смотрела вполглаза, но заинтересованно. Негромко спросила:

– А кого он убил?

– Человека, – сказал Денис.

– За что?

– Он спасал маму. И меня.

Тощая помолчала и произнесла задумчиво:

– Твой папа человека убил. Друг твоего папы в тюрьме сидел. У него черная метка, у тебя – красная. Наверное, для тебя мы все – оранжерейные создания. У вас в Европе – трудности, опасности... Настоящая жизнь. А у нас – скука и комфорт. Ты счастливый человек, Денис. Расскажи нам что-нибудь. Только без шуток.

– Он слишком суровый, – сказала Полина, глядя в бокал с шампанским. – Он ничего не расскажет.

– Расскажу, – возразил Денис, улыбнувшись. – Спрашивайте. Только никаких опасностей у нас нет. И трудностей тоже. Опасно было в первые годы после искоренения, но те времена я не помню. А теперь жизнь наладилась.

Тощая вытянула ноги: жилистые, но длинные и стройные.

– Разве это налаженная жизнь, – спросила она, – если у вас там сугробы на улицах, сплошная экономия и нехватка продуктов?

Денис тоже захотел лечь, но засомневался, достаточно ли элегантно это будет выглядеть, и решил повременить. Улыбнулся.

– Бред. Кто вам сказал про нехватку продуктов? Сугробы есть, да. Но мы их убираем.

– Сами, что ли?

– Конечно. А как еще? Это же наши сугробы. Наш снег падает с нашего неба на нашу землю, кто его будет чистить? Утром вышел на полчаса, лопату взял – и вперед...

– А экономия?

– У нас, – сказал Денис, – нет такого слова. Есть «экономика», ее с первого класса преподают. Каждый ребенок знает, что «экономика» – от слова «экономить». То есть беречь.

Тощая хмыкнула:

– И что вы там бережете?

Молотобоец вспомнил, как в третьем классе на уроке сбережения проткнул себе палец шилом, насквозь. Учился подшивать валенки. Почти все мальчишки поранились, даже Модест. И все смотрели – кто искоса, кто не стесняясь, – какого цвета кровь у зеленого мальчика Модеста. Даже учитель смотрел. Оказалось – обычная, красная. Как у людей.

– Что бережем? – спросил Денис. – Все бережем. В первую очередь – друг друга. Сначала – сбережение человека. Потом – сбережение энергии, то есть электричества, тепла и еды. Потом – сбережение земли, то есть охрана природы и контроль за производством отходов... А разве у вас не так?

Полина и тощая одинаково улыбнулись.

– Мы же азиатки, Денис, – сказала Полина. – Тут не Европа.

– Да, – кивнула тощая. – Тебе надо это понять, милый дикарь. Тут все по-другому. Вы бережете то, чего у вас нет. Потому что вам деваться некуда. А мы – сибиряки, хозяева ресурсов, мы пребываем в центре мира. Нас учат, что мы – избранные и нам весь мир должен. Вы там, у себя в Европе, контролируете отходы и расходы, – а мы контролируем все. Редкоземельные металлы. Воду. Древесину. Пушкину. Мы не думаем про отходы, у нас их японцы покупают. Потому что им тоже деваться некуда...

– Нас учили по разным учебникам, – добавила умная Полина.

– Странно, – пробормотал молотобоец. – Страна – одна, а учебники – разные.

– Ничего удивительного. В Европе один уклад, в Азии – другой. Вас учат получать и сберегать, а нас – хранить и распределять.

– Нас учат не так, – возразил Денис. – Мы живем в Москве, она – вечная. Москва – Третий Рим, а четвертому не быть. Так нас учат. А тут – временная новая столица. Когда-нибудь страна опять расцветет, от Белого моря до Черного. И обе столицы воссоединятся. Нас учат, что Новая Москва – место, где работает администрация. И все. Новая Москва – это офис, так нас учат. Офис! Знаете, над вами у нас смеются. Потому что мы живем дома, а вы – в офисе.

– Очень смешно, – презрительно сказала тощая.

Полина вздохнула, посмотрела на молотобойца и потянулась.

– Давайте уединимся, – предложила она. – Надоело сидеть у всех на виду. Ты не против, Денис?

Пока молотобоец раздумывал над ответом, сверху скользнула прозрачная перегородка – и отделила их от остального зала.

– Снимай рубашку, – сказала Полина. – Иди ко мне. Если хочешь.

– Хочу, – ответил Денис и посмотрел на тощую. – Но мы... нас...

– Я тоже хочу, – лениво сказала тощая. – Тебе понравится. Не бойся, снаружи нас не видно.

Полина придвинулась.

– Наконец-то я попробую семя дикаря, – произнесла она, блестя глазами. – Говорят, оно сладкое.

– Кто так говорит? – осведомилась тощая.

У нее была прохладная кожа, плечи в мелких родинках.

– Девчонки.

– Врут твои девчонки. Где они пробовали семя настоящего молодого дикаря? У дикарей нет денег, чтобы приезжать в под Купол. Ты записываешь?

– Естественно.

– Стойте, – сказал Денис. – В каком смысле?

– На память, – слабым голосом объяснила Полина. – Я вживлю тебе копию... И вообще, расслабься... Мне раздеться или как?

– Ну... Да, разденься.

– Туфли снимать?

«Семя, – подумал Денис. – Сейчас я тебе устрою семя. Прогдегустировать желаешь, да? Сладкого хочешь. Давай, дегустируй. На. Пробуй. Что скажешь? Сладко? А так? А так? Разумеется, ты не за мной бегала, а за сладким дикарским семенем. Впрочем, я с самого начала подозревал нечто подобное. Теперь идите обе сюда. Ты – справа, ты – слева. И активнее, дамы, активнее! Слаще, еще слаще. Или вот еще вариант – как вам? Вижу, совсем сладко. Молодцы. Это вам не бескорыстная дружба с китайцами. Это вам не картиночками обмениваться, из головы в голову. Всякое семя да упадет в почву. Но учтите: есть семена, которые не нам сеять. Тот миллионер из валютного кабака, тот жирный говноед, приславший вертолет за моей Таней и забравший у меня мою Таню, – он не все сказал. Он главного не сказал. Кроме семени и почвы нужен еще сеятель. От него все зависит».

Всегда есть какое-то семя. У стебля – свое, у дикаря – свое. Всегда есть какая-то почва, в Европе – одна, в Азии – другая. И в новой столице, и в старой. И на Луне, и на Марсе. Все решает сеятель. Швырнуть в борозду или не швырнуть, полить водой или оставить как есть.

Таня хотела семя Глеба. Глеб хотел семя стебля. Полина хотела семя дикаря. Дикарь хотел, чтоб его семя хотела не Полина, а Таня. Все чего-то хотят, каждый в поиске. Один ищет почвы для семени, другой – семени для почвы.

– Нет, – разочарованно сказала Полина, отдышавшись. – Не сладкое.

– А мне понравилось, – с энтузиазмом возразила тощая. – Не такое, как у наших.

«Надо спросить, как ее зовут, – подумал Денис. – А то получится не слишком по-джентльменски».

Полина облизала губы:

– Все равно – не сладкое.

– Но хорошая гамма.

– Да. Мягкое.

– Немного кислое. Но полнотелое.

– И выдержанное, – добавила Полина и погладила Дениса по щеке. – У тебя давно не было женщины, да?

– Не важно, – ответил Денис. – Вы рассказывайте, рассказывайте. Мне интересно.

– Не слушай нас, – деловито сказала Полина. – Мы о своем.

Тощая задумалась.

– Я бы повторила, – заметила она. – Но не сейчас. Попозже.

– Еще чего, – ревниво возразила Полина. – Может, ты еще расписание регламентов хочешь? Мы договаривались, что я один раз поделюсь. Ради старой дружбы.

– Ладно тебе. Нашего дикаря на пятерых хватит. Кстати, как тебе послевкусие?

– Вообще, я ожидала большего.

– Вот; я же говорю, надо повторить. Очень оригинальная гамма.

– Потому что плотность большая. А так – по-моему, ничего особенного... – Полина деловито привела себя в порядок; в стене, доселе незаметная, открылась ниша, где лежали полотенца, салфетки, тюбики, баночки и прочие емкости для хранения разнообразных гигиенических снадобий. – Денис, а что ты ел на обед?

– Ничего, – сказал Денис. – В самолете кормили, но... Я в первый раз летел, и... ну, желудок...

– Вот, – сказала тощая. – Он ничего не ел, поэтому такой вкус.

Полина пожала плечами:

– Короче говоря, я просто не распробовала. Надо повторить.

– Пусть он отдохнет. И поест.

– Сначала я пройдуся, – сказал Денис.

– Старый европейский фокус, – усмехнулась Полина.

– Я быстро. Пять минут.

Перегородка поехала вверх. Молотобоец зашагал к выходу. В голове вертелась одна-единственная мысль, странная и забавная.

Меня только что выебали.

Улица не освежила его. словно бы вышел из меньшего помещения в большее. Не ударил в лицо прохладный ветер, и воздух не стал более колючим или крепким. купол из «шанхайского одеяла» сам поддерживал идеальный микроклимат, наилучшую температуру, влажность и давление. В Старой Москве о волшебном куполе говорят с придыханием, и каждый с детства мечтает посмотреть на главное сибирское чудо. Денис Герц тоже мечтал, и вот (он задрал голову к фиолетовому небу) – мечты сбылись. Приехал, посмотрел. А потом его выебали.

Людей вечером не стало ни больше, ни меньше. Те же темные очки, то же сочетание яркого и блестящего с мятым и заношенным – как будто одна и та же большая группа граждан ходила кругами взад и вперед. Шуршали электромобили.

Он постоял, поразмышлял. Честно и прямо спросил себя, чего сейчас хочет. Вернуться и предоставить для дегустации еще одну порцию семени или послать к черту обеих сучек, уехать к Годунову и лечь спать. Выбрал первое. Пусть дегустируют, жалко, что ли? Конечно, они меня используют – но я не против. Гладкие молодые бабы, великолепно подготовленные технически. Тощая – как ее имя? – вообще игрок высшей лиги, а ведь сразу не скажешь... Сигарету бы выкурить, но в этом городе деловитых блядей и неярких, но приятных цветов, судя по всему, курение не приветствуется...

Потом его окликнули. Негромко, вежливо, по имени-отчеству.

Подошедший субъект был щупл и напряжен.

– Меня зовут Александр, – произнес он и осторожно улыбнулся.

Денис кивнул. Субъект понизил голос:

– Я друг господина Годунова. Мы готовы поговорить с вами по вашему вопросу.

Он меньше всего походил на друга господина Годунова. И вообще на чьего-либо друга. Он мелко дрожал, и взгляд его бегал, и туфли были готовы развалиться, и шея дурно выбрита. «Если это „стопроцентно надежный человек“, то дело плохо», – подумал Денис и враждебно спросил:

– А где сам Годунов?

– Он нас ждет, – веско ответил щуплый и воровато оглянулся.

– Где?

– Поедьте со мной. Тут недалеко. Только не говорите о деле, пока мы не окажемся на месте.

Денис кивнул. Если что – сразу шею сверну, решил он.

Щуплый проводил его к машине. Машина была как бы неодушевленной, из пластика и металла, копией щуплого: такая же невзрачная, маленькая; Денису даже показалось, что она точно так же мелко, болезненно вибрирует.

За рулем сидел второй: жиденькие волосенки, плотно сжатые губы, физиономия вдохновенного рукоблуда.

Щуплый сел рядом с Денисом, захлопнул дверь и опять улыбнулся.

– Тут совсем недалеко, – повторил он, похабно подмигнул и сунул руку в карман.

В следующий момент Денис потерял сознание.

Глава 4

– Сосной топить – грех, – сказала мама. – Кто ж сосной топит?

– А чем надо топить? – спросил Денис.

– Березой. Сосна – дерево легкое, мягкое. А береза – твердая, плотная. Тепла от нее больше.

От печки шел жар, и верхняя поверхность железного ящика понемногу начинала менять цвет. Денис знал, что сначала на буром металле появится небольшое пятно темно-фиолетового цвета, потом оно увеличится в размерах, фиолетовое отодвинется к краям, а в центре пятно станет малиновым, и тогда мама перестанет подкладывать поленья, коротко пошурует в топке кривой кочергой и поставит на печку алюминиевый чайник.

С точки зрения Дениса, тепла было достаточно и от сосны. Он не замечал, чтобы березовые дрова давали больше жара. Пахли – да, совсем иначе. Но ему больше нравился запах сосновых дров, а не березовых. Особенно если сырые поленья положить для просушки рядом с печкой: когда коричневая кора нагреется, из ее морщин выступит темно-янтарная смола и по комнате поплывет густой сладкий запах. Если испачкать в смоле руки, их потом два дня нельзя отмыть, а испачкать легко, смола – липкая. В классе почти у всех мальчишек руки в смоле, потому что во многих квартирах этой зимой топят самодельные железные печки. Холодно, а батареи не греют. На восьмом этаже еще греют, на девятом – едва теплые, а Денис с мамой живут на двенадцатом.

– А почему береза твердая, а сосна мягкая? – спросил Денис.

– Так устроила природа, – ответила мама, наливая воду в чайник.

– Я понимаю, что природа. А почему?

– Потому что в природе все должно быть разное. Одно дерево твердое, другое – мягкое. Одно – высокое, другое – низкое. Есть маленькие цветочки, а есть огромные баобабы. И в животном мире так же. И у людей. Должно быть многообразие. Представь себе, что вокруг тебя – все такие же, как ты. Допустим, ты приходишь в школу, открываешь дверь класса и видишь – сидят одни мальчики, рост – как у тебя, и лицо – как у тебя, и каждого зовут Денис Герц...

Денис весело рассмеялся:

– Наоборот, это будет здорово! Все как один – лучшие друзья.

– Нет, – сказала мама. – О чем ты будешь говорить с такими друзьями? У всех одинаковые вкусы, одинаковые интересы – через час тебе надоест общаться с ними, а им – с тобой. Тебе захочется поспорить, а спорить будет не о чем. Ты скажешь: «Небо голубое», – все кивнут. Ты скажешь: «Сахар – сладкий», – все опять кивнут. Ты станешь молчаливым и ленивым. Ты не научишься отстаивать свою правоту и вырастешь слабаком.

– Я не слабак, – возразил Денис. – Если хочешь знать, я самый сильный в классе.

– Вот и хорошо. Ты сильный, другой – слабый, это и есть многообразие. Сосна – мягкая, береза – твердая. Понял?

– Да, – сказал Денис. – А люди?

Вода в чайнике зашумела.

– Что «люди»?

– Люди тоже бывают твердые и мягкие?

– Конечно, – сказала мама. – Есть очень твердые, есть очень мягкие. Есть снаружи твердые, а внутри мягкие. А есть – наоборот. Твой папа, например, снаружи был очень мягкий, а внутри – очень-очень твердый. Никто не знал, что он внутри твердый.

– А ты?

– Я тоже не сразу понял.

Когда крышка чайника задребезжала, мама плеснула в чашки немного кипятка, чтобы нагреть их. Однажды утром в начале зимы Денис налил крутого кипятка в остывшую за ночь чашку, и она лопнула. Пришлось нести ее в школу, на урок сбережения, и склеивать специальным клеем. Денису поставили «четыре». Из всего класса только Модесту поставили «пять»: Модест принес кувшин, разбитый на множество разных кусков, и склеивал его восемь уроков подряд, и почти склеил; не хватило одного маленького кусочка сбоку. Модест очень расстроился, а потом учитель заделал дырку специальной смолой и налил воду, а весь класс смотрел – протекает или нет. Не протекло.

– Твой папа работал в журнале, – сказала мама. – Вместе со мной. Начальник журнала был старый человек и однажды захотел уйти. На покой. А главным в журнале назначил

твоего папу. Папа отказывался. Потому что тогда он сам не знал, что он – только снаружи мягкий, а внутри – твердый... Но в журнале был еще один человек, который очень хотел быть главным. Вместо папы. Тот человек снаружи был очень твердый, и все думали, что главным будет он, а не твой папа. Даже я так думала. Но начальник журнала понимал, что твой папа только снаружи мягкий, а внутри – твердый, и он уговорил твоего папу стать главным.

– А тот человек? – спросил Денис. – Он, значит, был снаружи твердый, а внутри – мягкий?

– Нет, – ответила мама. – Тот человек внутри был не мягкий и не твердый. Он был никакой. Ничего у него не было внутри.

– А разве так бывает?

– Бывает.

– И что с ним стало? С тем человеком?

– Он обиделся и ушел из журнала.

– Куда?

Мама разлила по чашкам воду:

– Не знаю. Садись, пей.

– А можно я возле печки посижу?

– Нет. Садись за стол.

Денис подчинился.

– А ты? – спросил он. – Ты мягкая или твердая?

– Я женщина, – ответила мама. – У женщин все по-другому. Захочу – буду мягкая, захочу – твердая. Понял?

– Нет.

– Ну, эти вещи я тебе потом объясню. Лет через пять.

Денис подул на чай. Если мама не хочет что-то говорить – значит, надо сменить тему.

– Директор школы сказал, что это последняя холодная зима, – сообщил он. – На следующий год тепло дадут на все этажи, с первого до двадцатого. И тепло будет, и электричество. И канализация будет работать. Директор сказал, что печки надо будет сдавать. Их разрежут на куски и сделают что-нибудь полезное.

– Правильно, – сказала мама. – Чего добру пропадать?

– Давай не будем отдавать нашу печку, – попросил Денис, пробуя чай губами. – С печкой уютно. Можно посидеть, поговорить. На огонь посмотреть. Чаю попить.

Мама вдруг поднесла указательный палец к переносице и отвернулась.

– Ты чего? – спросил Денис.

– Ничего. Дым в глаза попал.

Глава 5

– ...Сосной топить – грех. Азиаты вы, азиаты. Кто ж сосной топит?

– А чем топить?

Влажный глубокий кашель. Скрипучий голос. Тон – властный, но благожелательный.

– Березой! Сосна – дерево легкое, мягкое. Прогорает быстро, тепла дает мало. А береза тяжелая, плотная. От нее самый жар.

– Прости, отец. Чего растет – тем и топим.

– Ладно. Ступай себе.

– Он шевелится, отец! Может, мне тут побыть?

– Ступай, говорю.

Денис разлепил веки. Из вязкой полутьмы выступил некто седовласый, одетый по зимней московской моде: грубый свитер под пиджак и валенки.

Кашлянул, наклонился к Денису, посмотрел:

– Как себя чувствуешь?

Денис поднял голову. Запах горящего дерева был приятен, – невыносимо захотелось назад, в забытье, к маме, на скамеечку рядом с железной печкой.

Человек в валенках отступил назад.

– Приношу извинения за инцидент, – сказал он. – Дело такое... Опасное. Пришлось тебя отключить, при помощи хитрой техники... Пить хочешь? Или сигаретину?

Мама и железная печка остались в детстве.

Голые ступни гладил ледяной сквозняк. Денис хотел пошевелиться – и обнаружил, что привязан к деревянному креслу. Руки, ноги, и даже поперек груди, толстой конопляной веревкой – такая продается в магазине сети «Все свое» под названием «шнур бельевой». Слабая лампа цедила жидкий свет на бревенчатые стены и щелястый пол. Углы комнаты и потолок терялись во тьме, только светилась по контуру печная дверца, метрах в десяти от Дениса. «Изба, – подумал он, – и большая, я таких не видел даже у фермеров».

Лицо человека в валенках оставалось в тени.

– Все, что сделано, – скрипучим голосом сказал он, – сделано ради твоей безопасности, мальчик. Мы освободим тебя, как только убедимся, что ты не провокатор.

Денис прохрипел:

– Где Гарри Годунов?

– Уже едет. Будет буквально с минуты на минуту. Но пока его нет, я задам несколько вопросов. Чтоб сразу понять, кто ты и что ты...

– Без Годунова я ничего не скажу.

Человек в валенках опять кашлянул и выступил из темноты. Легко, одной рукой, передвинул массивный табурет, поставил напротив Дениса, сел. Улыбнулся, сыграв мохнатыми седыми бровями: некрасивое, но твердое, даже надменное лицо, низкий выпуклый лоб открыт, по бокам его длинные изжелта-белые пряди неряшливо свисают на уши.

– Значит, ты начнешь говорить, только когда приедет Гарри Годунов?

– Да, – решительно ответил Денис и напрягся, проверяя крепость «шнура бельевого».

– А о чем? – вкрадчиво спросил человек. – Какой такой секрет у тебя есть, если ты без Годунова говорить не желаешь?

«Хитрый, сука», – подумал Денис и не ответил.

– Врать не умеешь, – с одобрением произнес человек в валенках, наклонился вперед и слабой ладонью ударил Дениса по плечу. – Как и я. Предлагаю вот что: я не буду врать тебе, а ты – мне. Так мы быстрее сговоримся. Согласен?

– Допустим, – сказал Денис.

– Ты знаешь, кто я?

– Нет.

Человек вздохнул и устроился на табурете, как на троне. Руки положил на бедра.

– Годунов не приедет, – объявил он. – Годунов вообще не знает, где ты. Никто не знает. Только я и еще трое, из ближней братии... Дело деликатное, и притом – грех большой... И мы его на четверых разделили. Прочие не отягощены. – Он на мгновение прикрыл глаза и сделал паузу. – Теперь о деле. Так вышло, Денис, что мы все про тебя знаем. Ты и твой друг нашли в Москве особенный предмет... И у вас есть желание отдать этот предмет... надежным людям... в надежные руки.

Денис молчал. Думал, как оторвать локти вместе с подлокотниками кресла.

– Смотри, – произнес человек и протянул к нему ладони. – Видишь?

Денис посмотрел. Ничего не сказал. Руки были старые и темные.

– Это самые надежные руки в целом мире, мальчик. Ищи хоть всю жизнь – не найдешь надежнее. Вы с товарищем нашли семя стебля и не знаете, что с ним делать. А я – знаю. Я для этого родился. Сорок лет назад я рукоположен в предстоятели святой равноапостольной церкви стебля господнего. С тех пор служу своему делу сорок лет и, даст бог, умру в служении, а ношу мою понесет другой, а за ним – третий, и так из века в век. Веришь мне?

Денис молчал. Человек в валенках сделался суров и ткнул пальцем в грудь Дениса.

– Вы нашли овальный предмет, очень тяжелый... Меняющий цвет при разных типах освещения. Он то серый, то зеленый. Поперек – вмятина, или царапина. Предмет заключен в двойной защитный контейнер. Внутри контейнера автоматически поддерживается минимальная влажность воздуха. Предмет живет своей жизнью... Иногда он – как древний камень, а то вдруг вибрирует или как бы трепещет. От предмета исходит ток. Смотреть на него трудно, возникают необычные ощущения, можно слышать странные звуки, улавливать запахи... И вообще, рядом с ним тяжело. Возникает беспокойство, головная боль, раздражительность... Я прав?

Денис молчал.

– Я процитирую, – невозмутимо продолжил глава церкви стебля господнего. – Дословно. Согласись, мальчик, глупо подбирать слова, когда они уже подобраны и расставлены в наилучшем порядке... Сказано так (он наклонился к Денису): «Есть нечто, мать стебля и отец его, альфа и омега, начало и конец. Упокоено во прахе, от века и до века, и само есть тайна тайн. Оно ни живо, ни мертво, ибо спит, и сон его глубок. И горе тому, кто потревожит сон его. Увидевший его да повернется спиной и бежит три дня и три ночи, ибо не для всякого глаза его вид, но для избранного. Оно от мира сего, но не для всякого дня мира сего. В особенный день особенная рука разбудит спящее, и верх станет низом, север – югом, холодное – горячим. Убогий станет царем царей. Последние станут первыми, голодный напичкает себя и детей своих, а сытый помутится рассудком. Кто ничего не хотел, тот получит весь мир, а кто хотел весь мир – обретет лишь прах под ногами и лучи желтой звезды над головой...»

Человек в валенках закашлялся и перевел дух.

– Что скажешь?

– Ничего, – ответил Денис.

– Назови место, адрес. Где оно спрятано. Я позвоню в Москву, и через два часа ты вернешься к прежним занятиям. Мозги тебе проветрим, память сотрем, и все у тебя будет, как раньше. Если хочешь, заплатим. И тебе, и твоему другу. Из средств общины. Только это не поможет ни тебе, ни твоему другу...

– В каком смысле? – зло спросил Денис.

Предстоятель засопел и ответил:

– Если хотите жить – отдайте семя... и бегите.

– Три дня и три ночи?

– Да, – проскрежетал предстоятель. – Три дня и три ночи. Так сказано. И еще сказано так: кто обменяет семя божье на сало диавола, тот будет проклят.

– Сало диавола – это круто, – сказал Денис. – А что вы с ним сделаете? С семенем?

– Не твое дело.

– Послушайте, – сказал Денис, опять напрягая мышцы. – Только без обид, ага? Ваши священные откровения сочинил обычный человек. Писатель Гарри Годунов. Он сам рассказывал. Так что не надо мне тут... Про убогих и желтую звезду. Я ищу не религиозных фанатиков, а современных людей, желательно – ученых. Специалистов по данному вопросу. А вы... Храм стебля... Упокоено во прахе... Тайна тайн... Не хочу типа показаться грубым, но вы мне не нужны. Я думаю, если это действительно семя стебля – значит, пусть его изучат, а потом сожгут. В муфельной печи. И распишутся: сего числа официально уничтожено и пепел развеян... Вот так должно быть.

Глава церкви стебля усмехнулся.

– Ясно. Больше я вам, буржуинам, ничего не скажу, а самим вам, проклятым, вовек не догадаться.

– Что?

Предстоятель вздохнул:

– Это, мальчик, я цитирую другую священную книгу. Кстати, ее тоже написал не какой-то демиург, а обычный мужчина, из плоти и крови... Такой же беллетрист, как Гарри Годунов. Может, даже похуже. Написал, видишь ли, обычную книгу, а получилась –

священная. И двести пятьдесят миллионов человек на протяжении полувека читали ее и многожды перечитывали... Потом веру их объявили ересью, и книга утратила статус священной. Только поздно было, не все согласились. Нельзя просто так отобрать у человека веру, это дело опасное... – Предстоятель ссутулился; его явно мучила одышка. – Запомни, мальчик: неподкупен и честен только тот, кто верит. Как ты собираешься искать неподкупных и честных? Ты – юн! Любой взрослый проходимец обведет тебя вокруг пальца! Говорю так, ибо сам я – тоже проходимец. Бывший. И грехи мои неотмолимы, пусть и сорок лет прошло...

– Развяжите меня.

– Развяжем, – спокойно ответил предстоятель. – Все равно отсюда бежать некуда. До Купола – сто семьдесят километров по тайге, а ты городской парень. Не дойдешь.

– Надо будет – дойду, – произнес Денис. – Все равно у нас с вами ничего не получится.

– Я постараюсь, чтобы получилось, – глухим голосом ответил предстоятель. – Наша церковь сильна и богата, и ты в этом убедишься. Ты увидишь, что место семени стебля – в нашем храме. Я тебе больше скажу: ты примешь нашу веру.

Денис кивнул.

– Ага. Извиняюсь за вопрос, а вы всегда привязываете людей к стульям, перед тем как в свою веру обратить?

– Никто тебя не будет обращать, – с большим достоинством сказал предстоятель. – Сам попросишься. И Глеба своего приведешь. И мать свою. И семя сам принесешь. И тем попадешь в анналы, прославишь свое имя, вступишь в историю. Люди будут целовать края твоих одежд и кланяться, увидев твоих детей и внуков.

– Круто, – сказал Денис. – Пожалуй, я подумаю. Искушайте дальше.

– Замолчи! – стенобитным басом грянул предстоятель. – Ты не знаешь, с кем говоришь! По первому моему слову, – он задохнулся, потряс кулаками, – тебя растерзают! Ты неразумное дитя, глупец, ты норовишь забивать гвозди микроскопом! Только в одной нашей общине, северо-восточной, двадцать три доктора наук и пять профессоров! Куда ты понесешь семя? В институт новейших проблем? Почти половина сотрудников института – мои послушники! Опомнись! Назови адрес и через два часа будешь опять сидеть в ресторане, с подружками! Не хочешь себе великой планиды – бери деньги! Бог простит меня за это! Или – приди к нам, стань нашим братом и получи жизнь вечную! Друзей, единомышленников, цель, силы – все у нас найдешь!

Приступ кашля скрутил предстоятеля. Из распахнувшейся двери выбежали двое в зеленом, бережно подхватили седовласого патриарха под локти, вывели из комнаты.

Оставшись один, Денис немедленно рванулся, но путы вязали со знанием дела. Само кресло оказалось привинчено к полу и даже не заскрипело. Спустя минуту один из двоих – Денис его помнил, в момент похищения он сидел за рулем – вернулся, ступая практически бесшумно. Сейчас малый из «ближней братии» не выглядел худосочным мужичонкой с интимными проблемами: в глазах плескался чистый гнев, играли желваки, рукава зеленой рясы были засучены, открывая жилистые руки.

– Отец болен, – медленно сказал он. – Мы бережем его здоровье. Наша вера не допускает насилия, но... Мы знаем естественные способы воздействия... В исключительных случаях...

Он подшагнул, взял Дениса за волосы и прошептал:

– Ты умрешь в страшных муках. А перед смертью расскажешь все, что надо. И даже то, что не надо. Это я тебе обещаю. Мы найдем, что ищем, с тобой или без тебя. Мы знаем, кто твой друг. Мы свяжемся с ним, и он сам придет. Думай пока.

Ближний брат проверил, туги ли веревки, и пошел прочь.

– Эй, – позвал Денис. – Я в туалет хочу!

– Под себя сходи, – не оборачиваясь, ответил ближний брат. У выхода из комнаты задержался, пошарил рукой по стене и выключил свет.

Теперь Денис видел только контуры печной дверцы. В печи гудело и шелкало.

«Дровишки сыроваты», – подумал плененный молотобоец и принялся вращать головой, кулаками и ступнями, чтобы кровь не застоялась. Он вспомнил, что совсем недавно сидел на мягком диване, пьяный и веселый, и слушал, как женщины обсуждают между собой вкус его собственного семени.

Потом свет опять включили. На этот раз явился ближний брат номер один. Денис сощурился, поджал застывшие пальцы ног и вспомнил, что на сломе в коммерческой артели с ним работал похожий человечек: узенький, белесый, все время мелко трясущийся в моменты возбуждения – конфликта или дележа заработанных денег; у человечка даже зубы звонко стучали, когда он нервничал; однако эта особенность поведения не мешала ему круто выпивать и хорошо стоять в драке. Если кто-то ведет себя странно, некрасиво и даже позорно, это ровным счетом ничего не значит. Сопливый, неопрятный, жалкий и нефотогеничный человек вдруг может в долг тебе дать. Или, допустим, в морду.

– Сейчас пойдем в туалет, – дружелюбно сказал щуплый. – Только ты, Денис, многого от нас не жди. Мы тебя жалеть не будем. У нас есть сканер, но он... слабоват. Чтобы считать информацию, нам надо утомить твой мозг, лишить его запасов глюкозы. На подготовку уйдет двое суток. Мы не будем давать тебе есть и спать, а когда ты ослабнешь – сразу просканируем. Где, что, как – все узнаем. Еще желательно, чтобы ты испытывал боль, потому что на блокировку болевого импульса уходит много нервной энергии...

– Слушай, – спросил Денис, – а фамилия Хоботов тебе ничего не говорит?

Щуплый подумал и спокойно ответил:

– Нет. Не припоминаю.

– Жаль.

– Тебе придется тяжело, Денис. Мы все равно получим ответы, так что лучше тебе не доводить до греха...

– Хуй тебе, – столь же дружелюбно ответил Денис. – Глеб не дурак, он на одном месте не сидит. Я не знаю, где он. Я не знаю, где зародыш. И телефона не знаю, – Глеб сам должен меня найти, в условный момент...

– Не важно, – спокойно произнес ближний брат номер один. – Твой Глеб где-то в Москве и прячется, надо думать, на верхних этажах какой-то башни. Мы найдем твоего Глеба, не переживай. Кстати, ты зря считаешь нас мракобесами. Я, например, инженер, у меня три профессии, жена, дети, свой дом под Куполом. Храм во всем меня поддерживает. И даже помогает с карьерой.

– И чему же молятся в вашем храме?

Ближний брат улыбнулся.

– Богу.

– А стебли при чем?

– Стебель есть проводник божьей воли. Прямая дорога от праха к желтой звезде. Если тебе интересно, можем поговорить. И про стебель, и про бога.

– Сначала посать надо, – сказал Денис. – А потом можно и про бога поговорить.

– Может, ты и прав, – усмехнулся брат. – Пойдем, свожу тебя в туалет, пять минут отдохнешь – и приступим.

– К чему?

– К болевому воздействию.

– Подожди, – попросил Денис. – Что значит «приступим»? Я, может, вам и так все скажу. Без всяких импульсов. И даже веру приму. Мне надо подумать.

– Нет, Денис, – ровным голосом возразил щуплый, ушел в темноту, зазвенел металлом и вернулся, волоча за собой массивную стальную цепь. – Не надо тебе думать. Ты нам ничего полезного не скажешь. И веру не примешь. Отец сказал, что ты упрям и самонадеян, и тебя бесполезно уговаривать. А отца не обманешь...

Щуплый проверил цепь на прочность. Звенья были тронуты ржавчиной.

– Ты, Денис, просто не понял, кто с тобой говорил. Отец – он... Он обратил триста человек. А каждый из тех трехсот обратил еще триста. Отец проповедует на шести языках.

Даже на языке глухонемых... Он написал пятнадцать томов комментариев к «Священной тетради»... Отец сказал, что ты неглупый, но упрямый, а это еще хуже. Еще он сказал, что ты будешь тянуть время. Ты надеешься, что тебя начнут искать. Ты будешь якобы думать, потом якобы дашь себя уговорить, потом якобы засомневаешься... В общем, не утруждай себя. Нас не так просто обмануть.

Ближний брат сковал руки Дениса, достал нож и перерезал веревки. Рвануться, мгновенно решил Денис, придушить, отобрать оружие, заставить открыть замки на браслетах... Но едва поднял руку – ее пронзила сильная боль, словно тысячи железных муравьев забегали под кожей.

– Не спеши, – хладнокровно рекомендовал брат. – Ты уже четыре часа как связан, затекло все... Шевелись понемногу и терпи, через десять минут легче станет. Ведро в углу. Советую и по-малому сходить, и по-большому, чтобы потом меньше напрягаться...

Глава 6

Он лежал на спине. Руки и ноги привязали к прямоугольной раме – четыре массивных деревянных бруса, потемневших от времени, сбитых встык и скрепленных стальными скобами. Вязали надежно, новеньким «шнуром бельевым», но на раме Денис увидел обмахрившиеся остатки старых, сгнивших уже веревок и подумал, что он явно не первый и не второй распинаемый. Земля была сырая и твердая; затылок и лопатки скоро онемели от холода. В ушах гудело, звук шел извне, басовое многоголосие, бесконечно длящаяся нота. Денис не видел источника звука, – справа от него был мощный деревянный забор, слева стена дома, сложенного из вековых бревен, наверху – бледное, в редких облаках небо.

– Будете поджаривать? – спросил он.

Не ответили. Один из братьев, проверяя узлы, перешагнул через пленника, и под грубой зеленой рясой обнаружили прозаические джинсы; вид помятых и не вполне свежих штанов вдруг напугал Дениса: с ним имели дело не какие-то уникальные безумцы, решившие совершить некое фантастическое действие, а обычные люди, и намерения их, судя по всему, были самые обычные.

«Убьют, – подумал Денис. – Хобота убили – и меня убьют».

– Взяли, – негромко скомандовал кто-то; раздались натужные выдохи, раму поставили вертикально, Денис сощурился и задохнулся от изумления: глазам открылась изумрудная даль под неярким солнцем, пологий распадок меж двух сопков, бесконечные волны шевелящихся ветвей. Вот, оказывается, откуда органнй звук, понял пленник, – так гудит под ветром тайга. Странно, ведь считается, что всю Сибирскую тайгу свели под корень китайцы, еще до искоренения, а она, оказывается, вот – жива, цела, безбрежна. Или не всю ее свели? Или никому не под силу свести ее всю?

А далеко впереди, почти у горизонта, из голубоватой дымки выступал Купол: пузырь, изнутри слабо подсвеченный молочно-белым. Оброненный богом и вдавленный в планету шарик для пинг-понга диаметром сто километров.

В стороне, низко над сопками деловито и мирно прогудел расцвеченный огнями летательный аппарат – новая группа дикарей прилетела из Европы, привезла местным блядам свое семя, для вдумчивых дегустаций.

Его понесли. Двор был обширен, хозяйство богатое. Два просторных сруба с широкими застекленными верандами, спутниковые антенны, повсюду столбы с камерами слежения и прожекторами, двустворчатые ворота, несколько мощных китайских вездеходов, все – сверкают чистотой, но один до крыши облеплен высохшей грязью; на нем меня привезли, подумал Денис и попытался запомнить номера машин, однако спустя несколько мгновений решил, что это глупо. Если он сможет сбежать, то найдет этот скит с номерами или без номеров. Найдёт сутулого предстоятеля и всю его ближнюю братию. И дальнюю. Всех найдет.

Его опять поставили, и он увидел перед собой ближнего брата номер один – того, кто

полчаса назад обещал страшные муки. Лицо его было бесстрастно, глаза полуприкрыты, в руках книга в массивном переплете с потемневшими, захватанными краями. Брат посмотрел на Дениса, затем резким движением накинул капюшон и опустил голову.

– Выйдет стебель из праха, юн и тверд, – тихо произнес он. – Устремится к лучам желтой звезды, снизу вверх, по прямой, не зная никакой помехи.

Подхватили другие голоса, забормотали хором:

– Не коснется того, что сделано для блага твари божьей, разумной и неразумной. Но пронизает любую препону на пути своем, с умыслом сотворенную, аки копье, ниже камень и броню, ниже плоть живую грешную.

– Всех не перевешаете! – крикнул Денис.

Его наклонили спиной вниз, осторожно опустили на мягкое и теплое – это была сетка, очевидно – металлическая, частая и туго натянутая, она прогнулась и закрипела, и Денис почувствовал себя вполне комфортно. Правда, в левую икру, в поясницу и в шею уперлись несколько иголок. Денис, как мог, сдвинулся в сторону, но ничего не добился, иголки были многочисленны.

– Зря вы, парни, – сказал Денис. – Я вас всех найду. И отца вашего. Я не зверь, как вы, я вас пытать не буду. Я с вами в футбол сыграю, на девяностом уровне. Там никаких препон нет, ни справа, ни слева. Посмотрим, как вы помолитесь, когда наши ребята пенальти будут бить!

Солнце било прямо в глаза. Сбоку кашлянули и провозгласили:

– Стих первый. «Сначала была нужда, и нужда была в Боге. И стал Бог, а нужды не стало. И стало Семя, и Семя было от Бога. И не было света, чтобы согреть его, и воды, чтобы напитать его. И некуда было ему падать, ибо не было ничего, кроме Бога. И умерло, никуда не упав, и стало прахом. И была скорбь Божия, и гнев, и веселье, и вспыхнул прах Семени его, от гнева и веселья, и стал свет горячий и прозрачный. И увидел Бог...»

– Слушай, – сказал Денис, – прекращай. Развяжи веревки. Я все понял. Считаю, что я с вами. Я попрошу Годунова – он вам продолжение напишет. Взрослые серьезные мужики, а занимаетесь хуйней...

Голос окреп:

– «...и увидел Бог, что некуда падать Семени его, ибо ничего нет, кроме света, и второй раз бросил семя в пустоту, и опять стал прах, и прах от праха, и был мертв, ибо не было жизни. И создал Бог жизнь из праха и света, ибо не было ничего, кроме праха и света, и назвал „вода“, что значит „жизнь“. И в третий раз бросил Семя, и упало во прах, и приняло жизнь от Бога, и стало живое. И сказал Бог: есть Бог, есть Семя его, есть прах семени его, есть свет от праха, есть жизнь из праха. Больше ничего нет и не будет. И стало так...»

– Алло! – крикнул Денис. – Брат! Позови старика, надо поговорить.

– Стих второй. «И было Семя от Бога, и упало во прах, и была вода, и свет прозрачный, и вырос Стебель, и путь его был из праха к свету, по прямой. И сказал Бог: вот дорога всего живого, от праха к свету, по прямой, снизу вверх, других дорог нет и не будет. И был Бог весел и счастлив, и удалился, ибо дело было сделано, и не стал Бог нужен быть, и стал повсюду и нигде. И был Стебель, и Стебель от Стебля, и так тысячу тысяч раз, из рода в род, и повсюду была жизнь и свет, и не знали никакой дороги, кроме как снизу вверх, от праха к свету по прямой. И свободно плодилась всякая тварь, и питалась от Стебля, и все лисы имели норы, а птицы небесные – гнезда, и было хорошо, и Бог был везде и нигде. И тысячу раз по тысяче лет прошло».

– Перекури, – сказал Денис. – Устал ведь. Иди чайку попей.

– Стих третий. «И стало много праха, теплого и жирного, и Стебля, и стало изобилие, избыток и тень. И вышел диавол, из жирного праха сгущенный, сын изобилия, дитя избытка и тени. И сказал: знаю другую дорогу, кроме прямой. И многие твари слушали его. И было великое сомнение. И родился из сомнения человек, и мысль его была быстра, а сердце жестоко. И приблизился к нему диавол, ибо где человек – там и диавол, а где диавол – там и человек. И спросил диавол человека: есть ли нужда в Боге? А человек сказал: нет нужды в

Боге, ибо все есть; а когда все есть, Бог не нужен. И сказал диавол: живи с этим. И указал тысячу тысяч дорог, кроме прямой, и пошел человек, и до сих пор идет. И угрыз диавол корни Стебля Божьего, и погубил, а Семя не угрыз, но оставил след зубов, ибо Семя от Бога, и угрызть его нельзя. И тогда спрятал Семя во прахе, и запутал следы, и сам забыл, где спрятал. Ибо диавол свои дела не помнит, а только чужие».

– Кстати, – прохрипел Денис, – это правда. Я кувалдой по нему пиздячил, плечо вывихнул, и ничего. И след зубов тоже есть...

– «И перестал расти Стебель, и сделался великий глад. И многие твари умерли, и люди. А другие люди искали пищи и не нашли, и тоже умерли, а третьи ослабли, а иные возлегли без сил и ждали чуда. А диавол торжествовал, и учил так: нет Бога, нет Семени его, и нет Стебля из Семени, и нечем вам питать себя и потомство. Так учил диавол, и как сам был рожден из праха жирного, и сам в жире, отрезал от себя жирное сало, и дал, и сказал: вот пища, моя и от меня, насыщайтесь или умрите, ибо люблю вас более Бога. Еще так учил: нет с вами Бога, а я есть, и всегда буду с вами, ибо Бог без вас может, а я не могу. И дано вам от Бога только Семя его, а от меня – часть меня; любите меня и насыщайтесь салом моим. И насытились твари салом диавола, и человек насытился, и нашел сало диавола сладким и мягким, и триста дней ел сало диавола, и слушал речи диавола. И учил диавол: горек Стебель Божий, но сладко сало мое, неужели выберешь горькое, если можно взять сладкое? А на триста первый день не дал сала своего, и сказал: теперь оно не для всех. Еще так сказал: иди и убивай, и питайся плотью и кровью тварей, она горяча и жирна, и сладость в ней, и сила. И стало так, и кровь залила землю, и лилась тысячу раз по тысяче лет. И стали твари злы, ловки и быстры, а человек злее всех и быстрее, и плотью тварей насыщал себя, женщин своих и потомство свое. И был рад диавол, и весел, и правил миром, но имел одну печаль: найти Семя Стебля и угрызть. И позвал людей, и сказал так: лучшему из вас дам сало свое, если найдет Семя Стебля, во прахе сокрытое...» Сетка остыла, а иглы прибавились в числе и уже ощутимо врезались в кожу. Денис пытался напрячь спину и ноги, выгибал тело, упираясь только пятками и затылком, но каждая попытка встать на «мост» заканчивалась обрушением вниз – иглы вонзались в спину, в ягодицы, в шею, в бедра; постепенно появилась боль. А хуже физической боли было изумление и отчаяние, понимание того, что все происходящее – реальность, все – всерьез, никто не придет и не скажет: вставай, мы просто проверяли тебя и теперь видим, что ты стойкий парень. Здесь хотят изувечить его или убить. Здесь всем наплевать, что он живой человек, молодой и сильный, что он студент, активист слома и гражданин России. Его растерзают, или он истечет кровью, или подохнет от переохлаждения, привязанный за руки и за ноги, под ровное бормотание безумца, читающего безумный текст, сочиненный лучшим другом его, Дениса, отца.

Одна игла вылезла особенно высоко, воткнулась в поясницу, острое было твердым, но сидело неплотно; если Денис пытался сдвинуться вбок, или чуть выше, или ниже, оно шевелилось, но не покидало раны. Попадет грязь, решил он, и – все. Сепсис, гангрена, не спасут.

– Стих четвертый. «И был царь, именем Иоаким, и было царство его велико и изобильно, люди жили сыто и вкушали пищу четырежды в день, и жизнь их была легка. Сам же был пресыщен, жесток и видом подобен сухому дереву. И положил все дни жизни своей на приумножение величия своего и на истребление врагов, и всех истребил, и пропитал земли царства своего кровью врагов в глубину на тридцать локтей, так что нельзя было погрузить плуга в борозду, чтоб не узреть кровь. И нечего было желать ему, и был скучен. И тогда послал людей многих искать во прахе Семя Стебля, и нашли. И повелел Иоаким умертвить нашедших, и уединился, и триста дней смотрел на семя, не умея отвести глаз. И оставил дела, и народ свой, и жену, и потомство. И явился ему диавол, в облике нагой девы, обильной телом, и сказал: бери меня и сало мое, а Семя отдай, ибо желаю угрызть. И искушал его, говоря: кто пробовал меня и сало мое, тот все пробовал, и знает вкус тысячи тысяч яств. И сказал Иоаким: знаю сладость плоти тварей земных, и цвет крови врагов своих, и любовь дев, юных и зрелых, и люди мои сыты, и жизнь их легка; но не знаю горечи Стебля

Божия; оставь меня, ибо хочу бросить Семя в почву и увидеть, как взойдет. Ибо не салом жив быть хочу, но промыслом Господа моего...»

– Хватит, – прошептал Денис. – Хватит. Больно.

– «И диавол спросил: откуда знаешь, готова ли почва для Семени сего? И ответил Иоаким: знаю. И сказал так: царство мое велико и изобильно, и полито кровью врагов моих в глубину на тридцать локтей, и люди вкушают пищу четырежды в день, и жизнь их легка; сие есть почва Семени Божьему. Ибо не та почва хороша, что возделана, а та хороша, что полита кровью врагов. Так сказал, и повернулся к диаволу спиной, вышел к народу своему, и бросил Семя в почву, и вырос Стебель до неба, из праха к свету, по прямой, и бежали люди в страхе, ибо то был страх Божий. И посрамлен был диавол. И познал Иоаким царь радость, и призвал народ, и сказал: вкусите от Стебля, и живите, как Бог устроил от первого дня. И еще сказал: более ни капли крови не пролью на землю; да будет мир вовеки. И призвал Иоаким царь немногих вернейших, и сказал: отныне знаю тайну тайн. И сказал так: когда пропитается земля ваша кровью врагов ваших на тридцать локтей, когда люди ваши будут вкушать пищу четырежды в день и жизнь их будет легка – тогда будет готова почва Семени Божьему; тогда ищите во прахе Семя и бросайте в землю. А до того не бросайте, ибо не время. А кто обменяет Семя Божие на сало диавола, тот будет проклят. А кто бросит не ко времени, тот будет дважды проклят...»

Иглы были живыми и теперь сделались остриями кинжалов, глубоко вошедшими в кожу. Руки и ноги онемели, но Денис опять и опять пытался напрячь их, приподнять корпус повыше, и опять после нескольких мгновений ослабевал, и плотнее насаживал сам себя на острия.

– «И повелел Иоаким немногим вернейшим запомнить дословно волю свою, и трижды повторить. И народ его вкушал от Стебля, и был радостен, и никто не желал вкушать от плоти тварей земных. И изгнали купцов, продающих яства из плоти тварей земных, и одежды из шкур тварей земных, и побили камнями продавцов возбуждающих напитков, и вкушали только от Стебля, и пили только воду. И любили только Бога, друг друга и свет желтой звезды. И был золотой век. И когда почил Иоаким царь, триста дней трубили золотые трубы».

«Бамбук, – догадался Денис. – Мы же в Азии, они пытаются меня бамбуком. Легендарная китайская казнь. Побег прорастет сквозь меня. Проткнут. И я умру. От боли, или от потери крови, или от холода».

Он закричал. Это не слишком помогло. А тот, сидящий (или стоящий?) рядом, продолжал читать, монотонно, не прерываясь, – видимо, знал текст наизусть.

– Стих пятый. «Но диавол, быв посрамлен, не отступил, ибо помнил, как научил человека ходить дорогами разными. И был книжник, мечтавший счесть звезды, именем Иофанаил. И явился диавол Иофанаилу, в облике старца, и сказал: смотри, беда грядет. Люди не умеют проливать кровь, не плачут, не завидуют, и не хочет один, чтобы дом его был выше дома соседа его, и не хочет другой, чтобы жена его была краше жены соседа его. И нет мозолей от рукоятей мечей на ладонях воинов. Не думаешь ли ты, что так будет всегда? Не боишься ли ты, что придут дальние народы, вкусить от Стебля, как ты вкушаешь? И ответил Иофанаил: боюсь. Ибо уже идут. Ибо слух о Стебле наполнил дальние земли, и многие желают вкусить и познать радость. И сказал диавол: не бойся, что явятся многие; бойся, что явятся все. И спросил диавол: не боишься ли ты, что от Стебля вкусят все люди, сколько их есть? Не боишься ли ты, что не хватит? И ответил Иофанаил: боюсь. И спросил диавол: что вкушать будешь, когда придут все, сколько есть, когда толпы будут топтать детей твоих, и пыль до неба будет стоять над домом твоим во всякий день? И ответил Иофанаил: не знаю. И сказал диавол: вкуси сала моего, и укрепись. И вкусил Иофанаил, и укрепился телом, и стал весел и жесток. И сказал диавол: иди и сожги; так спасешь дом свой и народ свой. Ибо кто имеет – тот слаб, а кто не имеет – силен, и горе тому народу, который имеет больше, чем другой народ. И сказал Иофанаил: так. И пошел непрямой дорогой, в ночи, и предал огню Стебель Божий. И пришли люди, и схватили Иофанаила, но не пролили крови его, ибо так

наказал Иоаким царь, но изгнали. И проклинали имя его, и потомство его».

Рубаха и штаны понемногу пропитывались кровью. Денис решил, что досчитает до ста, а потом все расскажет. Про Глеба Студеникина, про семя стебля, про борозды от зубов диавола на его поверхности. Про то, как хотелось бросить семя в почву. Пропиталась ли московская земля кровью на тридцать локтей? Конечно. Нет другой земли, так же пропитанной кровью, как московская земля. Сыты ли люди, легка ли их жизнь? Разумеется. Бесплатный хлеб, овощи стоят гроши, телогрейки и валенки есть у всех, а главное – повсюду улыбающиеся лица. Самое время бросить семя в почву. Вознаградить своих братьев за усердие и терпение. Вырастет трава, снизу вверх, по прямой, до неба, и каждый вкусит и будет радостен.

– Стих шестой. «И были немногие, числом тридцать, из земли Иоакима царя. И знали, где сокрыто Семя Божие, но молчали, не говоря ни женам, ни братьям, ни сыновьям, ниже друг другу. И сколько было Семян Божиих, стало тайной тайн. Может быть, десять, может быть, тысячу раз по десять; сего никто не знал. И с тех пор так есть. И гибли великие царства, и земли погружались в воды морские, и огненные горы падали с неба, и кровь лилась подобно рекам, и было так тысячу лет. И гибли те, кто знал, что такое есть Семя Божие и где сокрыто. И умирали, но передавали тайну и веру из уст в уста, из рук в руки.

И вот, был город городов, окруженный стеной в тысячу локтей, и слава его гремела по земле. И многие народы тщились покуситься на богатства города городов, ибо знали: кто голоден, тот силен, а кто сыт, тот слаб. И пропиталась земля под стенами города кровью в глубину на тридцать локтей. Но не нашлось народа, покорившего город городов, и люди его преисполнились гордыни, и не знали меры ни в чем. И видя, что нет силы, чтоб их погубить, сами себя губили. Ибо нельзя, чтоб один не губил другого – сим крепок род людской от века и до века.

И был один, именем Иемар; не мудрец, но человек ума; не воин, но человек силы; не святой, но человек сердца. И знал, где сокрыто Семя Божие, ибо кто имеет ум, силу и сердце, тот знает все. И пришел в город городов, и увидел великое торжество, и огни, и звуки труб, и многих праздных, не знающих меры ни в чем. И спросил одного: что празднуешь? Тот сказал: ничего. И пошел Иемар, и спрашивал, что празднуют, и не услышал ответа. И увидел богатство, и изобилие, и сытых, и веселых, и увидел, что едят четыре раза в день. И увидел горе, и нищету, и сомнение, и смерть. И увидел алчбу и зависть, и гнев сокрытый. И ножи, тайно точимые теми, кто зол, ради горл тех, кто ленив и беззаботен. И увидел, что плачет, кто создает, и смеется, кто тратит и расходует. И увидел все, но согласия не увидел. И сказал: настало время. И пошел, и взял Семя Стебля, и бросил в землю. И вырос Стебель до неба, по прямой, из праха к свету.

И сказали люди города: сие нам во вред. И еще сказали: сождем Стебли, и не дадим прорасти новым побегам. И призвали ученых мужей, и устроили препоны для Стебля, из железа и камней, но тщетно. И пришел Иемар, под видом ученого мужа, и говорил: глупцы! Сие Семя Бога нашего, который везде и нигде. И Стебель его не остановить, ибо путь жизни и благодати всегда снизу вверх, по прямой, из праха к свету; сей путь един, другого нет, и кто ставит препоны на сем пути – тот против истины, жизни и благодати. И ответили ему: нет; сие во вред нам. И спросил Иемар: целы ли жилища ваши, и дороги, и храмы? И ответили: целы. И спросил Иемар: не в том ли промысел Божий, чтоб все было цело, и никто не мешал никому, как не мешает вам Стебель зеленый? Вкусите от Стебля и будьте радостны, как радостен Бог, сущий везде и нигде. И послушали Иемара, и стали вкушать от Стебля, но не знали меры. И кто вкусил без меры – сам стал Стебель. Ибо всему есть мера, ниже радости и любви, а кто не знает меры, тот губит и радость, и любовь. И многие, будучи людьми, стали Стеблями. И схватили Иемара, и обвинили, и говорили: ты виноват. И сказал Иемар: кто знает все, но не знает меры, тот ничего не знает. И устроили дознание, и терзали Иемарову плоть, дабы понять, где сокрыто Семя Стебля. И терзали тридцать дней.

И понял Иемар, что силы его на исходе. И воззвал к Богу, и просил укрепить его. И явился Бог Иемару, в облике ребенка, и сказал: нет такой тайны, чтоб ради нее пролилась

кровь достойного.

И велел Бог Иемару: не молчи; иди и скажи. И спросил Иемар: все ли говорить? И ответил Бог: все. И спросил Иемар: всем ли сказать? И ответил Бог: всем.

И велел Бог Иемару: иди и скажи так. Есть Семя Божие, сокрытое ото всех. И как Бог есть повсюду и нигде, так Семя его повсюду и нигде. И почва Семени сего не в поле распаханном, где человек в поте лица растит хлеб свой. Но где празднуют без повода и меры, где вкушают пищу четыре раза в день, где пропитана земля кровью на тридцать локтей, где один создает, а девять тратят и расходуют – там почва Семени сего.

И велел Бог Иемару: иди и скажи так. Аз есмь человек. Не брат вам и не враг вам, но сеятель Семени Стебля Божьего...»

Денис перестал слушать, все слилось, склеилось, перестало быть разным и сделалось единым целым – и семя стебля, и сало дьявола, и сбережение сбереженного, и пьяная Таня, увозимая вертолетом над многими золотыми куполами старой Москвы или одним серым куполом Москвы новой, и личная кувалда с насечками, и мама, только что принявшая цереброн, и врезавшиеся в плечи лямки рюкзака, набитого балабасом, и расписание регламентов, и конвертируемые литиевые червонцы, и желание жить, как доктор прописал, и бог, сущий везде и нигде.

И когда раздались глухие хлопки выстрелов, топот сапог, восклицания, шум борьбы, и стоны, и хрипы – Денис не придавал звукам значения; какая разница, что с ним сделают, погубят или спасут, замучают или продегустируют, если бог, жизнь, истина, сила – везде и нигде?

Глава 7

Очнулся оттого, что ему было хорошо. И когда понял, что ему хорошо – стало еще лучше. Прислушался, огляделся. Не было ни веревок, стягивающих запястья и лодыжки, ни бамбуковых лезвий, вонзившихся в спину. Никто не читал над ним священных текстов, и вместо белесого неба над головой слабо светился обычный потолок.

Он лежал в регенерационной капсуле, до подбородка погруженный в гель, пахнущий спиртом. Раны на спине слабо чесались. Комната была пуста, за окном шевелились кленовые ветки.

«Очень хорошо, – подумал Денис. – Кто-то вытащил меня. Спас. Годунов, наверное. Больше никому. И заснул».

Проснулся вечером, в том же помещении, но уже на обычной кровати. Шторы были задернуты, потолок светился втрое ярче; часть стены напротив оказалась экраном, демонстрирующим сложную жизнь какого-то подвижного узора; разноцветные пятна и геометрические фигуры проникали друг в друга, рождались и растворялись. Тихо играла обволакивающая музыка.

Открылась дверь, вошел – руки в карманы – человек с необычайно испытанным лицом, за ним еще несколько, одни в белых халатах, другие в цивильном. Испитой резко, быстро двигался и твердо стучал каблуками, свита же перемещалась совершенно бесшумно – никто не задевал соседа краем одежды и даже, наверное, не дышал.

– Ага, бля! – воскликнул испитой, улыбаясь. – Я ж говорил, такие не умирают! Привет, Дениска!

Лицо человека – узкое, с прямым носом и правильными полумесяцами густых бровей – показалось знакомым; Денис кивнул.

– Ну-ка выйдите все к чертовой матери, – приказал испитой.

– На третьей линии Шестаков, – прошелестели из свиты.

– Скажи, я перезвоню. И передай, чтоб очко вазелином смазал, потому что я, бля, недоволен. А теперь исчезните все.

Свита стремительно испарилась. Испитой посмотрел на Дениса и рассмеялся, обнажив ярко-розовые молодые десны. Помимо воли Денис тоже улыбнулся и почему-то ощутил

стеснение.

– Точная копия папаши, – праздничным тоном произнес испитой. – Даже, бля, не верится. Только папаша был ростом поменьше, а ты – вон какой. Говорят, тебя, бля, местные бабы чуть на части не порвали. Кстати, можешь сесть. Доктор сказал, ты в норме. А он у меня за свои слова отвечает.

Денис осторожно подчинился. Кожа немного горела, и кружилась голова, но в общем он был в норме, да.

– Я Пружинов, – представился испитой. – Никита Никитович.

Его серые глаза смотрели смело, холодно и одновременно весело – такой взгляд мать Дениса называла «бесстыжий».

– Здрасьте, – тихо сказал Денис.

– Эй, – позвал Никита Никитович, поднимая взгляд к потолку. – Покажите кино!

Узор на экране исчез, и появилась картинка: хохочущие, ярко одетые молодые люди в просторном зале, множество заваленных бумагой столов, а один стол, самый широкий, свободен от бумаг, на нем бутылки и прочая посуда; меж веселых и молодых – кто-то старый и мрачный, в инвалидной коляске.

Отца и мать Денис узнал сразу. Оба юные, раскрасневшиеся; забавные прически, порывистые жесты.

– Этой записи сорок лет, – произнес Пружинов, ностальгически ухмыляясь; опять показались его десны; что-то было у него не так с лицом, немного не хватало кожи под носом и на щеках, и губы раздвигались шире, чем нужно, жили отдельно, неестественно активно, чуть нелепо.

– Смотри, смотри, – провозгласил он. – Интересное кино. Для тебя берег. Знал, что мы однажды увидимся. Ты наблюдаешь традиционную пятничную пьянку в редакции журнала «Самый-Самый». Мосластый в идиотской рубашке – это я. Красавица в лиловом – твоя мама. Рядом с ней – твой папа. Он уже тогда от Варвары не отходил. Но, скажу тебе, долго обхаживал, года два или три... – Пружинов грубо хохотнул. – Мама твоя была разборчивая девушка... Старик в коляске – хозяин журнала, некто Михаил Евграфович Пушкин-Рыльцев. Остальных ты не знаешь.

– Знаю, – возразил Денис. – Вон тот – Георгий Деготь.

– Правильно. Гоша. Он тоже погиб.

– А вы уцелели, – сказал Денис.

– Я? – Пружинов опять ухмыльнулся. От него сильно пахло коньяком. – Ну... Не только я. Мама твоя, и Валя Мертвого, и Годунов... (У него зазвенел телефон, он посмотрел на экран и сбросил звонок.) А я... Мне, Дениска, в каком-то смысле пришлось хуже всех. Тут (он ткнул пальцем в телевизор) я еще нормальный человек. Подающий, бля, надежды репортер. Юн, свеж, нищ и тощ. И наивен, да. Как все журналисты...

– А теперь?

– А теперь я чудовище, – небрежно ответил Пружинов. – Главный мозгоправ в этой части света.

– Наслышан, – сказал Денис и ощутил новый прилив робости: все-таки перед ним стоял один из богатейших и самых влиятельных людей страны, директор-распорядитель Нулевого канала, и, когда этот человек назвал себя чудовищем, Денису захотелось пожалеть его: пьяноватый малый без возраста (то ли тридцать пять, то ли пятьдесят восемь) был никакое не чудовище, а самый обыкновенный работяга, вконец измученный ответственностью.

– О! – крикнул Пружинов, опять ткнув пальцем в экран. – Смотри! Сейчас я буду приставать к твоей будущей маме. А твой будущий папа обидится, уйдет в угол и там быстро напьется... – Он хрипло рассмеялся: – Эх, бля! Вот были времена! Золотые! И ведь ничего назад не отмотаешь... А хочется. Назад, в невинность...

– В старые времена, – подсказал Денис.

– На хер времена! – Рот богатейшего и влиятельнейшего съехал вниз и вбок, но тут же вернулся на место. – Молодость! Вот чего жаль. Я, бля, восемь миллионов юаней в себя

вложил. Семнадцать операций, стволовые клетки, обезьяньи железы... Какие-то, бя, вытяжки, удаление гена старения... Двадцать два профессора подписали бумажку, что у меня организм тридцатилетнего юноши. А это не так. Хоть убей, нет у меня такого ощущения...

Денис кашлянул и сказал:

– Мне надо позвонить.

– Сейчас позвонишь, – ответил Пружинов. – Только кому? Годунову, что ли?

– Да.

– Не получится. Твой Годунов сидит в кутузке. Арестован за оскорбление представителя власти на сто часов. Извини, Денис, но даже я не могу ничего сделать. Когда тебя украли, наш писатель затеял поиски, побежал в милицию, написал заявление, устроил скандал... Какому-то сержанту морду набил... Вот его и посадили. У нас с этим строго. Вживят ему нехилую порцию уважения к закону... Потом выгонят к черту.

– Кстати, – сказал Денис, – насчет «выгонят к черту». А где я нахожусь?

Пружинов отмахнулся:

– Не важно. Нет времени. Тебе все вживят. А лучше – подожди до утра, я сам расскажу, а то в этом блядском городишке никому верить нельзя... В самолет сядем – и расскажу.

– В самолет?

Пружинов кивнул.

– Утром летим в Москву. Заберем у Глеба семечко.

«Разумеется, – подумал Денис. – Глупо думать, что этот человек ничего не знает. Его врачи за несколько часов вылечили мою дырявую кожу; значит, тут есть и мастера ковыряния в мозгах».

– Глеб его не отдаст, – сказал он.

Пружинов изумился, даже слегка подпрыгнул.

– Мне? – спросил он. – Не отдаст? А кому отдаст? Может, он хочет его подарить храму животворящего стебля? Никуда твой Глеб не денется.

– Он с вами даже разговаривать не станет.

– Фигня, – сказал богатейший и влиятельнейший, снова посмотрел вверх и грубо выкрикнул:

– Эй, дозу мне!

Мгновенно и бесшумно появился двухметровый малый в шикарном костюме с коньячным бокалом на подносе. Пружинов выпил, и малый исчез. Богатейший и влиятельнейший перехватил взгляд Дениса и деловито пояснил:

– Бухаю. Дожил до старости и только недавно понял, что лучше алкоголя ничего нет. И стимулирует, и расслабляет. Остальное – говно. И наркота, и мякоть стебля, и нейровозбудители. А про твоего Глеба я все знаю. И про него, и про тебя, и про зародыш. Последний раз вы виделись на сорок седьмом этаже башни «Ломоносов», возле аэропорта. Уговорились, что ты полетишь в Новую Москву, а Глеб переберется в другое место. Ты не будешь знать куда. Завтра в шестнадцать ноль-ноль ты и Таня, девушка Глеба, должны сидеть в некоем питейном заведении под названием «Чайник». Вам принесут телефон. С шестнадцати до шестнадцати ноль пяти Глеб позвонит. Ты скажешь ему кодовые слова. Если за тобой будет хвост или кто-то в момент звонка приставит тебе ко лбу пистолет – ты скажешь: «Все в порядке, Глеб, все в полном порядке». Если хвоста и пистолета не будет – ты скажешь: «Все нормально». Потом Глеб сообщит тебе адрес, и ты пойдешь на randevu. Правильно?

– У вас есть сканер, – пробормотал Денис.

– У меня все есть, – небрежно ответил Пружинов. – У меня, мой юный друг, есть такие штуки, что я и сам уже не рад, что они у меня есть... Я сейчас вот так сделаю, – он щелкнул пальцами, – и через три часа мне приведут твою точную копию. Реплику Герца Дениса Савельевича, серийный номер такой-то. Она будет говорить твоим голосом. У нее будет твой характер, твои привычки. Твой запах изо рта. Родная мама не отличит. (Богатейший и

влиятельнейший хмыкнул.) Ну, мама, может, и отличит, а вот Глеб – вряд ли... Собственно, ты мне не нужен. (Богатейший и влиятельнейший сунул руки в карманы и задрал подбородок.) Но! Во-первых, я хорошо знал твоего отца, и маму твою знаю, и обязан о тебе позаботиться. Во-вторых, я, Дениска, тебе жизнь спас. Если бы мои люди опоздали хоть на час – ты бы погиб. Один из побегов почти проткнул печень. Истек бы кровью – и привет... Эти сектанты – реальные палачи. Жаль, предстоятель утек, он, бля, хитрый... Остальных мы взяли, но от них проку мало...

Денис помолчал. Думать не хотелось. Хотелось пожать Пружинову руку.

– Ты вот что, – велел богатейший и влиятельнейший. – Ты пока сиди тут. Спи, отдыхай, восстанавливайся и все такое. Захочешь пожрать – скажешь; принесут. Кино про папу с мамой посмотри. А я пошел. Утром стартуем, будь готов...

Он выхватил телефон – ковбойским движением, как револьвер из кобуры, – и выкрикнул:

– Эй, бля! Еще дозу – и по коням! Соедините с Шестаковым и позвоните в студию, пусть все подготовят!

Денис смотрел кино всю ночь. Нашел у изголовья пульт, останавливал изображение, укрупнял, отматывал назад и проматывал вперед. Отец и мать казались милыми, нелепыми и совершенно счастливыми. А за окнами редакции можно было рассмотреть исполинские черно-зеленые стебли. Запись длилась почти два часа, и за это время никто из героев ролика не сказал о траве ни слова. Веселились, шутили, подливали друг другу, старик в инвалидном кресле каркающим тенором изрекал грубые хохмы. «Поэтом можешь ты не быть, а гражданином быть не можешь». Мама отважно хохотала, папа расправлял плечи и норовил принять какую-либо живописную позу. Трава никому не мешала, она была – и ее не было. Денис всматривался в лица, пытался понять: прозревают ли эти румяные, беззаботные люди свое будущее? Предчувствуют ли конец? Угадывают ли, что через два десятилетия их светлый и уютный зал, украшенный по стенам забавными картинками, будет сначала разграблен и сожжен, а потом взорван, и облаченные в телогрейки дети румяных и беззаботных придут, чтобы грубыми железными инструментами раскрошить в пыль все, что оставили им бестолковые матери и отцы?

Но ничего не увидел; отцы и матери не думали о будущем. Они наслаждались друг другом. Родовались. Жили сегодняшней минутой. И призраки их не рожденных еще потомков не стояли над ними, с кувалдами наперевес, и не смотрели суровыми глазами на беспечную веселуху.

Эти цветные фигурки из далекого прошлого не строили новую жизнь, не вынашивали планов уничтожения грибницы, не проектировали, поджав губы, грядущее. Они просто любили друг друга и мир, в котором жили. И если бы Денис прошел сквозь экран и оказался рядом с ними – он не произнес бы ни слова упрека.

Они ничего для него не сделали. Они выпивали и закусывали, сидя в мягких креслах, им было тепло и удобно, – а ему, их сыну, осталась вареная морковь, хлеб, чай и валенки, пустая и застывшая земля, холод, пыль и нужда, выбитые стекла, колченогие табуреты, деревянные снеговые лопаты. Но упрекнуть – значило отменить их судьбу. А значит, и свою собственную.

Когда сыновья живут хуже отцов – это не беда. Беда, когда сыновья обвиняют отцов в том, что живут хуже.

Не суди род свой, себя осудишь.

Мама смеялась. Она пролила вино на платье, а папа рвался к ней, с салфеткой в кулаке, решительный и юный.

Денис заплакал – он чувствовал себя старше своего отца, и понимал, что обязан все ему простить. Отец жил, как мог, сын живет, как может, и, если сын не ответит за отца, он тогда не сын своему отцу.

Все было правильно. И трава, и башни в сто этажей, и «никто никому ничего не

должен», и учебники абсолютного процветания, и резиноасфальт, и китайцы в Сибири. Промотали, распродали, пропили, проели, просрали, пустили с молотка собственное величие – бог с вами. Значит, так было надо. Кто я таков, чтобы вас упрекать? Я всего лишь сын ваш; рожден, где родился; имею, что есть.

Бог с вами.

На рассвете к Денису пришла женщина без возраста, принесла одежду и ботинки. Все оказалось впору. Его повели по пустым коридорам, в бесшумном лифте спустили в гараж и посадили в красную машину, огромную: в салоне уместились бы четыре электромобиля Гарри Годунова. Сопровождающих не было. Возможно, шофера тоже не было, ибо лимузин помчал с нечеловеческой скоростью, и при этом весьма плавно. Замелькал за стеклами стерильнейший, уютнейший город цвета человеческой плоти. Бесшумная техника мыла и без того чистые улицы и витринные стекла. Юноши в белых куртках деловито выносили на тротуары столики уличных кафе.

«Старый дядя Гарри был прав, – подумал Денис. – Я пробыл тут один-единственный день и уезжаю с облегчением. И вряд ли вернусь».

На аэродроме гулял ветер. Несколько широкоплечих, коротко стриженных мужчин стояли под крылом космоплана, окружив грудю массивных чемоданов. Пилот грел турбины. Над колеблющимися кронами столетних кедров возвышался Купол: молочно-белый, циклопический, смотреть на него было неловко: он попирает главный, тысячелетний закон, согласно которому самые великие сооружения на планете создает все-таки природа, а никак не человек.

Трап подали сразу, как только приехал Пружинов.

– Нравится? – прокричал он, толкая Дениса в бок и показывая на космоплан.

Денис кивнул.

– Заблуждешься мне кресла – будешь должен!

Он захохотал и первым полез по лестнице, споро перехватывая поручни. Его легкое пальто развевалось.

В салоне оказалось тесно, Денис несколько раз ударился головой и локтями. Коротко стриженные рассаживались в соседнем отсеке, сквозь перегородку доносились их грубые голоса и смех.

– Устраивайся, – велел Пружинов. – Слышал про суборбитальные полеты?

– Конечно.

– При разгоне будет худо, зато потом, наверху – реальный кайф. Гарантирую сорок минут невесомости. Если страшно – надень скафандр.

– А вы?

– А я свое отбоялся.

– Тогда и я не буду.

– Ну и правильно, – оценил богатейший и влиятельнейший. – У меня пилот – полковник Военно-космических сил. Боевые ордена, три раза катапультировался... Тоже ничего не боится. Кстати, давай-ка примем дозу.

– Лучше наверху, – предложил Денис.

– Наверху не получится, – с сожалением ответил Пружинов. – Глотнешь, а оно встанет где-нибудь здесь, – он ткнул себя в грудь – и будет висеть. Никакого толка нет. Бухать надо на земле...

Он достал из кармана фляжку, хлебнул. Протянул Денису. Смотрел, как тот пьет.

– Твой отец не любил это дело. А ты, я вижу, мастер.

– У моего отца была другая жизнь, – сказал Денис.

– Это да, – пробормотал Пружинов и грубым рывком ослабил узел галстука.

– Поехали.

Денис пристегнулся.

Разгон, взлет и последующие десять минут были кошмарны. Примерно на второй

минуте Денис перестал видеть и слышать, на восьмой – дышать. Потом стало легче. За иллюминаторами быстро темнело.

– Сейчас тряханет, – не своим голосом прохрипел Пружинов. – Держись крепче. Отделимся от носителя, он вернется домой – а мы наверх...

– Знаю, – выдал Денис. – Я хотел учиться на летчика. Поступал в авиационный институт. С детства мечтал летать в космос...

– Еще полетаешь, – серьезно заверил богатейший и влиятельнейший, медленно повернул прижатую к креслу голову и подмигнул. – Заберешь семечко – и пойдешь ко мне работать. Нечего тебе в Европе делать. А мне люди нужны...

Потом был рывок, грохот, несколько мгновений бешеной вибрации, и вдруг установилась тишина.

– Вот этот момент, – слабым голосом объявил Пружинов, – особенно люблю.

Улыбнулся Денису.

– Ты не на меня смотри, – посоветовал он. – Ты в окошко смотри. Там твоя родина. Вся.

Денис посмотрел. Родина была огромна и темна. Фиолетово-розовая полоса отделяла ее от бархатно-черного небесного наждака; казалось, проводи пальцем – и обдерешь кожу о густо наклеенные звезды.

– Там Европа, там Азия. – Пружинов тыкал пальцем, как в ресторанное меню. – Там север, там юг. Нравится?

– Да, – сказал Денис. – Красиво.

– Большая, сука, – удовлетворенно произнес Пружинов. – Очень большая. Даже не верится, что она такая большая.

– Кто? – спросил Денис.

– Страна. Жаль, ничего не видать. Мы уже догнали ночь. Вылетели в семь утра, прилетим в пять по московскому времени... Знаешь, почему я люблю космос? Тут людей нет. Тут им жить не по карману. Тут каждый – сам себе бог. Смотришь сверху – все видишь, а их не видишь.

– Кого? – спросил Денис.

– Людей.

Губы богатейшего и влиятельнейшего разъехались.

– Твой отец любил людей – и они его убили. А я не люблю – и вот: живой. Понимаешь?

– Да.

Пружинов помолчал и сообщил:

– Я уважаю это место. В смысле космос. Тут хорошо. Я каждый год три недели тут отдыхаю. Прилетаю и бездельничаю. Не на Луну, там тухло. Сплошные тусовки, дискотеки, золотая молодежь, блядки в условиях пониженной гравитации... Я на орбиту летаю. Прилечу – и сижу в каюте. Плаваю, смотрю и думаю. Про них.

– Про людей?

Пружинов кивнул.

– Они про меня мало думают, а я про них – все время. В этом моя сила. У них ничего для меня нет, а у меня для них – все время что-то новенькое. На орбите хорошо думается. Другой принцип кровообращения, клетки мозга снабжаются равномернее... Спускаюсь – идея готова. Беру, прикидываю – и вставляю. Прямо им в головы. Влияю, понял? Они думают, что сами по себе, а на самом деле за них все придумал Никита Пружинов.

– Нельзя все за всех придумать, – сказал Денис.

Богатейший и влиятельнейший отстегнул ремни, оттолкнулся и повис. Улегся на воздух, словно на кушетку.

– А за всех и не надо. К черту «всех». «Все» не нужны. «Все» – это абстракция. Достаточно повлиять на тех, кто принимает решения. На самых активных. Согласен?

Денис пожал плечами.

– В старых государствах, – продолжил Пружинов, – этого не понимали. Обработывали

самых глупых и доверчивых. Потом глупые бежали на избирательные участки и голосовали как надо. Это очень архаично. В моей стране глупые и доверчивые предоставлены сами себе. Им отдали Европу, им дали бесплатный хлеб, который на самом деле ни хера не бесплатный и никогда не будет бесплатным... Они там гужуются, берегут сбереженное, башни сносят голыми руками... Самоуправление, самообслуживание... Жратва – есть, хулиганье и злодеев прижали... Молодцы! А чуть кто появляется смелый, резкий, критично настроенный, мы его – хоп! К себе берем. Под Купол. Или уничтожаем. Так мы твоего Годунова купили. Сказали: или мы тебя ликвидируем на хуй, или – милости просим, вот тебе домик, вот тебе работа, пиши что хочешь, но – под нашим контролем. И что, отказался твой Годунов? Нет! Собрал вещички и переехал. И таких, как он, было много. Мы собрали лучших, сливки, и теперь работаем с ними.

Денис смотрел на черную землю. Вдруг испугался: где люди, где свет городов? Неужели столь огромные пространства тотально пустынные? Наконец увидел жалкую горсть желто-белых огней, успокоился. Сказанное Пружиновым не уместилось в голове, здравый смысл велел не вслушиваться во фразы; иначе вся картина мира, каким его знал Денис, разваливалась, двадцать лет жизни превращались в идиотическую клоунату.

– И знаешь, что приятно? – продолжал Пружинов, паря меж полом и потолком. – Не оскудевает русский народ! Каждый год мы забираем к себе примерно по триста человек. Умных, быстрых, нестандартно мыслящих. Цвет нации! Кстати, на Глеба Студеникина тоже была в свое время ориентировочка, хотели мы его забрать, к полезному делу пристроить, – но пропал парень, занялся какой-то ерундой уголовной... Я его помню. Спортсмен, мощага, ничего не боялся...

«А я? – хотел спросить Денис. – А как насчет меня? Разве я не умен и не быстр? А на меня не было ориентировочки?»

Но не спросил, промолчал. Не захотел услышать ответ.

Пружинов выглядел немного глупо: парящий в положении «на спине» человек в дорогом номенклатурном костюме; конец его галстука реял, и шнурки на ботинках.

– Забираем только самых активных, – продолжил он. – А остальные – черт с ними! Для остальных есть кино про Буслая. Дешево и эффективно. Буслай – молодец, нормально справляется. Это я его придумал. Красивый, сильный, умный, русский – чего еще надо? Одному голову отрубят, другого пчелами насмерть затравят – настоящий национальный герой. Хер опять же стоит круглогодично... Но на элиту он не работает. Слабоват. Элиту, активных, лучше не обманывать, а покупать. Даем им комфорт, постоянную температуру, вечное лето, здравоохранение и доступ к информации. Элита хочет все знать, мы ей даем такую возможность. Мы – власть, мы прозрачны. На, смотри: трансляция из кабинета министра энергетики. На, смотри: трансляция из сортира жены министра обороны. Элита самодлюбива и бережет себя. Умники не желают, чтобы мы копались в их мозгах. И мы им это пообещали. Торжественно гарантировали. Никаких воздействий на мыслительные процессы! Идиоты. Зачем мне их мозги? На кой хер мне их мыслительные процессы? При чем тут мозги, если главное – нервная система? Это просто, и это дешево. Зачем воспитывать в человеке честность, если ее можно имплантировать? Зачем уговаривать, если можно вживить немного неуверенности, минимальную дозу страха, вызвать слабую депрессию? Я тебе скажу, мой юный друг, – работать с умниками проще, чем с самыми доверчивыми и наивными... – Пружинов закинул руки за голову. – Элита глупа. Самые умные и есть самые глупые и доверчивые. Каждый думает, что он сам себе хозяин. Что он сам принимает решения. Еще бы, ведь он умный, у него высшие баллы, у него диплом, у него ай-кью... Говоришь ему: ты болван, тебя дурят! А он отвечает: невозможно, я сам во всем разбираюсь, я сам себе хозяин! А потом хаает то, что я ему подsunул. И убывает, гордый и самостоятельный...

Денис тоже разъял замок на ремнях и стал медленно отделяться от подушек кресла.

– Зачем вы все это рассказываете?

Богатейший и влиятельнейший медленно повернулся на бок.

– Я не рассказываю, – ответил он. – Я излагаю. Дело не в тебе, Денис. Просто я ни о чем другом разговаривать не умею. Либо мы говорим о моем деле, либо молчим. Я прозрачен, у меня нет секретов. Действую открыто. Никого не стесняюсь. Каждому сразу заряжаю: так и так, прошу любить и жаловать, я – Никита Пружинов, чудовище. Я готов каждому вставить в спинной мозг свою микросхему и управлять эмоциями. Другую, такую же, вставляю в голову. Называется – активное информационное поле. Термин глупый, неправильный, потому что всякая информация активна... Но это, бля, честный обмен! Я вам – информацию, нон-стоп, свободный трафик, сколько угодно, а вы мне – ваши нервишки...

– А зачем вам семя стебля? – спросил Денис.

Пружинов помрачнел:

– Ни зачем. Положу в личный чейф. Пусть будет.

– «И был царь, именем Иоаким, и был он пресыщен и жесток», – процитировал Денис.

Богатейший и влиятельнейший презрительно рассмеялся:

– Ага. Выучил. Чертова ересь. Ненавижу этих гадов. Вот кто у нас мозги промывает! У них есть такие, знаешь... Чипы особые. Приклеиваешь прямо на горло. Вещаешь – а паства тебя слушает и все дословно запоминает. Кстати, запрещенная технология...

Денис вспомнил скрипучий, вкрадчивый баритон предстоятеля и подумал, что Глеб был прав, когда говорил про невероятное везение. Зеленая братия была готова четвертовать его, но вот появляется некто всемогущий – по совместительству старинный приятель отца – и спасает молотобойца от гибели. Это даже не везение, это – чудо.

– А как вы меня нашли? – спросил он.

– А чего тебя искать? – Пружинов теперь висел лицом вниз; вращал головой, разминая шею. – Есть же записи. Ты попал в секту случайно. У нас по всему городу – сеть добровольных осведомителей. Когда район отключают на регламент, он становится бесконтрольным. А это очень плохо. Поэтому наши осведомители, живущие в отключенном районе, получают сигнал тревоги, хватают направленные микрофоны и садятся возле окон. Увидят что-то подозрительное – включают технику и слушают. Это, конечно, не тотальный контроль, но все-таки лучше, чем ничего... Подъехала машина странная, внутри двое мужиков сидят... Разговаривают, на улицу не выходят... Подозрительно, бля! Так наш осведомитель записал твой с Годуновым разговор. Но этот мудила был не только осведомителем, но и членом братства стебля, и он сначала связался с единоверцами. С предстоятелем. Так и так, ваше преосвященство, из Европы приехал дикарь, семя стебля продавать...

– Я не продавал, – сказал Денис.

– Какая разница, – небрежно сказал Пружинов. – И уже потом, после разговора с паханом секты, агент передал запись по начальству... Ну не гад, скажи?

– Гад, – искренне согласился Денис.

– Сейчас сидит у нас в подвале, плачет, ему тройную дозу стыда вживили. Как наплачется – будем его наказывать. Ты ведь мог помереть, Денис. Бамбук – это такая штука... Растет со скоростью миллиметр в минуту. Пытка считается китайской, но это вранье, не было у древних китайцев такой пытки. Они в основном любили щипцами от тела отрывать, небольшими кусочками...

Денис подумал, набрался храбрости и спросил:

– А мне вы тоже что-нибудь вживили?

– Да, – резко ответил Пружинов. – Как только в мою клинику доставили, сразу вогнали два моих чипа, личных. Нового поколения. У тебя ведь не болела голова? Не тошнило?

– Нет.

– Вот видишь. Хорошие чипы, лучше старых. Еще месяц будем проверять, потом, бля, внедрим повсеместно.

– И сейчас вы мной управляете?

– Не ссы, – небрежно посоветовал богатейший и влиятельнейший. – Только самую малость. Я имплантировал дозу уважения. К самому себе. Заметь, слабую дозу. Суточную. К

вечеру рассосется. Я был обязан это сделать, Денис. Чтоб ты, бля, не брыкался, а внимательно слушал и делал, что тебе говорят. Ты бы и так, конечно, сделал, но у нас не было времени... Ты на меня не смотри, ты видом наслаждайся. Мы еще полпути не пролетели... Хочешь, кстати, настоящего веселья?

– Не знаю, – тихо ответил Денис. – Мне и так весело.

– Можно надеть скафандры и открыть люк. Полетаем минут пять, отдельно от космоплана. Что скажешь?

– В другой раз.

Пружинов посмотрел, сощутив глаза, потом захохотал.

– Ага! Обиделся, что я на твоих нервишках сыграл! – Он вытянул руки и изобразил игру на рояле. – Не обижайся. Если бы ты поговорил с Никитой Пружиновым, побыл рядом, увидел бы его жизнь, его, бля, работу, его дом – ты бы сам принес ему семечко. Возьмите, Никита Никитович, вам оно нужнее... Правда, Годунов наверняка наговорил про меня всяких гадостей... Было у нас с ним одно недоразумение... Но это все чепуха. Тогда никто не пострадал. Пойми, Денис... Я не люблю людей, но я не зверь тоже. Я несу в мир добро! Что, Буслай разве плохой персонаж? Или, допустим, бескорыстная дружба с Китаем. Согласись, хорошая придумка? Или ваш европейский лозунг: «Делай вещи, а не деньги». Да вы должны на руках меня носить, за такой лозунг! Этот блядский зародыш грибницы – кто должен им владеть, если не я? У зеленых братьев ты был, все сам видел. Эти фанатики любому кровь пустят. Сдать гражданским властям – там будет одно из двух: или продадут китайцам, или отнесут военным, а военные сразу лапу наложат. Я, Пружинов, – именно тот человек, которого ты искал. Ты искал честного – я и есть сама честность. Я, бля, честно признался тебе, что влияю на твою нервную систему при помощи технологии активного информационного поля. Я мог бы этого не говорить – но сказал. Ты искал неподкупного – более неподкупного, чем я, ты не найдешь. Потому что деньги у меня уже есть. Ты искал достойного – я и есть самый достойный. Я никогда не брошу его в почву. Я один из хозяев страны, я создал этот мир – зачем мне все ломать? Скажи сам, достоин я или не достоин? Только честно.

– Не знаю, – сказал Денис. – Наверное, вы правы. Только я не все понял... Вы говорили, что уничтожаете тех, кто не хочет ехать под Купол...

Пружинов вздохнул:

– Их было очень мало. Всего несколько человек. Мы вынуждены казнить непокорных, Денис. Это правило номер один. Любая власть казнит непокорных, по-другому нельзя. Некоторые от нас ускользнули. Был, допустим, некий Емельян Головогрыз, бандит и наркобарон. Мы сделали предложение, когда ему было всего семнадцать. Во всех городах европейской части России у нас сидят наблюдатели, они контролируют школы, институты, ведут досье, отслеживают... Он никакой не Емельян и не Головогрыз, у парнишки была золотая медаль, он был гениальный химик... Он мог бы принести пользу, а стал убийцей...

Богатейший и влиятельнейший подплыл к иллюминатору. Достал платок, протер стекло.

– О, смотри, Урал. Мы уже в Европе. Видишь, сколько земли? Большая страна, ее трудно держать, а держать надо вот так... – Пружинов потряс кулаком. – У нас куча проблем, на нас давят, нам завидуют, все хотят наши территории, нашу воду, наш литий. Мы работали день и ночь, мы с огромным трудом подняли рождаемость, мы запустили пятьсот ветряных электростанций, и каждая обошлась нам в бешеные деньги. Мы до сих пор контролируем только границы и несколько крупных городов. Люди недоедают, мерзнут, пьют...

– Тогда надо высадить траву, – сказал Денис. – Бросить семя в почву. Не в Москве, конечно. Где-нибудь в пустыне. Пусть голодные питаются сырой мякотью.

Пружинов нахмурился.

– Она не вырастет в пустыне, – произнес он. – Она – как подорожник, растет только возле человека. Она, бля, вообще не растение. И не грибница. Это своего рода первоплоть.

Древнейшая протоплазма. Она старше любого известного науке растения и вообще любого организма. До некоторой степени она разумна. Она не трогает ничего, что создано человеческими руками, но никому не позволяет остановить процесс своего роста. Судя по тому как защищен ее зародыш, она способна выживать в космосе. В свое время был проект забросить семечко на Марс, но ни одна сволочь не пожертвовала своим семечком. Министерство обороны не дало, институт не дал. Еще трое, я точно знаю, имеют в личном пользовании по одному зародышу, но и они не смогли расстаться...

– А вдруг и Глеб не захочет?

– Это его проблемы, – сказал Пружинов и полез в кресло, упираясь ногами и руками на манер краба. Галстук реял перед его лицом. – Давай, бля, пристегивайся. Сейчас тормозить начнем. Плохо будет. Тошнить будет, трясти будет. Но мой пилот по-другому не умеет. Он, бля, солдат, ему все по хер. И мне, кстати, тоже. Я пошлю с тобой четверых быков. Это мои лучшие быки. Трое живых и один андроид. Любой из них твоего Глеба мизинцем успокоит. А андроид – так, для страховки...

– Что вы хотите с ним сделать?

– А что ты хочешь, чтоб мы сделали? – деловито осведомился Пружинов. – Можем ликвидировать. Девушка достанется тебе, а семечко – мне. Можем память потереть. Можем превратить в олигофрена. Можем отпустить с богом и даже денег дать...

– Поменять семя стебля на сало дьявола, – пробормотал Денис, пытаясь поймать плавающий в воздухе конец ремня.

– Да брось ты. Тоже мне, «сало дьявола»... Ты не думай, я в Москву лечу не за семечком твоим. У меня дел полно. Восемь встреч, вечером – обратно. Ребятам отдан приказ: в случае проблем зачистить территорию под ноль. Если там кроме Глеба будет кто-то – всех положат. И Глеба тоже положат.

– И меня, – пробормотал Денис.

– Тебя не положат, – негромко сказал Пружинов. – Если сам дурить не будешь. А ты не будешь дурить, Денис.

– Вы меня не знаете.

Пружинов откинул голову, закрыл глаза. Помолчал.

– Верно, – сказал он. – Но я знал твоего папу и твою маму. Ты, как твой папа, готов подохнуть за идею. Но это должна быть понятная идея. Ты не будешь подыхать за семя стебля, потому что не знаешь, что это такое. Ты скажешь Глебу, чтобы он отдал семя, и Глеб его отдаст. Потом тебя привезут ко мне, вместе с Глебом и семенем. Потом мы вытрем Глебу память и отправим домой. А ты полетишь со мной под Купол. Девочку твою не возьмем, извини. Девочка не нужна; новую найдешь. Мать можем взять... Но Варвара не полетит, откажется... Ты ей потом позвонишь, объяснишь. Вот такой у меня, бля, план. Что скажешь?

Денис затянул ремни.

– Хороший план, – ответил он. – Хороший, бля, план.

Глава 8

Они высадили его в квартале от места. В машине переодели в традиционный для весенней Москвы молодежный прикид: яловые сапоги с коротким голенищем, брезентовый бушлатик. И опять все пришлось впору, мало того, оказалось ветхое, истончившееся, давно не чищенное. Каждую мелочь продумали, отметил Денис; даже деньги дали мелкими мятыми купюрами.

Вошел в «Чайник», пожал руку Кеше. Таня сидела в углу, на обычном месте, за «их» столом, здесь собиралась только своя компания, старожилы, постоянные клиенты: Денис, Модест, еще несколько ребят, знавших друг друга с первого класса.

– Ой, какой суровый, – сказала Таня, улыбнувшись. – Может, поцелуешь?

– Может, поцелую, – ответил Денис, старательно глядя мимо.

Водки выпить, пронеслось в голове. Старший отряда, главный «бык» Пружинова,

сказал, что выпить можно и нужно. Грамм сто; расслабиться.

Часы над барной стойкой показывали пятнадцать тридцать пять.

Огляделся. Пока шел к собственной родной башне, не смотрел по сторонам, избегал сравнений, – сравнивать два города было глупо и даже опасно. Но в «Чайнике» серо-коричневое, облупленное, смрадное придвинулось, обступило, полезло в глаза, в нос, в уши. «Чайник», разумеется, был убогим заведением. Убогой была сама его идея, не говоря уже о воплощении. Денис ужаснулся. Я ходил сюда три года подряд и провел тут немало прекрасных минут. Здесь я впервые выпил пива, здесь я впервые выпил водки, здесь я впервые схватил женщину за жопу, а чуть позже впервые подрался, из-за той же жопы той же женщины, и впервые получил в ухо не от пацана-ровесника, а от взрослого беспощадного мужика, и впервые узнал, что такое получить в ухо настоящим взрослым кулаком. И мне было хорошо. И пиво нравилось, и водка, и жопы женщин, и даже получать в ухо нравилось. Почему я не замечал этой грязи, кривизны, расшатанных лавок и столов, почему не обонял запахов прогорклого масла, и скверного табака, почему не слышал скрипа ржавых дверных петель? И эти опилки на полу, и стаканы мутного желтоватого стекла, и – главное! – эти лица, помеченные печатью нищеты, обветренные, обтесанные, нездоровые. Мокрые, дыбом стоящие волосы и кислая вонь насквозь пропотевших свитеров. И каждый садящийся за стол норовит положить рядом свой засаленный кепарик. Сидят, дымят, преют, млеют, дуют в блюдца, крутят кривые цыгарки кривыми пальцами. Кеша суетится меж столов с огромным медным чайником, бликует его лысина в свете лампочки, фартук пропитан черным жиром – хоть в котел кидай и бульон вари. Тухло, гадко, нездорово. После Новой Москвы мне нельзя сюда, я уже не способен, я не могу; я видел, как можно жить. И Таня, еще три дня назад казавшаяся шикарной девахой, теперь видится как неухоженная смазливая поблядушка, и на лбу у нее прыщик, грубо замаскированный слоем пудры, и губы обветрены, и волосы по-русалочьи распущены, словно не в пивную пришла, а в оперу, а этот кулончик на бледной груди вообще ниже всякой критики.

– Ты смотришь на меня, как на кучу дерьма, – сказала Таня.

– Извини.

Она усмехнулась, с вызовом.

– Ничего. Я понимаю. Конечно, меня не сравнить с бабами из-под Купола.

– Я не сравниваю.

– Врешь. Расскажи мне.

– Про что?

– Про баб из-под Купола.

– Сначала – ты. Про Голованова.

Таня опустила глаза.

Кеша принес графин и две стопки. Водка с горячим крепким чаем – местный фирменный напиток; и согревает, и бодрит, и вкус оригинальный.

– Капустки свежей?

– Спасибо, Кеша, – искренне произнес Денис. – Давай, неси.

– А при чем тут Голованов? – весело спросила Таня. – Ты что, ревнуешь?

Денис подумал и ответил:

– Не знаю.

Часы показали пятнадцать сорок восемь.

Быки повесили на Дениса жучок и сейчас слышали все, что говорилось в радиусе пяти метров от клиента, – беседовать на темы любви и ревности было глупо. Денис разлил по рюмкам водку, выпил и закашлялся. После коньяка из фляжки богатейшего и влиятельнейшего человека страны местная водка не шла в горло. Дерьмо, сивуха, а я пил ее четыре года, и ничего, хмелел.

– Ты позвал меня, чтобы поговорить про Голованова?

Денис покачал головой.

– Я сегодня увижу Глеба, – сказал он. – Что ему передать?

Таня мгновенно перестала улыбаться и процедила:

– Привет.

– И все?

– Все.

Денис помедлил и объявил:

– Все кончилось. Сегодня Глеб вернется. И все будет как раньше.

– Как раньше – уже не будет, – ответила Таня. – Никогда.

– Будет. Даже лучше будет. Поверь мне.

Денис вспомнил дегустацию семени и содрогнулся от отвращения.

Он бы сидел здесь вечность. В жирном дыму, на липком табурете. Лишь бы с нею. С ее кулончиком, с ее губами обветренными.

– У вас с Глебом, – может, и будет, – сказала она. – А я уезжаю. Под Купол.

Старший отряда оказался прав, водяра расслабила Дениса, и он засмеялся, откинув назад голову и коснувшись затылком холодной сырой стены.

– Голованов позвал?

– Да, – небрежно ответила Таня.

– Зачем он тебе?

– Голованов? Он мне не нужен. Он мудака полный. Но он сказал, что поможет.

– А ты ему натурой компенсируешь?

Таня хладнокровно кивнула:

– С девушками иногда такое случается.

– Подожди до вечера, – попросил Денис. – Увидишься с Глебом, поговоришь... Потом решишь насчет Купола.

– Я не хочу видеть Глеба. Я больше не хочу его видеть, никогда.

– А меня? – спросил Денис.

– И тебя, – сказала Таня. – Ты такой же, как Глеб. Ты отдал меня Глебу. Ты не поборолся за меня, ты уступил меня. В сторону отошел.

«Быки будут в восторге, – подумал Денис. – Сидят сейчас, все трое, затаив дыхание, прислушиваются и подмигивают друг другу. А четвертый – андроид – не подмигивает, ему неинтересно».

– Ты сама выбрала.

Таня побледнела.

– А ты утерся, – бросила она. – И молча отвалил! Взял бы – и убил его. Если меня любишь. Тем более – он конченный подонок. Почему ты не убил его? Ладно, пусть не убил, но сказал бы: не подходи к моей Тане, а то убью! Я бы осталась с тобой. Я бы знала, что ты за меня убить готов, и всегда была бы только твоя, и никогда бы не посмотрела в сторону! Это ты виноват. Ты слабак. Я говорю тебе, что буду спать с Головановым, а ты киваешь...

– Делай, что хочешь, – сказал Денис. – Я тебя люблю. Я хочу, чтобы тебе было хорошо. Если тебе хорошо с Глебом – будь с Глебом. Если тебе хорошо с Головановым – будь с Головановым.

– Дурак! – яростно прошептала Таня. – Боже, какой дурак! Я закрутила с Глебом, чтобы тебя проверить! Понимаешь?

Денис поднял глаза на циферблат и увидел Вовочку. Бойфренд мамы держал в руках кувшинчик с квасом.

– Не помешаю? – вежливо спросил он.

– Уже помешал, – сказал Денис. – Прости, но у нас разговор.

– Нет у нас разговора, – тут же сказала Таня и встала. – Уже поговорили.

Ушла, почти бегом, но куртку оставила. Глаза подведет и вернется, подумал Денис. Может, Пружинов и прав. Найду себе другую. Они все одинаковые.

– Ты бы матери позвонил, – осторожно сказал Вовочка, садясь. – Она не знает, что ты вернулся.

– Узнает.

Вовочка огляделся, и на его грушевидной, отягощенной бульдожьими брылями физиономии появилось дежурное кислое выражение.

– Грязно тут, – пробормотал он. – Дым, шум, воняет... Когда мы уже научимся жить по-человечески? Не кафе, а шалман какой-то.

«Хорошо, что он пришел, – подумал Денис. – Если тебя прослушивают, лучше говорить о грязи, чем о любви».

– Там, в углу, – он показал пальцем, – есть тряпка и ведро. Возьми и вымой. Если тебе грязно.

Вовочка удивленно поднял брови:

– У этого заведения есть хозяин.

– Есть, да. Он убирается дважды в день. Потом приходят новые люди и приносят новую грязь.

– Я и говорю, все прогнило. В грязи живем.

– Ага, – сказал Денис. – Слушай, я все хочу тебя спросить... Ты ведь налоговый инспектор?

– Да.

– Но мы живем в безналоговой зоне. В чем заключается твоя работа?

– Долго рассказывать, – произнес Вовочка и налил из кувшинчика в стакан.

Квас у Кеши был хорош. В отличие от большинства кабатчиков, Кеша не разбавлял его водой и не крепил портвейном.

– А ты попробуй, – сказал Денис.

Вовочка осторожно улыбнулся; от ответа его избавила вернувшаяся Таня: свежая, непринужденная, походка от бедра, телевизионная улыбка.

– Прошу прощения, – приветливо сказала она Вовочке. – Я была слишком резка с вами.

– Ничего, – ответил Вовочка, выпрямляя спину. – Дело молодое. Я уже ухожу.

– Оставайтесь, – попросила Таня. – Денис мне о вас рассказывал.

Молотобоец кое-как сдержал гримасу изумления.

Вовочка был не самый умный человек, но и не самый глупый, он не питал на свой счет иллюзий и явно не поверил, что может заинтересовать собой двадцатилетнюю красивую девушку. Он улыбнулся горьковатой взрослой улыбкой.

– И что же рассказывал обо мне Денис?

– Что вы всегда всем недовольны.

Вовочка не удивился:

– Да. Недоволен. Мне не нравится, как я живу, и я недоволен. Вы молодые, красивые и сильные ребята, вы меня не поймете.

– Да, мы молодые и красивые, – возразила Таня, – но мы не глупые. Мы пойдем.

Денис не знал, напрягаться ему или расслабляться. Часы показывали пятнадцать пятьдесят, и Таня могла исполнить все, что угодно. Устроить скандал, напиться в хлам, организовать светскую беседу и тут же превратить ее в серию издевок и уничижительных реплик.

– Я, пожалуй, пойду, – сказал Вовочка. – Поговорим потом.

Таня проигнорировала сказанное и сообщила:

– Один человек предложил мне уехать отсюда. В Сибирь. В Новую Москву. Он примерно вашего возраста. Он сказал, что здесь все плохо, а там все хорошо. Вы друг мамы Дениса. Вы женитесь на маме Дениса, а Денис женится на мне, и мы станем родственниками. Скажите мне, как будущий родственник, что мне делать?

Денис вздохнул. Его худшие опасения оправдывались. С другой стороны, слова «Денис женится на мне» прозвучали хорошо. Веско и просто.

«Взять и жениться, сегодня же, – подумал он. – А Пружинов сотрет Глебу память за последние три года».

– То есть вы не знаете, где вам будет лучше, – предположил Вовочка, – с любимым человеком в Старой Москве или с нелюбимым мужчиной в Новой Москве?

– Допустим.

Налоговый инспектор сутулился над своим стаканом. Посмотрел из-под очков, поморгал.

– Таня, везде одно и то же. И в Старой Москве, и в Новой Москве, и между ними. Везде развал, плесень и безнравственность. Все прогнило насквозь, мы живем в грязи и бесстыдстве. Я могу вам посоветовать только одно: куда вас тянет – туда и идите. Следуя, как говорится, зову сердца... Понимаете?

Таня серьезно кивнула:

– Понимаю. Только я не живу в грязи и бесстыдстве.

– Вам мало лет. Вы не видели другой жизни, кроме этой, – Вовочка показал на стены и почти скрытый в чадку потолок. – А я видел. Мы живем слишком тяжело и бестолково, и эти два десятилетия так называемой «новой истории» – эпоха позора и глупости. Сорок миллионов очнулись, так сказать, от дурного сна... И теперь пытаются вспомнить, что такое настоящая жизнь... Двадцать лет шатались, метались, вспоминали, что такое работа, что такое, э-э, трудовая копейка... Кое-как вырастили детей... Возле буржеек, на манной каше, на рыбьем жире... Вы хорошая девочка, Таня, но мне нечего вам посоветовать, мне перед вами, молодыми, неудобно... Мне вас жалко.

– Нас не надо жалеть, – сказал Денис. – Себя пожалей. Это не эпоха позора и глупости, а моя жизнь, и я ее не в позоре живу. Это, может, ты ее живешь в позоре, а я – нормально.

– И я, – сказала Таня и посмотрела на Дениса серьезно, внимательно, и он вдруг задохнулся от прилива восторга. Она была права, я должен побороться, все в моих руках; и я сегодня же устрою все свои дела. Пружинов получит семя стебля. Глеб получит деньги и возможность начать жизнь заново. Я получу Таню.

Это было так чудно, так хорошо: сидеть и спорить вдвоем, чтобы тебе возражал некрасивый человек с серым унылым лицом, а на твоей стороне была бы девушка с насмешливым взглядом огромных глаз. Это было бы совершенно великолепно, если бы в пятистах метрах от места спора не сидели в бронированном экипаже четверо убийц, вслушиваясь в каждое твое слово и нетерпеливо поглаживая стальные суставы автоматов.

Часы показали шестнадцать ноль две. Подошел Кеша, пахнувший кухней. Протянул телефон:

– Тебя.

Денис схватил трубку.

Голос Глеба был бодр.

– Как дела?

– Все нормально, – произнес Денис. И повторил, более четко: – Все нормально.

– Башня «Лев Толстой». Северное крыло. Восемьдесят пятый уровень. Через час.

Глава 9

Ты о нас забудь, сказал старший отряда, глядя на Дениса равнодушно-диловатым взглядом. Ты иди себе спокойно и про нас не думай. Как будто нас нет. Зайдешь, поговоришь, заберешь товар – и назад. Если будут проблемы – мы сами все пойдем и в нужный момент появимся, и поможем... Товарища твоего не тронем. За него не бойся. Понял?

Денис кивнул. Остальные на него не смотрели: деловито навинчивали глушители.

Он сразу взял хороший темп. Сороковые, пятидесятые, шестидесятые проскочил, ни разу не остановившись. Сами сказали – иди спокойно и не думать. Пусть теперь попотеют, пытаясь угнаться за профессионалом... Впрочем, с ними андроид, андроиды не потеют.

Башня «Лев Толстой» была одной из самых запущенных. Здесь никто не жил даже на самых нижних этажах. В первый год искоренения в «Толстом» устроили коллективное самоубийство члены радикальной секты «Воины стебля» общим числом в семьсот человек, и дом снискал дурную репутацию склепа, населенного ходячими мертвецами и призраками.

Сейчас здесь можно было встретить только любопытствующих подростков, любителей пощекотать нервы. Или, наоборот, самых отпетых и расчетливых преступников, из тех, кто скрывается и от закона, и от своих же приятелей.

Между шестьдесят пятым и семидесятым несколько уровней были выжжены напалмом, стекла в окнах оплавилась, из дыр крепко задувал влажный мартовский ветер. На семидесятых Денис ускорился изо всех сил, но и опасные семидесятые здесь пустовали: не донеслось ни звука, ни запаха живых людей. Призраки тоже не появлялись. Только в одном месте, на семьдесят седьмом, стены были испещрены пулевыми отметинами, а лестница – густо засыпана автоматными гильзами, причем вполне свежими.

На восемьдесят пятом замер, перевел дыхание. Прислушался, но не различил за спиной чужих шагов. Бойцы Пружинова знали свое дело. Или просто отстали. Впрочем, с ними андроид, андроиды не знают усталости.

Смрадный, затканый паутиной коридор вывел его в помещение, некогда бывшее рестораном; уцелели несколько столов и стульев, пол был густо засыпан битой посудой, а у стены лежал труп, сгнивший, высохший и объединенный крысами много лет назад.

Нашел погруженную в полумрак кухню, откуда мародерами было вынесено все, кроме одного огромного холодильника, никелированного монстра; его тоже пытались вытащить, передвинули к выходу, но потом, очевидно, поняли, что монстр не пролезет в проем, и бросили, напоследок отвинтив, отрезав и выдернув все, что можно, и вдобавок наложив внутри ящика внушительную кучу дерьма. Дерьмо имело глубокий черный цвет, как небо за окном суборбитального космолана.

Нашел третью дверь налево, – собственно, то была не дверь, а проход, занавешенный истлевшим пыльным одеялом. Осторожно проник. Открылся еще один коридор, освещенный несколькими лампами. Лампы и провода меж ними были новенькие. В дальнем конце коридора стоял, улыбаясь, Глеб, одетый в черное, худой и небритый. Глаза блестели.

«Зачем ему освещать коридор?» – подумал Денис и приветственно махнул рукой.

– Оpozдал, – сказал Глеб. – На восемь минут.

– Расслабился, – объяснил Денис. – После жизни под Куполом.

Глеб кивнул, но смотрел теперь не на своего друга, а ему за спину. Спокойная улыбка сменилась гримасой досады и ярости, Глеб попятился и исчез за поворотом коридора; в тот же момент Дениса сильно толкнули в спину, он упал, а через него уже перепрыгивали, почти бесшумно, огромные быстрые тени.

Лампы в коридоре тут же погасли, все сразу, и Денис ослеп, но атакующие среагировали в долю секунды, включили свои фонари; по потолку и стенам запрыгали круглые пятна света.

Они двигались, как животные, стремительно, огромными прыжками, один, второй, третий, четвертый – исчезли за поворотом. Хрипло, сдавленно заорали, что-то упало; глухо, словно ладонью об подушку, ударили выстрелы, и были еще какие-то не опознанные Денисом звуки: отвратительные, чавкающе-булькающие, и рычание, и ругательства, и стоны, и что-то опять упало, тяжело, с плотным стуком. Денис не рискнул подняться, подождал, прислушался. В десяти метрах от него, за поворотом коридора, продолжало булькать, скрестись и хрипеть. Запахло жженым пластиком. Денис подождал еще.

И вот, услышал: Глеб смеялся. Дико, полушепотом. Потом застонал и позвал:

– Денис!

– Я здесь, Глеб. Здесь.

– Сколько их было?

– Четверо.

– Ага, – медленно ответил Глеб. – Иди сюда.

– Ты где?

– Иди... прямо до поворота. Только медленно. От входа ровно одиннадцать шагов... Потом остановись. Дальше не ходи, а то тебя пополам разрежет.

За поворотом коридора была комната, большая, пустая; фонари нападавших лежали на

полу, освещая мусор и черные лужи крови.

– Не двигайся! – крикнул Глеб и опять застонал.

Денис рассмотрел место боя, и его тут же обильно вывернуло, прямо под ноги.

– Иди вдоль левой стены, – произнес Студеникин, терпеливо дождавшись, пока Денис откашляется. – Прижмись. Руки держи по швам. Тут везде ловушки.

Денис осторожно двинулся, стараясь не смотреть на то, что осталось от нападавших. Из тел продолжала обильно вытекать кровь, и рука одного из бойцов, отсеченная, словно бритвой, ниже плеча, бессмысленно шевелилась, пытаясь достать до скобы валявшегося рядом автомата.

– Теперь ложись на пол и ползи ко мне, – командовал Глеб. – Очень медленно. Голову не поднимай.

Денис различил фигуру Студеникина: он сидел у стены, придавленный огромным телом последнего и самого сильного из бойцов.

– Помоги...

Денис дополз, выпрямился. Ухватил мертвого солдата за локти, потянул. Белое лицо убитого было глубоко рассечено вдоль и поперек, уши оторваны, оба глаза вытекли, губа вместе с частью щеки отрезана, и видна была лицевая кость, почему-то черная.

– Андроид, – пробормотал Глеб. – Мне повезло, что он последним шел. Андроиды всегда идут позади людей... Люди – дешевле...

– Нановолокно, – догадался Денис.

– Да. Трех живых сразу порезало. Хорошая нитка, новейшая, семь микрон... Я тут двенадцать сетей натянул... Смотри, вон у того, блондина, череп на четыре части развалило. А этому носорогу ничего не сделалось, – Глеб уперся обеими ногами в грудь человекоподобной машины и со стоном оттолкнул от себя. – Прямо через ловушку пролез, даже не споткнулся...

– На то он и андроид, – сказал Денис. – Андроиды не спотыкаются. И как ты его?

Студеникин вытер окровавленный рот и показал огромный пистолет с толстым дулом.

– Прикупил у барыг травяных. Хорошая вещь. Направленный электромагнитный импульс. Двадцать тысяч юаней отдал. Но этот, блядь, железный дровосек тоже крепкий, сука... Четыре заряда получил в живот, а меня все равно достал. Руку сломал, по-моему...

– Идти можешь?

– Могу. Только ты не спеши... – Глеб закрыл глаза и улыбнулся. – Я посижу немного... Дух переведу.

– Ты точно в порядке?

Над безобразными кусками тел поднимался пар. Один из фонариков намок от крови, мигнул и погас. Студеникин разлепил веки.

– Как там сказано... Если долго сидеть на жопе и смотреть на труп врага, река выйдет из берегов и намочит твою жопу. Ты уверен, что их было четверо?

Денис опять стало мутить.

– Уверен, – пробормотал он. – Вместе из Новой Москвы летели. На одном космолане. Но у них есть хозяин, Пружинов. Директор-распорядитель Нулевого канала.

Глеб осторожно положил пистолет на пол, высвободил пальцы, – они дрожали.

– Значит, это он хочет забрать у меня семью?

– Да.

Студеникин подтянул колени к подбородку. Посмотрел снизу вверх.

– А ты?

Денис не нашел что ответить. Отвел взгляд.

– Ты это... – Глеб говорил тихо, медленно, мягко, – ты не волнуйся. Я все понимаю. Ты не виноват. Лучше скажи: неужели ты думал, что они прилетят, заберут у нас зародыш и руки пожмут: «спасибо, пацаны»?

– Я вообще ничего не думал, – пробормотал Денис. – Меня заставили.

Глеб кивнул, но Денис уловил печальную иронию в его ухмылке. «Ну и пусть», –

подумал он.

Пусть ухмыляется, я не виноват, меня действительно заставили. И не просто заставили; я до сих пор ощущаю остатки приязни к хорошему красивому человеку Никите Пружинову, гению и труженику. Хотя электронный паразит, присосавшийся к моему спинному мозгу, давно не получает новых сигналов; здесь вам не Пип-Сити, здесь нет активного информационного поля. Здесь все по-другому.

– Они завалили бы нас, – сказал Глеб. – Обоих. Им нужно семечко, а мы – не нужны.

– Но ты говорил...

Студеникин рассмеялся и перебил:

– Этот, как его... Пружинов... Он ведь охует! Пацан в телогрейке четверых его бойцов на фарш порубил! Скажи, круто? Как по нотам прошло! – Он громко сглотнул. – Да, брат! Я сказал, чтоб ты нашел под Куполом людей достойных. Но на самом деле я ждал, что приедут не самые достойные, а гады какие-нибудь, со стволами. Если бы ты привел достойных и честных – я бы очень удивился. Так всегда бывает, Денис. Ищешь самых достойных – находишь самых жадных. Самые крутые гады, реальные упыри – они всегда под достойных маскируются.

Под подошву сапога натекла кровь. Денис ощутил злобу.

– То есть ты все продумал, да? Заранее?

– Выходит, что так, – трезво ответил Глеб. – Зато теперь я точно знаю, кто главный охотник за моим зародышем. Этот Пружинов – чего, говоришь, он директор? – Нулевого канала.

– Чиновник?

– Да. И миллиардер.

– Не военный?

– Нет.

– И эти, – Студеникин показал на бесформенные куски мяса, – его личная банда?

Денис кивнул.

– Значит, – сказал Студеникин, – дело сделано. Я решил так: Денис – умный человек и он сразу отсеет дилетантов и всяких лохов. Появится информация, что в Москве найдено семечко, пойдет шевеление, определятся претенденты, они вокруг Дениса покрутятся, более сильные отодвинут слабых, произойдет отбор, и в мои сети прилетит самая жирная муха. Прикинь, брат, какой я умный! Я сейчас сижу и сам от себя охуюю.

– Ты убил троих и радуешься.

– Иначе они убили бы и меня, и тебя.

Денис прочистил горло, но звуки все равно вышли трудно, сипло:

– И что ты будешь делать теперь?

– А ты бы что сделал? – Глеб скривился. – Продолжал искать честных и достойных?

– Да, – сказал Денис.

– Тогда иди. Ищи.

– А ты?

– А про меня забудь. Семя – мое. Оно будет у меня. Я сам решу, кто достоин, а кто недостоин. Пока я таких не вижу... А вижу только кучу мяса! И пластмассового дебила, обученного убивать таких, как я!

Студеникин схватил пистолет, вытянул руку и нажал на курок. Дуло с треском выплюнуло огромную фиолетовую искру. Андроид конвульсивно дернулся, пальцы его сжались и разжались.

– Видал? – Глеб опять выстрелил. – Электрический палач пришел за моим зародышем! Но хуй-то! Не так просто взять Глеба Студеникина! Нет вокруг меня достойных! Я и есть самый достойный!

– Надо выбирать, – сказал Денис.

– Выберемся, – сухо ответил Студеникин. – Только в разные стороны, малыш. Ты направо, я налево. Ты – домой. А я – туда, где семечко спрятано...

– Зачем оно тебе?
Глеб дернул головой, посмотрел дико.
– Не знаю. Честно – не знаю! А что с ним делать? Налить воды? В почву бросить?
– Налей, – посоветовал Денис. – Сделай, друг. Плесни водички. По крайней мере, перестанешь мучиться.
Глеб помрачнел:
– Нет. Я уже думал. Наладить бизнес, барыг подключить, вырастить грибницу – через пару лет стану самым богатым. Импорт в Китай, в Чили, в Штаты... Монополия! Объявлю себя спасителем отечества! Проблема голода решена, все довольны, на каждом перекрестке – моя статуя из чистого золота... А что у кого-то родятся зеленые человечки – это чепуха. Сорок миллионов сытых и счастливых – и каких-то пять или десять тысяч гомо флорусов. Тут даже думать нечего.
– Значит, брось его в почву.
– Не могу! – выкрикнул Глеб. – Да, я сволочь... Но все-таки, бля, не последняя сволочь! Не хочу никого губить. И главное – не хочу выбирать из двух. Бросить в почву, не бросить в почву... Я где-то читал, что выбор из двух – это выбор дьявола. Не буду выбирать. Ничего не буду делать. Сяду возле него и успокоюсь. Навсегда. Оно – мое. Оно не просто так ко мне попало. Оно само меня выбрало! Значит, мне его хранить. А что будет дальше – мы с тобой не знаем и знать не можем...
Денис помолчал. Глеб дрожал, черты лица его заострились.
– Иди, – сказал он. – Справа в углу – второй выход. Иди, малыш.
– А ты?
– За меня не переживай.
– А с Пружиновым как?
– Пошли его на хуй. Ты ему не нужен. Скажи, Глеб Студеникин кланяться велел. Если начнется шум насчет трупов, вали все на меня. А теперь – иди.
Денис медленно встал. Надо было что-то сказать. Что-то особенное, важное.
– Мы еще увидимся? – спросил он.
– Конечно, – ровным голосом ответил Глеб. – Кроме тебя, мне доверять некому. Как все утихнет – я сам тебя найду...
Второй выход оказался дырой в стене: пробитый кувалдой лаз, едва в метр высотой. С той стороны тянуло затхлым.
– погоди, – прохрипел Глеб. – Как там Таня?
– Нормально.
– Не бросай ее. Она тебя любит.
– Я знаю, – сказал Денис.

Часть 4

Глава 1

Годунов выглядел неплохо, как настоящий турист из-под Купола, и не простой обыватель в поисках экзотики, а настоящий «старый добрый русский», в нем за тридцать метров угадывался ветеран искоренения, прибывший издалека, проинспектировать, что за новую жизнь построили новые люди в старой столице. Старческая худоба – когда дряблая, истончившаяся шея торчит из воротника рубахи – не портила легендарного писателя, как не портят воина отметины вражьих сабель. Сидел за столиком, на самом краю шербогatego тротуара, жевал калач, отхлебывал из чашки топленые сливки. В темных очках отражалась тихая малоэтажная Тверская с ее историческими фасадами: гранит, кирпич, сплошной ряд мемориальных досок; для вящей сохранности все затянуто сверхпрочным, практически невидимым пластиком.

Обнялись. Денег у Дениса было мало, на Крестьянской Заставе пришлось выйти из троллейбуса и несколько километров пройти пешком; сейчас он с удовольствием опустился на стул и вытянул ноги.

– Как вам Москва?

– Хороша, – объявил Годунов. – Лучший город на свете. Только где все люди?

– Полдень, – объяснил Денис. – Взрослые работают. Школьники и студенты на учебе. Старики по домам сидят. Какие вам нужны люди? Бездельники и разложенцы выползут позже, часам к пяти.

– Значит, я похож на разложенца, – пробормотал писатель, оглядываясь.

Денис засмеялся:

– Нет. Разложенцы не сидят в уличных кафе. Чтобы не раздражать трудящихся своим видом. Вы похожи на туриста из-под Купола.

– Я и есть турист.

Денис улыбнулся:

– Какой же вы турист, Гарри? Вы – свой. Местный.

– Спасибо, друг, – сказал Годунов, заметно растроганный. – Приятно вернуться через пятнадцать лет и услышать, что тебя до сих пор считают своим...

– Я думал, вы остановитесь у меня.

– Это лишнее, – мягко возразил Годунов. – Мне дали хороший номер. А цветы какие тут у вас! Я себе сразу два букета купил, на окнах поставил... Красиво, вид на Кремль... И потом, ты живешь не один...

– Уже опять один, – сказал Денис.

– А твоя девушка?

– Переехала к себе. У нас с ней идейные разногласия.

– Хо! – Годунов засмеялся. – Звучит круто. Приятно знать, что у таких молодых людей уже бывают идейные разногласия.

– Звучит, может, и круто, – сказал Денис. – Но на самом деле – печальная история.

Писатель опять засмеялся.

– Ладно, это не мое дело. Милые бранятся – только тешатся. Лучше скажи вот что: у тебя есть адрес матери?

Денису принесли фирменного чаю, с дымком, в стакане с подстаканником, сбоку – профиль товарища Сталина; в последний год могущественный «Интурист» хорошо наловчился заманивать богатых иностранцев товарищем Сталиным; бренд «товарищ Сталин» отлично продавался; прапраправнуки тех, кого усатый товарищ сгноил и послал на смерть, теперь жили за счет продажи изображений усатого, белых наркомовских кителей, смершевских фуражек с прямоугольными козырьками и прочего сопутствующего товара. Умный студент Денис отхлебнул и подумал, что со времен Хеопса тираны уничтожают подданных, но обеспечивают безбедное будущее их отдаленным потомкам.

– Адреса нет, – ответил студент. – Мама оставила телефон какого-то человека, который знает, где она. Но тот человек не скажет. Она... никого не хочет видеть. Как только у нее пошли по телу пятна – она сразу собралась. И уехала. Куда-то под Рязань...

– Я хочу найти ее, – твердо произнес Годунов и на глазах помолодел примерно на двадцать лет: взгляд стал ярче, и ладонь ударила по столу твердо и тяжело. – Она жена моего друга, и я не могу...

– Она сказала – никого.

– Зря! Есть новые лекарства. Хорошие.

– Вы не понимаете, – сказал Денис. – Это был ее выбор. Она сама перестала принимать цереброн. Я нашел в ее шкафу пять нераспечатанных упаковок.

Годунов опять сделался ветхим и сгорбленным. Достал сигареты.

– Здесь не курят, – тихо сообщил Денис.

– У меня есть разрешение.

– Гарри, здесь не действуют никакие разрешения. Здесь просто не курят, и все. Никто

не курит.

Годунов помянул черта.

– Мы на улице! Почему я не могу курить?

– Потому что Москва – экологически чистый город, – снисходительно объяснил Денис. – Если хотите курить – можем переместиться в заведение для разложенцев, но там не та публика... Или, хотите, поедem ко мне на район, я покажу вам, где живу?.. Посидим в моем кафе, в «Чайнике». Там и курят, и пьют. Грязновато, но зато все свои. Познакомлю вас с друзьями.

– Конечно, поедem, – кивнул Годунов и сыто зажмурился. – Только не спеши. Я пятнадцать лет здесь не был. Хочу немного погулять. В храм зайду и в третьяковку...

– Только гуляйте аккуратнее, – посоветовал Денис. – И еще – вам надо переодеться. Здесь в такой одежде не гуляют. Через десять минут за вами будет ходить толпа шлюх и валютчиков. Лучше замаскироваться под местного.

– Хо! – воскликнул Годунов. – Маскироваться! Это я люблю. Кстати, я привез тебе подарок.

Он положил на стол ярчайший журнал толщиной с книгу. Над столом повис умопомрачительный сладкий запах. Замысловатого дизайна буквы на обложке прыгали, перемещались с места на место, вставали на дыбы, толкали друг дружку, чтобы однажды вдруг замереть в нужном порядке: «Самый-Самый».

– Спасибо, – искренне сказал Денис.

– Там есть статья про расшифровку генома грибницы.

Денис перевернул журнал лицевой стороной вниз.

– Меня не интересует грибница. И ее геном.

– Врешь. Интересует.

Денис вздохнул:

– Ладно. Вру. Интересует. Но чисто теоретически. После того случая у меня нет желания заниматься геномами, грибницами, зародышами и прочим зеленым дерьмом. С меня хватит крови.

Годунов помолчал. Аккуратно, по-стариковски, прожевал кусочек калача. Тихо осведомился:

– А была кровь?

Денис кивнул, решил отмолчаться, потом подумал, что перед ним все-таки писатель, и не простой, а тот самый, чью книгу зачитывали до дыр.

– Пружинов послал меня за семечком, – сказал он. – По моим следам отправил своих мордоворотов. Но Глеб... В общем, все люди Пружинова погибли, а его самого я послал к черту и пригрозил пойти в управу. И с тех пор не видел ни Глеба, ни Пружинова. Ни зародыш. Правда, потом за мной следили. Три месяца. Почти в открытую. То машины какие-то стояли у входа в дом, то личности непонятные в «Чайнике» крутились... Но Глеба, повторяю, я не видел, он мне даже не звонил. Сейчас слежки нет.

– Или есть, – вставил Годунов. – Но более хитрая.

Денис кивнул:

– Допустим. Мне все равно. Я запутался. И вообще, мне было не до Глеба.

– Конечно, – сказал Годунов. – Понимаю.

Он снял очки; выцветшие, чуть слезящиеся глаза над дряблыми нижними веками смотрели сурово, печально.

– Ты не должен был отпускать маму.

Денис сжал кулаки. Всю последнюю неделю он махал кувалдой, и запястья сразу заболели.

– Она ничего со мной не обсуждала. Просто собралась и уехала. Сказала, что хочет жить одна. Я был у ее врача – он только руками развел. Это, мол, стандартная реакция. Она не первая и не вторая, кто перестал принимать цереброн по своей воле. Врач сказал, что хосписы переполнены.

– Ты должен был помочь ей.

– Как? – грубо спросил Денис. – Отправиться в прошлое? Приказать не жрать мякоть?

Годунов отвернулся. «Боится, – подумал молотобоец. – Это ведь не я, а он должен был помочь моей маме. Это он должен был сказать им всем: не жрите концентрат, живите как люди. Знайте меру. Ибо кто знает все, но не знает меры, тот ничего не знает. А он – не помог. Сам не жрал, но других не остановил. И я могу прямо сейчас сказать ему это, бросить в лицо упрек... Но не скажу, не брошу».

– Ты прав, – пробормотал старик, бессмысленно ломая калач; уже подошли к его ногам несколько толстых голубей в ожидании угощения. – Это не ты должен был помогать своей матери. Это я должен был помогать. А я... Прости, сынок. Это мы, старики, все просрали. Сами виноваты.

– Вы не виноваты, – твердо ответил Денис. – Вы жили как могли. И вообще... «Кто виноват?» – это не вопрос. Лучше скажите, что такое семя стебля.

Старый Гарри швырнул птицам крошки.

– Первоплоть, – сказал он. – Праматерь всего живого. Вырастает там, где концентрация живой разумной материи достигает критического значения. То есть в крупных городах. Только в крупнейших мегаполисах и только в определенный момент... Что это за момент – никто не знает.

Денис пинком ноги отогнал голубей и пробормотал:

– «Когда земля пропитается кровью врагов на тридцать локтей».

– Может быть, – тихо сказал Годунов.

– Все равно, я не понимаю. Вы говорили, что существует как минимум полдесятка зародышей. Что у китайцев есть зародыш и у военных есть зародыш... Откуда они взялись? Они где-то найдены? Или клонированы?

– Не знаю, – ответил Годунов. – Возможно, есть и те и другие. Одни найдены, другие выращены искусственно.

– Тогда почему миллиардер Пружинов не клонировал себе такой же зародыш? Или десять зародышей? А прилетел за ним сюда и послал спецназ? Андроида ценой в три миллиона?

Годунов с сожалением повертел в пальцах незажженную сигарету и повторил:

– Не знаю. Скорее всего, клонировать семя не так просто. Нужны деньги, технологии, специалисты. Когда началось искоренение, все частные лаборатории разгромили и сожгли. Попутно выяснилось, что из десяти лабораторий девять занимались не изучением стеблероста, а возгонкой мякоти. Можно предположить, что технология утрачена... В общем, я не знаю.

– Знаете, – сказал Денис. – Вы, Гарри, все знаете. Вы написали «Священную тетрадь», я наизусть ее помню! «Есть нечто, мать стебля и отец его, альфа и омега, начало и конец! Упокоено во прахе, от века и до века, и само есть тайна тайн. Оно ни живо, ни мертво, ибо спит, и сон его глубок. И горе тому, кто потревожит сон его...»

Годунов улыбнулся, как нашкодивший мальчишка, и опять резко помолодел.

– Этого я не писал. Клянусь. Мой текст был совсем короткий, его потом дополняли и переделывали. Нашлись какие-то пророки, апостолы, каждый сочинял свое. Это объяснимо. Даже в Библии есть четыре варианта одной и той же истории, так называемые синоптические Евангелия, плюс существует более десятка Евангелий, не включенных в канон... Да, я что-то написал о семенах... Два или три абзаца. Просто потому, что всякое растение вырастает из семени. И если есть трава – стало быть, есть и семя.

– Значит, все-таки вы первым придумали его. Семя стебля.

Годунов выдохнул и огляделся. Стоящий в дверях тощий официант равнодушно смотрел на его сигарету.

– Давай здесь не будем.

– Будем, – возразил Денис. – Тут не Пип-Сити, тут не следят за каждым вашим чихом. А если и следят – мне, повторяю, плевать. Если зародыши созданы руками человека, а не

найлены где-то на Луне, или в Антарктиде, или в африканской пустыне – тогда их незачем изучать. Если это не инопланетная тварь, а всего лишь самоделка, тогда все проще. Тогда их надо замуровать где-нибудь. Навечно. Выкинуть в открытый космос, опустить в жерло вулкана...

– Или активировать, – пробормотал Годунов.

– Нет. Их нельзя активировать.

Годунов пренебрежительно хмыкнул.

– «Можно», «нельзя» – это очень странные слова, дружище. История учит нас, что все запреты рано или поздно нарушаются. Табу не работают. Есть великие тысячелетние табу – например, не есть человечину или не спать с собственной матерью, дочерью или сестрой, – но людоедство и инцест были и будут. Однажды кто-то бросит семя в почву. Завтра или через десять лет. Можешь быть уверен. Его бросят просто из любопытства. Или из корысти. Или чтобы почувствовать себя сверхчеловеком, как этот маньяк Пружинов... Или для того, чтобы изменить мир.

– К черту, – сказал Денис. – Зачем его менять? Он и так сам собой меняется. Вы жили в одном мире, я живу в другом.

Годунов невесело рассмеялся?:

– Интересно. Ты молодой, сильный, умный – ты не хочешь изменить мир?

– Я его меняю, – сказал Денис. – Каждый день. Я ломаю башни. Я учусь в институте. Я люблю свою мать и свою девушку. Если я увижу, что кто-то ведет себя неправильно, – я подхожу и даю по шее. Это мой способ изменить мир. Я – не как вы, не сочиняю книг... Я не такой умный. Я не могу придумать что-то гениальное. Я не художник, не ученый и не изобретатель. Зато в моем присутствии никто не может обидеть слабого. Ударить женщину. Толкнуть старика. Обмануть наивного. Растворить ребенка. Так я меняю мир.

Годунов отодвинул пустую чашку.

– Тогда, – сказал он, – ты должен найти Глеба. Забрать у него семя и замуровать его. Или запустить в космос.

– Я? – переспросил Денис. – Я должен? Нет. Это мне не по силам. Мне казалось, что вы мне поможет, Гарри. Я думал, это вы, умный взрослый человек, заберете у меня семя. И отдадите тем, кто замурует или запустит в космос. А вы мне не помогли. Вы правильно сказали: скорее всего, за мной до сих пор следят. Потихоньку, издалека. Меня схватят сразу же, как только я возьму зародыш в руки...

Годунов помолчал. Теперь это было совсем старое существо. Серое, жалкое, со слезящимися глазами.

– Я искал, – угрюмо произнесло существо. – Я искал надежных людей пять месяцев. С тех пор, как ты исчез из-под Купола. Я прилетел сюда, Денис, не ради твоей матери. Я знал, что рано или поздно она перестанет есть свои таблетки. Она сидела на цереброне двадцать лет, это настоящий подвиг. Таблетки неплохие, они помогают, но жить от таблетки до таблетки – это сущий кошмар. Головные боли, нервные расстройства, депрессии, боль, страх – вот плата за то, чтоб оставаться человеком... Твоя мама, Денис, очень сильная женщина. Она ждала, когда ты вырастешь. И станешь взрослым...

Денис молчал. Гладил пальцем кожу журнала. Вырос ли я? Взрослый ли я? Раз мамы больше нет – значит, да. Вырос. Из праха к свету, по прямой.

– Я прилетел не к твоей маме, а к тебе, – повторило серое существо. – Чтобы рассказать про надежных людей. Я нашел их. Слава богу, их оказалось немало. Это не какие-то супермены, это обычные люди... Но если им не верить, тогда и жить незачем...

Годунов перегнулся через стол и зашептал:

– Все они сказали одно и то же: семя неуничтожимо. Замуровать его нельзя. Я сам видел, как росток стебля, вот такой, – Годунов показал мизинец, – пробил насквозь плиту из легированной стали. Про космос и говорить нечего. Это нам не по силам. Можно попробовать залить зародыш эластичной водонепроницаемой смолой, вывезти в океан... В какое-нибудь море Лаптевых. И бросить за борт. Но никто никогда так не делал, и

неизвестно, как эта дрянь поведет себя... Еще вариант: есть люди, готовые забрать зародыш на хранение. Его положат в сейф, в одном из частных банков, вне российской юрисдикции...

Денис помолчал.

– А остальные семена? – спросил он. – Как быть с ними?

– Никак. Они останутся на своих местах.

– То есть наша затея не имеет смысла.

– В принципе, да. Но их станет на одно меньше. Уже неплохо.

Денис медленно убрал подарок – журнал отца – в сумку.

– Что же, – сказал он. – Вы правы. На одно меньше – уже неплохо... Только знаете что, Гарри? Я вам не верю.

Годунов моргнул.

– Пружинов сказал мне, что вы переехали под Купол не по своей воле. Вас заставили. Это правда?

Писатель опять сделался моложе. Он дернулся и стиснул кулаки. Улыбнулся и порозовел.

– Он сказал, – продолжил Денис, – что вам предложили выбор. Или ликвидация, или переезд в Новую Москву и работа под контролем.

– Не совсем так. Насчет ликвидации – это он наврал. Убивать – это не их метод. Они хуже умеют (Годунов яростно сощурился). Один укольчик – и человек становится немного глупее. Немного медленнее соображает. Сколько будет дважды два – помнит, а вот площадь круга вычислить – уже с трудом... Сначала они сделали презентацию. Вкололи слабый раствор. Все было очень грубо: пришли домой, дали по морде и выстрелили в ногу ампулой. Посмеялись и ушли. За следующую неделю я не смог написать ни строчки. Я жрал, спал, жил обычной жизнью – но мозги не работали. Я испугался. Потом действие препарата кончилось, и все стало как прежде. А еще через несколько дней они опять появились. Уже с документами. Или подписывай, или получаешь полную дозу и идешь на слом, махать кувалдой... У них тогда была целая кампания по перемещению творческих личностей. Насколько я знаю, никто не отказался. Либо уехали под Купол, как я, либо сбежали за границу, как Гриша Дно. Художники, композиторы, скульпторы, архитекторы в основном эмигрировали, а писатели – остались. Не все, но большинство. Предпочли быть со своим народом... (Годунов осклабился). Тем более что весь их хваленый тотальный контроль на моей работе никак не отразился... Я как писал, что хотел, так и пишу, и буду писать. А кто и как меня будет печатать и читать – это другой вопрос.

– Пружинов говорил, что они до сих пор забирают отсюда самых умных и талантливых...

– Я чувствую, он много чего тебе наплел, – проскрипел Годунов. – Юберменш хуев. Только зря ты его слушал. Мой дружок Никитка на волоске висит. Он ведь никакой не миллиардер. Обычный управляющий. Его хозяева – литиевые магнаты. Нулевой канал создан на их деньги. Он показал им свою хваленую технологию, активное информационное поле – они поверили и вложились. С тех пор он десять лет не может отладить систему... Постоянные сбои, ошибки программы... А главное – канал контролирует только один город. Новую Москву. Поле есть там, где на каждом углу ретрансляторы. Отъедешь на три километра – нет поля! Приходится вдобавок наебывать людей по старинке, при помощи фильмов про Буслая. Облажался Никитка, ему недолго осталось. Он думал, что отделит умных от глупых, свезет всех умных в одно место, вставит каждому в жопу микросхему – и будет счастье... А хера лысого! Никому не дано разделить умных от глупых. Его шестерки понавели под Купол каких-то идиотов, плюс каждый чиновник норовит перетащить всю свою родню, плюс помимо Пружинова идет приток нуворишей, заработают в Европе и едут жить под Купол... – Старый Гарри фыркнул. – Мой дружок Никитка думал построить Город солнца, а построил Содом. В Европе выросла молодежь, полно хороших светлых ребят, талантливых. Таких, как ты. И никто не хочет под Купол к Никитке, потому что тут – веселее...

– Да, – согласился Денис. – Тут весело... Пойдемте, Гарри. Купим вам штаны и ботинки. Только у меня деньги кончились.

– Сегодня кончились, завтра опять начнутся, – хмыкнул Годунов, вставая. – Показывай дорогу.

Пока шли, за ними увязался субтильный валютчик в кожаном жилете и смазных сапогах; в конце концов Денис показал ему кулак, и малый шустро отвалил в подворотню.

– Хо! – возбужденно воскликнул писатель, войдя в магазин народного кооператива «Все свое». – Изобилие! Гляди, какие унты! А это что? Кроличьи рукавицы?

– Скоро сезон, – ответил Денис. – Уже завезли зимние шмотки. Берите вот эти ботины и вот эти портки.

– А поприличней ничего нет?

– Бери, родной, – басом сказал продавец, выхватил с полки мощнейшие черные боты и с грохотом утвердил на прилавке. – Приличней нет и не бывает. Настоящая кожа, прошиты стальной проволокой. Вещь! Сносу не будет. Модель называется «море по колено». Или вот эти; глянь, какие красавцы! Хит сезона. Модель «полуколхозник».

Годунов захохотал:

– Как вы сказали? «Полуколхозник»?

– Да. Есть просто «колхозник», есть «полуколхозник».

– Мы ж вроде в городе, – осторожно возразил писатель.

– Не влияет, – ответил продавец.

Годунов приобрел, переобулся.

– К ним идет подарок, – прогудел продавец. – Натуральный гуталин на основе свиного жира.

Подарок на основе жира издавал ядреный аромат. Старый дядя Гарри заметно засомневался.

– Подарки не берем, – отрезал Денис. – Это неправильно. Мы не разложенцы, нечего нас подарками заманивать.

Благоуханная банка тут же исчезла.

– Бог в помощь, – на прощание сказал продавец и почесал кудлатую голову. – Кстати, завтра привезут осеннюю коллекцию. Комбезы будут, душегрейки, бушлаты с подстежкой... Заходите, мужики. Своим всегда рады.

– Хороший человек, – сказал Годунов, когда вышли из зала, пропахшего радикальным духом кож, резин и натуральных гуталинов.

– Не надо иллюзий, – ответил Денис. – Их специально учат. У них все продумано. С покупателем строго на «ты». Для создания атмосферы доверия к отечественному производителю. Магазины все маленькие, троим не повернуться. Чтоб только покупатель и продавец, и чтоб весь товар был на расстоянии вытянутой руки. «Своим рады» – это их девиз, типа рекламного трюка. Ерунда, конечно. Говорят, даже в самой честной торговле нельзя обойтись без элементов разложения...

– Все равно, мне понравилось, – сказал писатель. – Душа поет. Куда теперь?

– Поищем такси.

– Не надо нам такси, – решительно возразил Годунов. – Двинем, как люди, на общественном транспорте. Что тут у вас – трамвай?

– Троллейбус, – поправил Денис. – Но это долго будет.

– Отлично, отлично. Троллейбус! То, что нужно! И билетик надо покупать?

– Обязательно, Гарри, – сказал Денис. – Только если у вас с собой много денег – вы лучше их понадежнее засуньте. Вытащат.

– Хо! – крикнул Годунов. – У вас есть карманники?

– Бывают. Месяц назад двоих расстреляли. У нас, Гарри, все есть. Полный набор. Одну банду поймают – другая появляется. Так что если вы решили ехать в троллейбусе – вы воротничок поднимите и руки держите в карманах. И лицо такое сделайте, ну, как будто ищите, кому бы по роже дать...

Годунов послушно изобразил.

– Прекрасно, – похвалил Денис. – У вас талант.

– У меня не талант, а судимость, – ответил писатель и продул зуб. – Дали шесть лет, через полгода амнистировали. А благодарить за это надо Никитку Пружинова. Кстати, в тот день, когда тебя похитили, он мне организовал арест на сто часов. Чтоб я, значит, под ногами у него не путался... Это что, троллейбус?

– Да, – сказал Денис.

– Мощный агрегат.

– Зимой на них гусеницы ставят. И впереди – нож. И людей везет, и снег чистит. Экономия.

В длинном салоне было душно. Честной народ – главным образом старики – обсуждал очередной виток инфляции. Пахло нафталином и гнилыми зубами.

– Оплочиваем! – надсадно крикнула билетерша, и грудь ее заколыхалась.

Годунов извлек деньги. Билеты спрятал в портмоне:

– На память.

И полез, втираясь в толпу, на заднюю площадку.

– Стойте тут, – шепотом посоветовал Денис, пытаюсь удержать старика за твердый локоть. – Там хулиганы.

– Хо! – сказал Годунов. – А я тебе кто? Мамаша, прими вправо! Граждане, пропустите ветерана трех войн!

Какие-то девчонки в студенческих тужурках расхохотались, а одна, самая румяная и дерзкая, встала с лавки.

– Садитесь.

– Прекратите, юная леди! – вскричал старый Гарри. – Вы меня позорите. Лучше скажите, это что там такое красненькое белеется? Неужели Кремль?

– А вы не местный? – спросила румяная и дополнительно зарумянилась.

– Местный, – сказал Годунов. – Но не отсюда. Кстати, эта телогреечка вам очень идет. Денис, смотри, какая женщина красивая! И соседка ее тоже! Девочки, а где ваши мальчики?

– А мы без мальчиков, – ответила румяная, за всех.

– Это вы зря. Таким девочкам нельзя без мальчиков. Я, правда, не мальчик давно, поэтому, сами понимаете, не навязываюсь...

На задней площадке действительно обретались несколько темноликих тощих субъектов в кожаных пиджаках. Тут пахло иначе: носками и перегаром.

– Хо! – сказал Годунов. – Шпана. Люблю.

Субъекты коротко скрипнули кожами пиджаков. Годунов огляделся и стал отвоевывать пространство, для начала – звуковое. Он обстоятельно прокашлялся, фыркнул, вздохнул и простонал длинное ругательство, совершенно нечленораздельное, но отчетливо матерное. Субъекты молчали, это была их ошибка. Денис с трудом сдерживал смех. Он кое-чему научился за три года общения со Студеникиным, Хоботовым и пацанвой из их бригады.

Одержав первую победу, Годунов тут же развил успех, встал свободно, широко раскинул руки, вцепился в поручни – оккупировал столько места, сколько смог.

– Люблю это, – громко сообщил он Денису. – По Москве, на троллейбусе, среди людей достойных. Под Куполом не так. Скучно там. Даже морду набить – и то проблема. Напьемся в кабаке – тебя на улицу не выпустят, понял? Вызовут такси. Само собой, за твой счет. То есть, понимаешь, они тебе будут наливать, сколько скажешь, но твой адрес есть в файле, и компьютер ихний, сука, сразу подсчитает, сколько денег надо заморозить на твоём счету, чтобы точно хватило на такси. И в определенный момент тебе говорят: все, родной! Больше не наливаем. Иначе тебе на такси не хватит...

– А если ты не хочешь – на такси? – спросил Денис. – Например, охота пешком пройтись, проветриться?

– Тогда ментов вызовут. А менты тебя проветрят за шесть секунд. Такой ветер организуют, что мало не покажется.

Один из кожаных субъектов – прыщавый, бледнолицый, как бы только сегодня утром вернувшийся с исправительных работ – не выдержал и хмыкнул.

– Что тут смешного, братан? – спросил Годунов, поворачиваясь. – Это, блин, грустно очень, а ты смеешься. Нашел, тоже, тему для смеха. Там, под Куполом, знаешь, как лютуют? Там за любую мелочь на сто часов закрывают, а в хате стены мягким обиты, и ты сидишь там, один, и воешь. Слезы, сопли, жить не хочется. Это называется «вживить дозу стыда». Чувствуешь чистый стыд, понял? Моральное страдание. Дают жрать – а ты не можешь жрать, тебе стыдно жрать. Тебе даже дышать стыдно. Это очень больно, братан. Сто часов – четверо суток. Кое-как уснешь, ночью проснешься от холода, хочешь клифтом укрыться – а тебе стыдно клифтом укрываться! Наутро просыпаешься, и тут же тебя накрывает: ах, блин, что я наделал, как я мог, зачем, какой я идиот... И так до вечера. Дозняк держит трое суток, на четвертый день полегче, потом выпускают и в файл отметку ставят, и если опять когда-нибудь попадешься – доза будет уже двойная, понял? Так что не надо мне тут ха-ха исполнять, братан, потому как не смешно это все, а наоборот...

На площадке установилось гробовое молчание.

– У нас не так, – вдруг сказал бледнолицый.

– А как у вас? – сурово спросил Годунов. – Расскажи.

Бледнолицый улыбнулся, посмотрел на своих соседей – те тоже ухмылялись, щерили серые рты, но без особой злобы, скорее – с печальным превосходством.

– Как у нас? – переспросил бледнолицый. – У нас проще, братан. Гораздо проще. У нас расстреливают.

И все они, опять скрипнув локтями и воротниками, засмеялись. Сначала тихо, опустив лица, себе в грудь, дальше – громче, откровеннее, и потом – больше и смелее, и сам Годунов тоже подхватил, и Денис, и девчонки у окна, и несколько старух, слушавших весь разговор с обычным старушечьим интересом, и спустя минуту половина пассажиров смеялась. Не хохотали, не надрывали животы – сдержанно, трезво пересмеивались, переглядывались. Ха-ха! Как у нас? У нас очень просто. У нас расстреливают. Что может быть проще?

Глава 2

– Я в восторге, – провозгласил Годунов, выбравшись из троллейбуса и оглядываясь. – Какие прекрасные, открытые люди. Это что, твой район?

– Да.

Писатель задрал голову. «Интересно, – подумал Денис, – что он видит? Действительно ли ему нравится или это самогипноз? Мне бы не понравилось. Я бы решил, что попал в трущобы». Старый дом эконо-класса, дважды обвитый эстакадами и путепроводами, давно закрытыми для проезда по причине того, что некому ездить и не на чем. Сверхсовременное резиноасфальтовое покрытие демонтировано и переплавлено в сырье для производства сапог. Под эстакадами – сарай, амбары, курятники; многие и коз там держат, и коров даже. Первые два этажа башни сплошь закрыты вывесками контор и магазинов, все очень просто, фанерные листы, картинки в две краски; с третьего по седьмой – зеркальные стекла, кое-где даже пуленепробиваемые; дальше, до двадцатого, – сплошные гирлянды развешанного по веревкам белья. Еще выше – нежилая, запретная зона, восемьдесят уровней слепых окон, с огромными пятнами черной копоти в тех местах, куда попадали патрульные ракеты. Как водится, несколько этажей выжжены целиком, здесь это девяносто третий и девяносто четвертый; тут жгли мало, тут окраина, богатые не жили на окраинах. Говорят, до искоренения в этом доме на верхних этажах были недорогие отели.

– Хороший дом, – похвалил Годунов. – Слушай, давай-ка мы сделаем вот что. Позвони своей девушке. Ее зовут Таня?

– Да. А зачем?

– Я хочу пригласить ее в ресторан. Вон, вывеска хорошая. «Евроблины».

– Она не пойдет, – сказал Денис. – Она на меня обиделась.

Годунов удивился:

– А при чем здесь ты? Обойдемся без тебя. Желаете присоединиться – присоединяйтесь, не желаете – иди погуляй...

– Она не пойдет, – повторил Денис.

– Просто набери ее номер. И дай мне трубку. А там посмотрим...

Денис подчинился. Годунов ловко выхватил у него телефон, пошлейшим образом изогнул губы, отпрыгнул на несколько метров и принялся гнусаво бубнить, периодически вздыхая и закатывая глаза; слушать его длинные опереточные фразы, как бы вышедшие из-под пера сочинителя второразрядных любовных романов, было невозможно, и Денис отошел в сторону.

– Хо! – провозгласил Годунов спустя пять минут. – Старый Гарри в отличной форме. Она согласна. Ты идешь?

– Нет, – ответил Денис. – Во-первых, я не уважаю «Евроблины». Это дорогое заведение, и там полно разложенцев. Во-вторых, мне надоели кабаки. И кафе, и распивочные, и трактиры. Я и так каждый вечер сижу в кабаке.

– Дурак, – сказал старый Гарри. – Ты хоть раз ходил в кабак с русским писателем?

– Нет.

– Тогда пойдем. Увидишь, что это такое.

Писатель не притронулся к меню, резко потребовал яичницу на сале, а в ответ на вопрос халдея – «что будете пить?» – изобразил обиду.

– Земляк, – проникновенно произнес он. – Я пролетел четыре тыщи верст и прибыл в город моей молодости. Потом пришел к тебе и попросил яичницу на сале. Как ты думаешь, что я буду пить?

– Водку, – без раздумий ответил халдей.

– Действуй!

Денис огляделся; в углу заметил кого-то, смутно знакомого; впрочем, знакомый равнодушно скользнул по нему взглядом и сразу отвернулся, тем более что его компания состояла из двух раскрашенных, с голыми плечами баб из серии «угостите даму закурить». Бабы маскировали вторые подбородки горностаевыми мантиями и выглядели архетипически, наподобие карикатур из молодежного еженедельника «Строитель новой жизни». «Не дай бог, и Таня придет в мантию, – панически подумал Денис. – С ней станется. Она все лето психовала, что денег нет. И по дому расхаживала только в любимой майке с надписью: “Конченная сука”». Иногда это очень возбуждало Дениса, в другие моменты бесило. Так они и прожили почти полгода: непрерывная война с ежедневными перемириями под одеялом.

Тем временем Годунов закурил сразу две сигареты, издал стон наслаждения и спросил:

– Это заведение для разложенцев?

– Да.

– Хорошее место. Жаль, цветов нет. Среди цветов разлагаться приятнее. А разложенцы – это те, кто делает деньги, а не вещи?

– Точно.

– А если человек делает вещи и на этом разбогател? Он не разложенец?

– Нет, – ответил Денис. – Он правильный предприниматель.

– И он не ходит в «Евроблины»?

– Ходит. Только у таких людей нет времени ходить в «Евроблины». Правильные предприниматели деньги экономят и все вкладывают в дело, а не пропивают по злачным местам. «Евроблины» и прочие заведения, где принимают только твердые червонцы, созданы по инициативе государства. Для добывания из карманов граждан свободно конвертируемых ценностей. Лития, драгоценных металлов и валюты.

– Звучит как учебник.

– А я вам как раз учебник и цитирую. Правильный предприниматель экономит и бережет. А разложенец – тратит.

– Хо! – сказал Годунов. – Нас учили по-другому.
– Процветать, – подсказал Денис.
– Да. Развиваться. Нас учили не ограничивать себя в развитии. А вас учат экономить и беречь.

– Вас учили потреблять.
– Не все подряд, – сказал Годунов. – Только то, что развивает. Ладно, это чепуха все. Давай выпьем, Денис. За твою маму.

Они не успели выпить за маму: раскрашенные блюдонки и их смутно знакомый Денису кавалер одновременно повернули головы, как и все прочие посетители. Годунов замер, едва не уронив графин с огненной водой. Официанты выпрямили спины. Меж столиков шла Таня. Только один человек не пожирал ее глазами: ее парень, без пяти минут жених, молотобоец и студент Денис Герц.

Годунов вскочил и отодвинул стул.

– Привет, – музыкально сказала ему Таня. – Вы не похожи на свои фотографии.

– Зачем фотографии, – страстно вскричал Годунов, – если перед вами оригинал!

– Привет, Денис, – сказала Таня.

Молотобоец кивнул.

– Подождите, – сказал Годунов. – Не смотрите на него! Смотрите на меня. Так мы создадим иллюзию того, что вы пришли ко мне, а не к нему.

Таня улыбнулась:

– Но я действительно пришла к вам.

– Хо! Как это прекрасно! Последний раз такая женщина приходила ко мне тридцать четыре года назад. Конечно, потом тоже приходили, но совсем не такие...

– А какие?

– Тетки, – сурово произнес Годунов. – В возрасте. Пятнадцать минут секса и два часа разговоров о взрослых детях. Знаете, что такое старческая любовь? – Годунов трагически поморщился. – Ой, не спеши, у меня давление поднимется... Ой, погоди, у меня в спину вступило...

Таня расхохоталась, и Годунов быстро ей налил.

– Перестаньте, – попросила она. – Это ужасно! Я не хочу стареть.

– Я тоже не хотел, – ответил Годунов. – И до сих пор не хочу.

– Лучше расскажите, как там у вас. Под Куполом.

Денис вздохнул.

Выпили. Таня чокнулась с Денисом вполне непринужденно, но в глаза не посмотрела. «Ну и пусть, – подумал он. – Разумеется, она только за этим и пришла. Писатель Годунов ее не интересуется. Ее интересуется Годунов, приехавший из-под Купола».

Тем временем писатель Годунов в несколько мгновений ликвидировал яичницу из пяти яиц, накидал в пустую сковороду мятых салфеток и потребовал фирменных блинов с семгой.

– Под Куполом скучно, – сказал он. – Там совершенно нечего делать. Там ничего не происходит. Однообразие. Там сейчас даже песни пишут без припева.

– Вы всегда курите сразу по две сигареты? – спросила Таня.

– Нет. Просто у вас с этим строго. А без обычной дозы табака я становлюсь вял.

– А под Куполом? Там можно курить?

– Нельзя. Но можно купить разрешение.

– Вот видите. А тут не продают разрешений. И много чего не продают.

– По-вашему, это главное?

Таня спокойно пожала плечами.

– Конечно нет. Но я – женщина. Молодая. Мне пора думать о детях. Я не очень вижу своих детей в этой обстановке. Я не хочу, чтобы мой сын или моя дочь росли здесь. На рыбьем жире и вареной морковке.

– Вы хотите, чтобы они росли под Куполом?

– Ну... Начнем с того, что я хочу рожать в нормальных условиях. Я хочу, чтобы меня

наблюдал нормальный доктор, а роды принимал нормальный акушер...

Годунов понимающе кивнул.

– Милая Таня, – сказал он. – Знаете, почему Пирогов был великим хирургом? Потому что много резал. И он резал солдат. Он отпиливал им руки, ноги, делая до двадцати операций в сутки. Можно предположить, что под его ножом умерли многие – но в конце концов опыт был накоплен, и сейчас Пирогов считается величайшим хирургом всех времен. Так вот, Таня: хороший доктор – это тот, у кого богатая практика. Если в больнице грязно, это не значит, что вас будут плохо лечить.

– Это слабо утешает, – твердо сказала Таня.

– Ваши опасения я понимаю, но вас не пустят рожать под Купол. Либо потребуют за это огромных денег. Беременным женщинам из Европы запрещен въезд в Новую Москву. А беременность определяют сразу, еще в аэропорту. Там для этого есть очень чувствительная техника...

– Значит, я забеременею там, – сказала Таня. – В Новой Москве.

– Это другое дело, – ответил писатель. – Но чтобы жить в Новой Москве, вы должны получить официальное приглашение...

– Я все это знаю, – перебила Таня. – Либо по приглашению, либо за деньги... – Она помедлила, искоса взглянула на Дениса, коротко вздохнула. – Слушайте, у меня есть человек – он готов организовать мне переезд. И не только мне – ему тоже, – она небрежно ткнула пальцем в Дениса. – Не буду скрывать – тот человек желает, чтобы я оказала ему определенные услуги.

– А Денис против, – сказал Годунов.

– Да. Денис против.

Годунов просверлил Таню выцветшими глазами.

– Он прав.

Таня побледнела.

– Нет! Неправ. Он во всем меня устраивает, он хороший, честный и смелый парень. Но однажды мы разошлись, и у меня появился другой мужчина. Его друг, кстати!

– Некто Глеб Студеникин, – тихо вставил Денис.

– Хо! – выдохнул Годунов. – Даже так.

– То есть я жила с другим мужчиной на его глазах. Он все знал.

– И молчал, – подсказал Годунов.

– И молчал! – воскликнула Таня, неприятно вытаращив глаза. – Потом я вернулась к нему, и он меня принял. Я, простите, утром вылезла из чужой постели, а вечером пришла в его постель, и это его не смутило. Теперь еще одно. Для того чтобы добыть деньги, он до сих пор таскает балабас. Знаете, что такое балабас?

– Примерно.

– Он, – Таня ткнула пальцем в Дениса, – носит на сотые этажи аккумуляторы и еду. Рискует жизнью и свободой. Я предлагаю ему все изменить. Я опять залезу в чужую постель, ненадолго... За это мы с ним получим все. Безопасность, покой, здоровых детей, нормальную работу, не связанную с криминалом, с риском для жизни... Разумеется, я все понимаю. Это проституция. Настоящая, банальная.

– Нет, – небрежно возразил Годунов. – Не банальная. Банальная – это вокзальный минет за мятую сотню.

Денис взял графин. Горло его было ледяным, но он почувствовал холод не пальцами – головой. Он налил, проглотил, ничего не понял.

– Прошу вас... – произнес он.

Язык не слушался. Странно, что ярость заставляет губы неметь: должно ведь быть наоборот. В моменты гнева все обязано работать идеально: и ноги, и руки, и мозг, и гортань. Чтобы было легче рвануться, всей силой мышц, обездвигить врага боевым криком и пронзить его насквозь.

– Пожалуйста... давайте... не будем. Таня, мы поговорим вдвоем... Не сейчас...

– Нет, – грубо ответила Таня. – Мы поговорим сейчас. Мы же для этого собрались, правильно? Жаль, что твоя мама уехала, она бы меня поняла. Но я не успела с ней обсудить... А теперь – вот, приехал человек, друг твоего отца и твоей матери... Ты зачитывался его книжкой. «Бледные люди»... Я, кстати, тоже прочитала... Пусть он скажет, как нам быть. Ты сам говорил: делай что хочешь, я приму тебя любую. «Если тебе хорошо с Глебом – будь с Глебом». Так ты говорил. А теперь я хочу быть с той сволочью, которая устроит нашу жизнь. Я так хочу, понял?!

– Эй, – миролюбиво сказал Годунов. – Молодые люди! Ваша проблема – не проблема. Мы ее решим в пять минут. Не волнуйтесь. Через полчаса мы выйдем отсюда, и каждый будет знать, что делать.

– Верю, – пробормотал Денис, вставая. – Извините, Гарри. Я сейчас.

В туалете негромко играло что-то плавное, из раннего Тихона Беса, и гнев понемногу отступил, освободил Дениса. Но горечь осталась. Зачем она так? Захотела лечь под миллионера-разложенца – иди, ляг. А что ты там потребуешь взамен – деньги, тряпки или билет в город под Куполом – это не важно. Хочешь? Иди, сделай молча. Только не надо превращать это в трагический подвиг. А тем более – с кем-то обсуждать. Я никогда не требовал от тебя верности. Я вообще ничего от тебя не требовал. Делай что хочешь. Либо мы вдвоем, либо поодиночке, остальное не важно.

Дениса сильно ударили по плечу, он обернулся и увидел того, смутно знакомого, бросавшего из своего угла стремительные короткие взгляды, и вспомнил его.

– Привет! – сказал майор. – Я смотрю, ты меня совсем забыл, бляха медная.

– Нет, – ответил Денис. – Не забыл.

– Молодец. Я давно хотел тебя увидеть.

– Зачем?

Майор удивился.

– Как это «зачем»? Ты за полгода ко мне ни разу не зашел. И даже не позвонил, бляха медная! А я, между прочим, на тебя рассчитывал...

Майор расстегнул zipper и стал мочеиспускаться, явно наслаждаясь процессом.

– Я зайду сегодня же, – пробормотал Денис, продвигаясь к выходу.

– Стоять! – велел майор. – Я не закончил!

Он бодро подпрыгнул, стряхивая последние капли. Рванул кран умывальника, стал мыть руки, тщательно, с мылом. Денис сунул руки в карманы.

– Тебя полгода не было, – тяжелым голосом произнес майор. – А когда мы случайно встретились, ты тут же обещаешь, что завтра зайдешь. У тебя, бляха медная, что-то есть для меня?

– Нет, – ответил Денис.

– Ты полгода гулял, делал что хотел, и у тебя ничего нет?

– Ничего.

– Салфетку дай.

– Что?

– Салфетку, говорю, дай!

Денис не пошевелился.

– Щенок, – сказал майор. – Ты за кого меня держишь? Я тебе поверил. Я тебя отпустил. Мог под суд отправить, бляха медная, – но не отправил. Посмотрел на тебя, подумал: вот хороший честный парень, настоящий, бляха медная, правильный молодой человек, я не буду ему жизнь ломать, я ему помогу... И отпустил тебя. Попросил по-людски, приходишь хоть иногда, за жизнь побеседовать. А ты повернулся ко мне спиной и свалил... Как будто я, бляха медная, не офицер, а шлюха дешевая...

Майор явно собирался продолжить тираду, но ему помешал вошедший Годунов. Писатель был пьяный и бравый. Он улыбнулся майору и спросил у Дениса:

– Ты чего тут застрял?

– Уважаемый, – сказал майор, сузив глаза, – выйдите, пожалуйста. Буквально две минуты.

– Конечно, – сказал Годунов. – А поссать можно?

– Нельзя.

– Жаль, – вежливо ответил Годунов. – Я бы поссал, если честно. А вы, извиняюсь, тут типа начальник сортира?

– Да, – проскрежетал майор. – Выйдите.

Годунов улыбнулся.

– Денис, – весело сказал он, – это кто?

– Не важно, – пробормотал Денис.

– Он в самом деле начальник сортира, да?

– Гражданин, – прорычал майор, – покиньте помещение.

И предъявил значок.

– Хо! – провозгласил писатель. – Секретная служба ее величества! Не люблю, но уважаю. А что у вас за дело к молодому человеку?

– Это вас не касается.

– Почему же, – сказал Годунов. – Я его близкий родственник. Ну-ка, Денис, иди отсюда. Иди к Тане. А мы с гражданином начальником поговорим. О том, как проводить в туалетах оперативно-следственные мероприятия. Иди-иди.

– Стой на месте! – сказал майор, метнув в Дениса взгляд. – А ты, старик, исчезни, бляха медная. От греха. Иначе по шее получишь, понял?

– Понял, – кивнул Годунов. – Только не вспотей, сынок.

Майор фыркнул, перевел взгляд с Дениса на Годунова и вдруг тоже улыбнулся.

– Ну вы даете, ребята, – тихо сказал он. – Со мной такое в первый раз. Сделаем по-вашему. Щенок пусть валит, а старик останется. Я люблю таких стариков.

– Гарри, – позвал Денис. – Ну его к черту. Это не ваше дело, давайте не будем...

– Будем, – небрежно возразил Годунов. – Иди, я скоро.

– Да, – произнес майор. – Иди-иди. Позвонишь мне завтра после обеда. А я объясню старичку, что почем в моем городе.

– Не переживай, Денис, – сказал писатель. – Гражданин начальник выпимши. Он решил, что ему все можно.

– Это да, – сказал майор. – Это точно. Мне все можно.

Старый Гарри нехорошо улыбнулся.

– Гражданин начальник просто не знает, кто я такой. Сейчас он мне скажет фамилию, звание, должность, я все запишу и прямо сегодня пойду к его шефу...

Денис вышел. Подумал – не подождать ли возле двери? Потом решил, что надо все рассказать Тане, вернулся в зал, сел напротив, посмотрел – она сидела безучастная, холодная. Произнесла, глядя в пустоту:

– Глеб звонил. Тебя искал.

– Ты сказала, что мне не до него?

– Скажи ему сам! – раздраженно бросила Таня. – Он звонит каждый день! Нашли, тоже, радистку Кэт! Скажи, передай, объясни... Разбирайтесь сами! Без меня! То ты бегал за ним как собачка, то не можешь даже по телефону поговорить!

– Мне не о чем с ним говорить. У него своя жизнь, у меня своя...

«Ничего я ей не расскажу, – подумал Денис. – Не потому, что нельзя рассказывать, а потому, что невозможно рассказать. Ни про Глеба, ни про семя стебля, ни про майора, бляха медная. Все зашло слишком далеко и завязалось слишком туго. Студеникин, умный парень, еще зимой понял, что с Таней лучше расстаться. Независимая, дерзкая, импульсивная – она будет только мешать».

Он вздохнул и пообещал, что сегодня же позвонит Глебу. Потом сидели, молчали, Денис выпил водки; Годунов не возвращался, и майор тоже. Пришли сразу две новых компании – щуплые разложенцы с дамами, приодетыми в «Торгсине». Шепотом

выругавшись, Денис пошел в сортир.

Годунов лежал на полу под умывальником, хрипел, лицо было бескровным, серым, кисть левой руки дико вывернута. Обе брючины задрались, новые ботинки модели «полуколхозник» пахли новой кожей, а носки были разные, один темно-серый, другой – синий.

Глава 3

Денис ругался и умолял, но врач был непреклонен. Нельзя, и все. Нельзя, потому что нельзя. Не положено. У нас нет места, и вы будете нам мешать. Возьмите такси и езжайте следом. Только все равно не угонитесь, мы поедем быстро, а таксисты обязаны соблюдать правила...

Но Денис не нашел такси. Да и тратить чужие деньги было нехорошо. Ему и так пришлось вытащить у Годунова бумажник, чтобы заплатить по счету. Обшаривая, под взглядами медиков и официантов, лежащего на носилках старика, Денис чувствовал себя паскудно и, когда извлек требуемое количество сала дьявола, аккуратно вернул остальное назад, в карман куртки.

Потом носилки вдвинули в машину. Таня заплакала. Годунов был в сознании: то громко хрипел, то бранился сдавленным голосом. Судя по всему, майор использовал обычный парализатор, табельное оружие патруля, архаичное и надежное. Мощный электрический разряд вызвал мгновенный сбой в работе сердца.

Неотложка приехала быстро, в течение часа.

Врач продиктовал адрес больницы, Денис кивнул. Запиши, сказал врач. Я запомнил, сказал Денис. Ничего ты не запомнил, сказал врач, найди бумажку и запиши.

Заревел сигнал. Машина тронулась.

Вот тебе твоя родина, сказала Таня. Вот тебе место, где ты родился и собирался жить всю жизнь. Любой мент может сделать с тобой все что угодно. А если Годунов умрет?

Не умрет, ответил Денис. Такие умирают, только если сами захотят. А умрет – есть кому закопать...

Таня кивнула. Закапывай. Только без меня. Я больше не могу. Хочу, но не могу. Сил нет. И виноват – ты.

Разумеется, ответил Денис. Кто же еще? Да, я виноват. Это я отпустил тебя. Отдал Глебу. Потом я смотрел, как Глеб превращает тебя в шикарную шалаву, любительницу устриц или что ты там любишь. Потом я взял тебя обратно. И вместо устриц кормил пшенной кашей. Типа с милым рай и в шалаше. Потом я рассказал тебе, как живут под Куполом. Потом ты захотела уехать под Купол, а я не захотел. Ты ходила передо мной в фуфайке с надписью «конченная сука», – я должен был сорвать с тебя эту фуфайку, раздрать на части и отхлестать тебя по заднице или даже по лицу, потому что ты не конченная сука и никогда ею не была, а фуфайку носила, чтобы позлить меня и спровоцировать. Но я не сорвал и не отхлестал. Разумеется, во всем виноват я, и только я. А ты – дюймовочка. Вся в белом. Жертва мужской похоти, жестокости и коварства.

Нет, не так, сказала Таня. Это ты у нас весь в белом, самый правильный и честный. Всегда там, где трудно и тяжело. Там, где наблевано и воняет, где надо бесплатно махать кувалдой и жрать селедку с морковкой. Там, где менты обезумели от безнаказанности, а скорая помощь приезжает через полдня. А вокруг тебя – сплошь гнилые, недостойные существа с мелкими страстишками. Презренные обыватели...

Они сказали друг другу еще что-то, какие-то обидные слова, какие-то фразы, пропитанные неловкостью и досадой, Денис не особенно прислушивался, Таня, кажется, тоже, спор был давний, и все аргументы выучены наизусть, один начинал говорить – другой за него заканчивал, про себя или вслух; не спорили – вяло препирались, совместно пережитый страх забрал все силы, но просто так стоять и молчать тоже было невыносимо. В конце концов Денис предложил прекратить. Иди домой, грубо велел он. К себе. Не хочу тебя

видеть. У нас ничего не получится. Звони своему другу Голованову, пусть прилетает, как волшебник на голубом, бля, вертолете, и забирает тебя. Звони прямо сейчас, при мне. Чтобы я слышал. Давай. Скажи, что на все согласна, лишь бы свалить из этого гадюшника.

Ладно, сказала Таня, резким движением разъяла замок на сумочке, достала телефон: дорожное изделие, контрабанда, с множеством необходимейших опций, включая навигатор движения по основным мировым столицам, постоянно обновляемый ресторанный гид, онлайн-трансляцию с литиевой биржи, а также безлимитную связь с орбитальными и лунными китайскими курортами.

Стой, пробормотал Денис. Подожди.

Что, спросила Таня, криво улыбаясь. Передумал?

Смотрела и ждала. Ожидание ее было спокойным, ровным, таким, когда любой вариант означает выигрыш. Скажу «не звони», подумал Денис, – она не позвонит. Скажу «звони» – она подчинится. Главное – снять с себя ответственность. Потом она все равно поступит по-своему. Позвонит, кому захочет. Сделает, как ей надо. Но виноват будет кто-то другой. Денис Герц, или Глеб Студеникин, или миллионер Голованов, или шофер скорой помощи, или черт лысый.

Дай телефон, сказал Денис. Я поговорю с нашим общим другом.

Глеб ответил после первого же гудка: голос хриплый, больной, скверная дикция, хотелось отодвинуть аппарат подальше от уха, как если бы радиоволны могли передавать не только звуки, но и слюну, вылетающую из мокрого рта.

– Наконец-то! Надеюсь, у тебя все нормально?

– Отлично, – ответил Денис.

– Ты мне нужен, брат. Приходи.

Студеникин сипло прокашлялся, стал бормотать, быстро, одышливо, проглатывая слова:

– Приходи давай. Сегодня. Обязательно сегодня, понял? Все брось и приходи. Ночью. Только один, понял? Один! Когда будешь готов, позвони, я скажу адрес... Не придешь – будешь всю жизнь жалеть, понял?

И опять задохнулся в длинном кашле.

– Я не смогу сегодня, – сказал Денис.

– Сможешь.

Таня продолжала ждать. Со слабой усмешкой наблюдала, как заходит в «Евроблины» очередная веселая компания.

– Что-то случилось? – спросил Денис.

Глеб нетрезво захихикал:

– Ты не понимаешь?

– Нет!

– Время настало, брат, – прошептал Студеникин. – Время настало. Приходи. Я больше не могу.

Денис не стал уточнять, какое время настало, для чего. Нажал кнопку, отдал Тане телефон.

– Очередная проблема? – ледяным тоном осведомилась она. – Крутой расклад? Бросай все и будь там, где я скажу? И не опаздывай?

– Не твое дело, – сухо ответил Денис и зашагал прочь.

Надо было искать такси, ехать в больницу. Надо было найти деньги. Разыскать Модеста, занять у него. Или, лучше, зайти к Вовочке, вечерами он всегда дома.

Зашагал, быстро, не оглядываясь. Врач сказал, что у Годунова инфаркт. Старый Гарри нянчил вывернутую левую руку, стонал, матерился. Рассказывал, что у него все натуральное, и сосуды, и мотор, и печень, и желудок, ни грамма пластмассы, пятьсот тысяч километров без капремонта, а врач смотрел озабоченно и скороговоркой отдавал команды медсестре: пять кубов того, десять – этого, капельницу, звоните в стационар, пусть готовят палату интенсивной терапии и реаниматоров...

«Не умрет, – сказал себе Денис. – Не умрет. Такие должны жить долго. Желательно – вечно».

Вовочка был томный, печальный и сутулился больше обычного. «Он годится Годунову в сыновья, – подумал Денис, – а выглядит старше. Неопрятный мужичок, как бы нарисованный малоталантливым художником и потом этим же художником полустертый и так оставленный. Правда, чисто выбрит, – когда жил у матери, брился каждое утро, долго; ванну занимал на целый час. Такие бледные мужички с вялыми плечами всегда тщательно бреются, иначе выглядят совсем неказисто».

– Хорошо, что ты пришел, – сказал Вовочка, явно искренне обрадованный. – Давай чай пить.

– Времени нет, – ответил Денис. – У меня беда.

Выслушав, Вовочка официально подобрал живот.

– В больницу ехать не обязательно. Туристу из Новой Москвы обеспечат первоклассный уход. Инструкция номер семнадцать – двадцать пять: приезжие из Новой Москвы приравниваются к иностранным гостям и имеют преимущественное право обслуживания в местах общественного питания, а также при оказании медицинской помощи. Понял? Иди на кухню, доставай конфеты. Мать не звонила?

Кухня Денису не нравилась, и вся квартира не нравилась, хотя Вовочка на своей загадочной налоговой службе имел неплохой оклад и даже содержал домработницу. И матери тоже не нравилось это просторное сумрачное логовище, обставленное без мысли и идеи, нелепыми шкафами, столами, диванами: Вовочка неоднократно предлагал ей переехать к нему, оставив квартиру сыну, но мать не хотела, отказывалась: неудобно, а главное – седьмой этаж, подруги не поймут. Скажут – продалась за комфорт...

– Не звонила и не позвонит, – сказал Денис, садясь за стол.

– Я могу ее найти.

– Зачем? – спросил Денис. – Ты что, не читал медицинский справочник? Сначала – зеленые пятна, потом – резкое удлинение костей, деформация скелета, вырождение пищеварительного тракта... Она права – лучше этого не видеть. Точнее, лучше пусть она не видит нас, которые ее видят, понимаешь? Есть специальные хосписы, там таких, как она, бесплатно пускают жить, во всем помогают...

– А я, – тихо сказал Вовочка, – тебе хочу помочь. Ей не помог – зато тебе помогу. Я люблю твою мать, и тебя люблю как сына. Конечно, я тебе не отец, но...

Вовочка стушевался и бесшумно отпил из чашки с отбитым краем.

– Зачем мне помогать? – спросил Денис. – Я в порядке.

– Помнишь, ты спросил, в чем заключается моя работа?

– Помню.

– Я не налоговый инспектор, – твердо объявил Вовочка. – У меня другие обязанности. Я, Денис, сотрудник Нулевого канала. Старший куратор отдела демографии. Действую негласно. Рассказывая тебе все это, я совершаю должностное преступление. Но мне наплевать, я Варю люблю и все для нее готов сделать... Я бы ей... Я ради нее...

Он тяжело вздохнул.

– Знаю, – сказал Денис. – Понял. Ты ловишь талантливых. И отправляешь их под Купол.

– Я не отправляю, – возразил Вовочка. – Отправкой занимается другой отдел. Моя функция – отследить, протестировать, составить анкеты и доложить по начальству. И насчет талантливых ты тоже... В общем, долго рассказывать. Я куратор этого района, у меня база данных на семьдесят тысяч детей, подростков и молодых людей в возрасте от двенадцати до двадцати трех лет. Информация поступает из школ и университетов. Я ее обрабатываю. Основных показателей около ста пятидесяти. Критическое мышление, независимость суждений, скорость принятия решений, последовательность исполнения принятого решения и так далее... Чтоб ты понял, я отслеживаю не талантливых людей, а тех, у кого самый

твердый характер. Упрямцев, бунтарей. Но, конечно, глупые бунтари не интересуют мое начальство...

– Я с вашим начальством знаком, – сказал Денис.

– Знаю, – ответил Вовочка. – На тебя приходила ориентировка, еще весной.

– Хо! – воскликнул Денис. – Дай угадаю. В конце марта?

– Точно. Теперь слушай меня внимательно. Ты не подходишь под требования. Какие-то показатели отличные, какие-то посредственные. Я могу показать тебе досье, но ты все равно ничего не поймешь...

– Спасибо, – усмехнулся Денис. – Мне неинтересно.

– Ты недотягиваешь совсем чуть-чуть, – продолжал Вовочка. – Скажем, по шкале Суркова у тебя отличные показатели, но логика хромает, и способности к маневру низкие... Говоря простым языком, Денис, ты не умеешь менять свои убеждения. Даже под воздействием критической массы объективных факторов. Еще проще: в детстве тебе внушили, что черное – это белое, и ты живешь с этим убеждением... А потом жизнь подводит тебя к мысли, что черное – это все-таки черное, а никак не белое, но ты упрямо продолжаешь верить в то, что тебе внушили. Более того, ты готов стоять до конца...

– Да, – спокойно кивнул Денис. – Я люблю стоять до конца. Это мне хорошо внушили.

Вовочка осторожно улыбнулся.

– Я предлагаю тебе уехать под Купол, Денис. Я подделаю результаты тестов. Ты попадешь в число избранных и получишь предложение работать в идеальных условиях, в комфорте и безопасности. Все твои бытовые проблемы будут решаться мгновенно. Сразу после перемещения тебя опять протестируют, и наверняка моя ошибка будет вскрыта, но обратно тебя не выгонят. Все знают, что система плохо отлажена, и махнут рукой. Привезли парня – и ладно. Мне тоже ничего не будет, определенный процент ошибок заложен в расчет показателей эффективности... А если и накажут – мне, повторяю, наплевать, у меня есть сбережения, я не пропаду... Пусть сотрут память, мне все равно. Так даже лучше, забуду Варю, перестану мучиться...

– Круто, – сказал Денис. – Мне в хребет вставят провод и будут управлять моими эмоциями. Пружинов нажмет кнопку – и я буду озабочен. Он нажмет другую – и я буду весел.

– Начнем с того, – перебил Вовочка, – что ты будешь сыт и здоров. Всегда. Ты забудешь про свою кувалду и про питательные свекольные похлебки. Далее, ты получишь интересную работу, действительно интересную! Тебя поставят туда, где у тебя будет все получаться. И последнее: у тебя будут все возможности для самосовершенствования, отдыха, развлечений...

– Хороший чай, – сказал Денис. – В «Торгсине» берешь?

– Да. При чем тут...

– И конфеты тоже ничего.

Вовочка сделался скорбным.

– Я не прошу тебя отвечать сейчас. Подумай. Что ждет тебя здесь, в Европе? Ты состаришься в тридцать пять и умрешь в пятьдесят восемь. Здесь бедно и холодно, Денис. Здесь хорошо быть молодым и сильным. Но быть старым и больным – это кошмар. Подумай о будущем.

– Знаешь, – сказал Денис, – если я буду думать о будущем, я упущу настоящее. Спасибо, Володя, но я уж как-нибудь тут устроюсь. Я был под Куполом. Там скучно. А тут – весело.

– Не спеши с ответом.

– Хо! – воскликнул Денис. – Есть идея. Отправь вместо меня другого человека.

– Таню?

– Да. Это самое лучшее, что ты можешь для меня сделать.

Вовочка помрачнел.

– Видишь ли, – почти прошептал он. – Таня и так едет. Завтра я подписываю

докладную. Она и еще три девочки, ее ровесницы. У всех отличные показатели. Люди из отдела «К» придут к ней в течение недели. Она уедет, а ты – останешься... Ты к этому готов?

Денис засмеялся. Вскочил, ударил хозяина дома по плечу. Он бы станцевал что-нибудь, если бы умел. Он подскочил к окну и восторженно плюнул в открытую форточку.

– Только не вздумай ей говорить, это секретная информация... – озабоченно сказал старший куратор отдела демографии, он же сожитель матери, он же вершитель судеб для семидесяти тысяч московских мальчиков и девочек.

– Таня спит и видит себя под Куполом, – сказал Денис. – Когда к ней придут, это будет лучший день в ее жизни.

– Мне казалось, что у вас...

– У нас – да, было. Но она изменилась. Повзрослела. В отличие от меня она стала думать о будущем. Ей больше не нравятся веселые посиделки в бесплатных столовых после шести часов работы на сломе. Ей больше не нравятся валенки и водка с чаем...

– А ты?

– Я? – Денис опять засмеялся. – Ты же сам сказал: я недотягиваю. Я быдло, один из стада, у меня хуевые показатели. Я рожден в говне и подохну в говне. Там, где все прогнило и живут в позоре. И на моих поминках будут жрать селедку и чеснок. Слушай, я счастлив. Спасибо тебе, Володя. Я пойду, наверное. Только, это...

– Да, – сразу кивнул Вовочка, засуетился и достал несколько купюр из шкафа, забитого пачками чая и сахара. – Конечно. Держи.

– Верну послезавтра.

– Не спеши. У меня есть. Лучше подумай, как с матерью быть. Навестить бы надо...

– Если хочешь – завтра и поедем.

– Хочу, – сразу ответил старший куратор. – Я ее люблю, я ее люблю хочу видеть.

Возле двери Денис помедлил.

– Слушай, – сказал он. – Ты поэтому такой, да?

Вовочка моргнул:

– Какой?

– Ну... Недовольный. Все прогнило и так далее...

– А какая связь...

– Прямая, – сказал Денис. – Тут все прогнило, а под Куполом – нормально. Раз тут прогнило, давайте отсюда последнее вывезем. Какая разница, если прогнило? Вывезем самых шустрых, остальные пусть гниют себе дальше...

Вовочка помолчал. Потерял пуговицу жилета.

– Вот ты о чем, – пробормотал он. – Знаешь... Не слушай ты меня, дурака. Прогнило или не прогнило – сам поймешь. Лет через тридцать. А пока – никого не слушай. Своим умом живи. Может – сгниешь, может – уцелеешь.

Глава 4

Дома встретила его обычная настороженная тишина: он скинул ботинки – звук попрыгал меж стен коридора и затух, он кашлянул – нота растворилась, как сахар в чашке чая. Можно было еще громко вздохнуть, или спеть что-нибудь, или даже начать разговаривать с самим собой и тем победить унылое безмолвие.

Но не одиночество.

Комнату матери он закрыл на ключ, сразу же, через час после ее отъезда. Купил в магазине сети «Все свое» огромный замок, врезал и закрыл, а ключ положил на столике в прихожей. Ведь мама уехала не навсегда. Мама не может навсегда уехать. Однажды она вернется. Сын отомкнет замок и скажет: вот, мама, я ничего здесь не трогал.

Жаль, ее нет, она бы обрадовалась подарку Годунова. Листала бы старый журнал часами и к месту вспомнила бы полдюжины каких-нибудь забавных историй.

Денис упал на диван. Он впервые держал в руках полностью сохранившийся экземпляр

журнала «Самый-Самый». Конечно, в Интернете можно было найти все статьи любого из четырехсот с лишним номеров, и обложки, и фотографии, – но Денис не любил электронные архивы. Компьютер не способен хранить ауру, – а эта добротнo склеенная пачка тонкого цветного пластика, нимало не потускневшего за четверть века, была пропитана энергетикой загадочных старых времен до такой степени, что казалась более реальной, чем пальцы, ее теперь листающие.

Дизайн шрифтов внушал трепет, белизна полей ошеломляла, повсюду буйствовали удивительные краски – каждая страница представляла собой праздник. И не какой-то апофеоз роскоши, сытости, ничегонеделания, не пошлый потребительский угар – прежде всего журнал отца был полон остроумия. Вчитавшись, Денис понял с некоторым удивлением, что ежемесячник «Самый-Самый» был оппозиционным изданием и критиковал власти жестоко и весело. Громили всех: кабинет министров, суды, информационное вещание и каждую из двадцати пяти милиций, вместе и по отдельности. Шикарный стиль, пятидесятикартанные афоризмы, аристократический шарм – Денис читал и задышался от смеха. Обаятельные авторы изощрялись в сложных издевках. «Я не причисляю себя к истовым великодержавникам, – писал, например, некий Филипп Миронов. – И к неистовым тоже. Я вообще себя никуда не причисляю, поскольку не доверяю числам, а доверяю только словам». Или: «Россия никогда не была упорядоченной страной, и любой порядок в нашей стране означает лишь новую форму изначального беспорядка. Мы живем не в космической, но в хаотической державе, и это объясняет, почему так живуч русский шовинизм: хаос первичен, он старше космоса; кто адаптирован к хаосу, тот зевает и тоскует в упорядоченном космосе. Любой порядок меньше и слабее беспорядка. Порядок мал и убог, тогда как беспорядок тотален и вечен».

На сто четырнадцатой странице был маленький рассказ большого писателя Виктора Лепилина «Пиндосы & Барбосы, или Война скарабеев с богомолами», а дальше Денис увидел рекламу цереброна (тонизирующее средство нового поколения; перед применением проконсультируйтесь с участковым психотерапевтом) и задумался. Если цереброн был создан еще до искоренения – значит, не было никакого внезапного превращения сотен тысяч уважаемых граждан в зеленые кустики. Значит, учебники и документальные фильмы привирают. Значит, проблема возникла давно и ей просто не придавали значения. «В этом и беда», – сказал себе умный студент Денис Герц. Мало разглядеть проблему, надо понять ее масштабы. Люди понемногу превращались в стебли задолго до рождения первого гомо флоруса. Почему, черт побери, никто ничего не делал? Почему тревогу поднимали только тогда, когда на свет появился первый младенец с оливковой кожей? Или вот: «Апология дерьма. Наконец установлена причина феномена стеблероста. Специальное расследование Никиты Пружинова». Ага, подумал студент Герц. Будущий директор-распорядитель Нулевого канала уже тогда был резвый и желчный малый. «Почему стебли растут только в Москве? – вопрошал журналист Пружинов. – Почему не в Найроби, не в Париже, не в Красноярске и не в пустыне Калахари? Логично предположить, что именно в столице России – или в почвах под нею – сложились некие уникальные условия, идеально подходящие для развития грибницы. Профессор Черных-Шварцман, чья теория находит все больше сторонников и в академической среде, и за ее пределами, выделяет четыре таких уникальных фактора: сейсмическая устойчивость Среднерусской платформы, наличие толстого слоя мягких водонасыщенных почв и высокого уровня грунтовых вод, мягкий субконтинентальный климат и, наконец, главное (по Черных-Шварцману) условие – мощнейшая концентрация фекальных масс. Сорок миллионов граждан на протяжении десятилетий плотно кушали четыре раза в день; куда делись естественные отходы их жизнедеятельности? Ушли в московскую почву! Москва уникальна тем, что это единственный на планете континентальный гиперполис с аномально высоким уровнем жизни. У нас нет моря или океана, куда мы могли бы сбрасывать фекалии. Конечно, население других супергородов – Дели и Пекина – в два раза больше московского, но надо помнить, что жители Дели и Пекина едят в семь – восемь раз меньше москвичей. Есть еще

Чикаго (с населением в шестьдесят миллионов) – но новая столица Северной Америки стоит на озерах, и мощные грунтовые потоки вымывают фекальные массы... Все просто, сынок, – сказал мне профессор Черных-Шварцман. – Наше говно исторически вымывалось Москвой-рекой, но в определенный момент река перестала справляться. При суточной норме в двести граммов фекальных масс на взрослого человека московские коммунальные сети ежедневно перемещали почти двадцать тысяч тонн фекалий, или по шестьсот граммов на человека. Понимаешь, парень? Люди жрали в три раза больше, чем положено. И соответственно испражнялись. Семь с половиной миллионов тонн говна в год. Говно бродило, оседало и слеживалось. Все это время семена стебля лежали в почве и ждали, когда концентрация говна достигнет критического уровня. Против нас восстала сама природа: когда объем и масса человеческих фекалий превысили некий предел – выросла грибница со съедобной мякотью. Природа как бы сказала нам: ребята, успокойтесь, перестаньте так активно гадить, вот вам стебель, кушайте маленькими ложечками и не засоряйте планету... Вот и все. Звоните в Швецию, пусть готовят мне Нобеля, возьму только наличными, мелкими купюрами, бывшими в употреблении...»

Последние страницы живописали светскую жизнь: юные дуры, вцепившись друг дружке в тощие бицепсы, улыбались либо напряженно (видимо, их отлавливали в очереди в уборную), либо удовлетворенно (видимо, этих отловили по выходе из оной). Подписи под портретами тоже были веселыми, ироничными: «Певица Фламинго и певица Флора Флю. Найдите десять отличий».

Денис опять заглянул в начало. В середину. Везде было смешно, резко, круто, смачно; не в бровь, а в глаз. Журнал потрясал, втягивал, шокировал, просвещал, его не хотелось выпускать из рук никогда. «Его делал мой отец, – подумал Денис, – почему я не горжусь? Почему мне грустно и жалко читать сейчас лихие тексты злых и гениальных колумнистов? Как они, с такими талантами, с такими бешеными интеллектами умудрились проиграть целую страну, разбазарить, опрокинуть в грязь и бедность?»

Страницы нежно потрескивали при переворачивании. Иные картинки мерцали, иные были интерактивны и приходили в движение, едва он касался их пальцами, и самые пальцы молотобойца, грубые, красные, смотрелись на фоне полиграфических чудес как конечности динозавра.

Потому что это была фронда, понял он. Всего лишь фронда, и ничего, кроме фронды. Сидели уютно, комфортабельно, сладко ели и пили, а противостояли – только на словах. Едко, точно, беспощадно – но на словах. Когда надо было уже выходить, вставать на площадях, у мраморных правительственных подъездов, вместе с сыновьями, с друзьями и братьями, – они не пошли никуда, остались в уютных ресторанчиках сочинять блестящие колонки за рюмашкой коньячишка. Уже надо было бить морды, а они продолжали критиковать. Уже надо было кидаться камнями, а они кидались афоризмами. Не было в них настоящей силы, все ушло в сарказмы изящные, в жест, в позу. Разменялись на фрондерство безопасное пятизвездочное. Думали, их миссия в том, чтобы призвать народ, а уж народ – он, знамо дело, завсегда готов подняться! А надо было не призывать, а самим подниматься. Ибо русский народ давно уже не фраер, его крамольной статейкой не запутать, не вытолкать на баррикады одними только словами, даже самыми горячими...

Денис встал, нашел старую газету, завернул в нее журнал и спрятал в дальний ящик стола, туда, где пылились конспекты лекций за первый университетский курс.

Простите, ребята, я вас люблю очень, я за вас отдал бы жизнь, но зря вы так много и красиво говорили.

Теперь – вот: сию один, весь в дырявом, кое-как течет вода из крана, кое-как пожрал, кое-как выживаю; выживу, конечно, никуда не денусь. Мама уехала туда, где ей помогут умереть. Любимая уехала туда, где ей помогут красиво одеться. Друг ушел туда, где его никто не найдет, чтобы сохранить то, что никому нельзя показывать.

А я чего? Я тут остался.

Все куда-то делись, один Денис Герц, студент и молотобоец, никуда не делся, на том

же месте тем же самым делом занят.

В полночь оделся в черное, обулся в легкое и удобное, взял другу Глебу подарок – две плитки шоколада и бутылку водки; вышел в темноту. До башни «План Путина» было шесть километров оврагами.

Глава 5

– Как тебе моя новая конура? – спросил Глеб.
– Нормально, – сказал Денис. – Окна бронированные?
– Здесь – нет. В алтарном зале бронированные, а тут – обычные. Если бутылку кинешь – не разобьется, но пулей – можно...

Студеникин сунул меж коричневых зубов наполовину выкуренную «гавану гуантанамеру» и вытащил из-за спины никелированный револьвер.

Денис осторожно улыбнулся:

– Старого друга со стволом встречаешь?

Глеб поднял на него слезящиеся глаза.

– Старого друга? – спросил он. – Старый друг за полгода ни разу меня не навестил.

– Меня пасли, Глеб, – сказал Денис. – Я не мог рисковать.

Глеб улыбнулся, несколько раз кивнул, осведомился спокойно:

– А сейчас не пасут?

Денис пожал плечами:

– Может, и пасут. Но я прошел семьдесят уровней за восемь минут. Вряд ли меня догнали...

– Это ты правильно сделал, – похвалил Глеб, как хвалил, бывало, в старые времена, и сейчас Денис понял, что напрочь отвык от менторских интонаций старшего товарища, да и от самого товарища отвык, и вообще – с трудом его узнал.

Дым висел в три слоя: темно-серый, тяжелый гашишевый – внизу, более светлый сигарный – выше, а под самым потолком витал, радужно переливаясь, прозрачный дух благовоний, поднимавшийся из двух огромных бронзовых курильниц, стоящих по углам зала. Но запах гниющих фруктов перебивал ароматы сандала и табака, и от самого Глеба, когда он сунул револьвер обратно и запахнул тяжелый халат, донеслась прискорбная мужская вонь.

Однако, пока халат был распахнут, Денис увидел тело своего друга, грудь и живот, и содрогнулся, ибо там была только серая кожа на торчащих мослах.

– Садись, – сказал Глеб. – Выпей. Пожри. Хочешь – кальян потяни. Я специально разжег, пока тебя ждал... Я тебя знаешь, как ждал? Вот, подарок приготовил...

Денис отодвинул от огромного стола огромное кресло, сел. Студеникин положил перед ним старую, но отлично сохранившуюся книгу в пластиковом переплете.

– «Абсопроц»! – объявил он. – «Основы теории абсолютного процветания». Раритет. Учебник для младших классов.

– Сегодня мне все чтиво дарят, – сказал Денис. – То журналы, то учебники. Спасибо, но...

– Ты почитай, почитай! – воскликнул Глеб. – Я его каждый вечер, перед сном... Не потому что интересно, а сразу детство вспоминается... Школа, учителя... Завтраки... Булки серые с маргарином... Вкусно было... Ты не застал, а я – годами... Вот, послушай, как звучит... – Он раскрыл книгу, кинул на Дениса быстрый взгляд. – «Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля определяет слово „процветать“ как „благоденствовать, жить в добре земном, в обилии; вести успешно дела свои, преуспевать“. То есть процветание прямо связано с ведением дела. С трудом. Процветать – не значит бездельничать. Но мы должны понимать, что есть что-то хуже безделья и праздности. Это труд механический, бессмысленный. Нелюбимая работа ради денег губит человека. Когда он

вынужден работать, зная, что его труд в конечном итоге приносит вред, – это хуже безделья. Так люди в далеком прошлом трудились на корпорации, расхищающие богатства страны. Вынужденные обеспечивать себя пропитанием и одеждой, они работали, презирая свой труд и самих себя, и это едва не привело к моральной катастрофе: люди перестали понимать, что такое хорошо и что такое плохо. Понадобились огромные усилия значительной группы неравнодушных граждан, чтобы постепенно повернуть жизнь к лучшему...»

– Хватит, – оборвал Денис. – По-моему, у этих неравнодушных граждан мало что получилось. Оставь, я полистаю на досуге.

Студеникин послушно захлопнул томик.

– Как хочешь. Я бы тебе еще одно место процитировал, про любовь и силу... Ладно. Как там, внизу?

– Внизу? – переспросил Денис. – Внизу весело. Давно так весело не было. Таня уезжает под Купол. Мать уже уехала. В хоспис. Прилетел Годунов – и тот в первый же день подрался с ментом и попал в больницу...

Глеб посуровел, спросил:

– А что с матерью?

– Устала. Двадцать лет на цереброне – кто хочешь устанет...

Денис подождал новых вопросов – их не последовало.

Есть не хотелось. Можно было выпить, да, но идти пьяным назад, через сто уровней, и еще потом по живой земле, шесть километров до дома, ночью, было рискованно.

С другой стороны, можно было вообще не спускаться вниз. Внизу его никто не ждал. Только бывший гражданский муж матери. В сущности – совершенно чужой человек. А последний и лучший друг сидел сейчас рядом, пьяный, убитый в хлам, грязный, кошмарно обросший, окруженный обшарпанным, разнокалиберным богатством, какими-то пыльными гобеленами, какими-то позолоченными статуэтками, бархатными портьерами, ящиками элитного винища, нечистыми скатертями.

Глеб вдруг засуетился, подскочил, опять обдал запахом застарелого пота, грубо сдвинул в сторону блюда и подносы, одну тарелку, сравнительно чистую, обтер рукавом, поставил перед гостем. Скороговоркой сообщил:

– У меня вот что есть. Смотри. – Подвинул хрустальную емкость с крышкой. – Называется «Божья ладонь». Сырая мякоть стебля с добавлением ЛСД. Новинка. Съешь ложечку – и тебя как будто бог на ладонях качает... Во-первых, забавно, во-вторых, круто, в-третьих – где ты еще такого попробуешь? Не стесняйся, брат... Или вот еще, чистая мякоть, но не наша: синтетика; из Китая привезли, там сейчас это кайф номер один, научились делать... Я слышал, что они купили у русских семечко и растят сейчас грибницу небывалую, и все побеги сразу перерабатывают на съедение... Или если не хочешь кайфовать – тогда покушай как следует, гляди – у меня трюфеля, и вот еще, форель на гриле...

– Глеб, – позвал Денис. – Глеб!

– Что?!

– Подожди. Присядь, успокойся. Ты плохо выглядишь.

– Это не важно, – сказал Студеникин.

– А кто тебе сейчас балабас таскает?

– Кто таскает? – переспросил Студеникин и задумался. – Кто таскает... Ха! Есть кому таскать. Малолетки какие-то. Пацанята, по семнадцать лет... Сами меня нашли. Сигнализация сработала, я автомат хватаю, четыре гранаты по карманам, выхожу – стоят, двое. На пальцах – колечки... Ну, я эти колечки знаю, это особые колечки, от нанопарашютов. Привет, говорят, дядя, не нужно ли чего? Деловые – страсть! Не с нашего района. Гастролеры. Приехали из Муром, специально, рюкзаками зарабатывать. Дерзкие, наглые. Мы такими не были. За деньги все что хочешь притащат... Представь себе, три раза мне шлюх поднимали! И знаешь, что самое дикое?

Глеб откинул со лба сальные волосы и вперил в Дениса взгляд.

– Что?

– Они не знают, кто я такой, – прошептал Глеб. – Понял, да? Они не знают, кто такой Глеб Студеникин! Они тут, конечно, ни разу не были, я их внизу встречал, в приемной, этажом ниже... Один раз усадил за стол, налил, поболтать захотелось, слово за слово – смотрю, а они про меня ничего не знают! Про меня, понял?

– Да, – аккуратно сказал Денис. – Удивительно.

– А деньги знаешь, как называют? Сало!

– Даже так, – пробормотал Денис. – Сало дьявола. А ты в них уверен? В этих малолетках?

Студеникин ухмыльнулся и наконец стал похож на себя прежнего.

– Нет, – сказал он. – Я, малыш, только в тебе уверен. И больше ни в ком. Но меня так просто не взять, у меня тут везде нитки натянуты, и мины, и двадцать четыре видеокамеры... Это во-первых. Запарятся штурмовать, понял? А во-вторых, если край – на кнопку нажму, и полбашни взлетит на воздух. Вместе со всеми. Но до этого не дойдет. И я знаю почему.

Денис налил себе из ближайшей бутылки.

– Почему?

Глеб сверкнул глазами.

– Кто хранит семя стебля, – сказал он, – того бог хранит! Понял?

– Да, – ответил Денис. – Только там не совсем так. Там сказано: «изберет бог немногих, по тридцать мужей из каждого колена, и пойдут мужи, и отыщут во прахе семя, и не убоятся, и не бросят семя в борозду, и будут хранить до времени, удалившись ото всех, ниже от матерей и отцов, ниже от детей и жен своих, уединясь и трижды уединясь, и три раза трижды уединясь, не подпуская прочих на три тысячи шагов. И придет диавол, и будет искушать салом своим, но не получит ничего, ибо укрепит бог волю мужей».

Глеб слушал заворуженно, смотрел не мигая.

– Я знал, – восторженно сказал он. – Я знал! Ты готов, брат. Ты лучше меня все понимаешь. Хочешь посмотреть на него?

– Нет, – ответил Денис. – Не хочу. Хотя...

Глеб рассмеялся и махнул рукой. Они прошли в смежное помещение, где не было ничего, кроме небольшого деревянного постамента, на котором стоял контейнер.

– Открывай, – тихо произнес Глеб.

– Лучше ты.

– Я не могу. С меня хватит. Неужели ты не чувствуешь?

– Чего? – спросил Денис и щелкнул замками; едва он поднял крышку, Студеникин отпрянул, вжался в стену, смотрел не на ящик – в лицо Дениса.

– Что?

– По-моему, – произнес Денис, – что-то не так. Оно изменилось.

– Это не оно изменилось, – хрипло сказал Студеникин. – Это ты изменился. А оно все такое же... – Он вздохнул. – Ладно, это ты потом, сам разберешься... Без меня.

– Что значит «без тебя»?

Студеникин подогнул колени, сполз по стене. Плотнее завернулся в халат.

– Зря ты... оставил меня одного, – пробормотал он. – Зря. Я твой друг – зачем ты оставил меня одного? У меня никого нет, кроме тебя. Ты не знаешь, что это такое, когда все вокруг – чужие, посторонние и только один – свой. Когда остается только один, тогда... Тогда ты о нем думаешь, и ты... Ты его ценишь! Если вокруг друзья, приятели, родня, девочки – ты не ценишь. А если никого нет, а есть только один – тогда все меняется... Ты доходишь до последней точки, до самого края...

– Хватит, – сказал Денис. – Я всегда уважал твою силу, Глеб. Ты был крут. А сейчас...

– Что «сейчас»?! – крикнул Глеб. – Ты так и не понял ничего! Когда у тебя никого нет – приходится быть крутым! Потому что нет другого выхода.

– Нет, – возразил Денис. – Ты был не просто крут. Ты был беспредельно крут. Ты с этим родился.

Студеникин затушил сигару об пол.

– Родиться мало, – грустно произнес он. – Надо вырасти. Я тоже думал, что я самый сильный. А потом появилось то, что сильнее меня. Так бывает с каждым, кто думает, что он сильный и крутой. Ты живешь с этим, привыкаешь, и вдруг появляется кто-то сильнее тебя... И тогда тебе страшно. То есть ты понял, да? А еще страшнее, если появляется не кто-то, а что-то...

– Например, семя стебля, – сказал Денис.

– Да! – фальцетом крикнул Глеб. – Семя стебля! Оно дает власть. Но не какую-то вонючую власть императора, президента, миллиардера – оно дает тебе власть, о которой ты ничего не знаешь! Кроме того, что она от бога и она – абсолютна. Ты говоришь – я сильный? Какой я, к черту, сильный. Вот – сила! – Он указал на контейнер. – Для большинства – еда. Для меньшинства – отравы. Хочешь – накорми, отрави... Хочешь – оставь как есть. Каждый день смотришь и думаешь: сделать или не сделать? Плеснуть водички или дать им еще один шанс? Как лучше? Как веселее? Как интереснее? Сегодня ничего не сделаю, а завтра, может быть, подхвачу насморк, будет у меня плохое настроение – и брошу в почву, устрою зеленую лужайку, и буду знать, что весь мир перевернулся из-за насморка Глеба Студеникина...

Он вдруг вскочил и едва не выпрыгнул из халата: голый, дряблый, дрожащий призрак.

– А потом приходишь в себя. Господи, думаешь, я же с ума схожу! Кто я такой, чтоб решать чьи-то судьбы? Беспризорник, неуч, уголовник, таскатель балабаса! Кого я собираюсь накормить или отравить? Нет, я должен, обязан сидеть тихо, чтоб никто меня не видел и не слышал, молча, в какой-то норе потайной, с этим проклятым ящиком в обнимку, и убивать любого, кто посягнет, потому что власть отнимает веру в людей... Никого не подпускать! Хранить, пока силы есть, и ничего не делать, не притрагиваться... Ждать!

Денис посмотрел на зародыш. Поперечная борозда выглядела действительно как след огромного острого когтя. Шершавое, в пупырьях тело слабо вздрогнуло, справа налево пробежала быстрая радужная волна; Денис наклонился, взгляделся.

– Да-да, – насмешливо сказал Глеб. – Смотри, малыш. Мне тоже было интересно. Вроде мертвое, черствое, а отвернешься – оно тебе шепчет... «Ты самый достойный, ты самый лучший, береги меня, храни меня, никому не отдавай... Жди... жди... жди...» Выйдешь отсюда, закроешь дверь – вдруг слышишь крик, или плач детский, или ничего не слышишь, но у тебя такое чувство, что беда случилась... Бегом бежишь, открываешь крышку – нет, все в порядке, оно на месте... И так – день за днем. Или в тронной сидишь, неделями, с бутылкой... Пойдем в тронную.

– Не хочу я в твою тронную, – сказал Денис.

Глеб захихикал.

– Я тоже не хочу. Но там отпускает. Сам поймешь. Пойдем.

Шаркая, он откинул тяжелую занавесь, жестом пригласил. В тронной было темно, за огромным стеклом переливалась огнями ночная Москва.

– Садись, – велел Глеб. – В кресло.

– Это трон? – осведомился Денис.

– Трон или не трон – потом разберешься, – сказал Глеб и повернулся к окну. – Смотри – видишь? Там, внизу, – люди. Много. Вон, гляди – огни погуще; это центр города. А там – темнота; значит, никто не живет. Там город заканчивается. В принципе, все ясно, да? Здесь их много – там их мало. Здесь, где ярко, – им, значит, хорошо. А там, где темно, – им плохо. Куда ты бросишь семя? Где для него почва? Конечно, там, где свет! Где людям хорошо. Тут и думать нечего. Бросаешь – и там, где было хорошо, становится плохо. Люди начинают шевелиться, двигаться, выживать и в конечном итоге становятся сильнее. Сначала они тебя проклинают, потом – спустя сто или двести лет – благодарят. Вот почему стебли выросли в Москве, а не на полуострове Ямал. Потому что сидел такой, как я или ты, и думал: где почва для семени? Где будем все менять? Там, где ничего не происходит, или там, где все бурлит? Разумеется, там, где все бурлит! В центре! Где люди, где светло, где тепло и сыто!

Кресло было твердым, неудобным.

– Ты хочешь сказать, что...

– Конечно, – сказал Глеб. – Грибница не сама выросла. Было семя, и был сеятель, он ждал, терпел, наблюдал и однажды запустил процесс...

Он сделал несколько шагов назад от стекла. Болезненно закашлялся, но овладел собой. Заговорил негромко, севшим низким голосом:

– Я, Глеб Студеникин, знаю, что сеятелем мне не быть. Не возьму на себя ответственность. Не могу. Не способен. Слишком слаб. Но зато я могу передать семя в руки более сильного и достойного...

Он протянул руку в направлении окна. Выстрел оглушил Дениса; стекло осыпалось, и в комнату ворвался ледяной ветер. Денис вцепился в подлокотники, уши заложило. Глеб отшвырнул пистолет. Его шатало, халат рвался с плеч, но он широко расставил тощие голые ноги, повернул к Денису лицо, закричал:

– Я сделал все, что мог! Продержался, сколько сил хватило! Совесть моя чиста. Я не бросил его в почву – это первое. Я не подпустил к нему гадов – это второе. Я нашел того, кому передать груз, – это третье... И самое главное! Ты – следующий, Денис.

Он пошел вперед. Денис вскочил, но не успел. Глеб раскинул руки, улыбнулся.

– Теперь ты, малыш! – крикнул он, и шагнул в черное пространство, и повторил, и конец фразы остался сзади и наверху, а начало вместе с Глебом Студеникиным полетело вперед и вниз, от света к праху, с холодного каменного уступа к живой земле.

– Ты – следующий.

Эпилог

Модест смотрел то на лицо Дениса, то на его руки, внимательно, почти нежно. Громко сопел. Кожа его зимой темнела, становилась цвета старой еловой хвои. Сегодня он был в рубаше. Недавно его вызывали в управу и деликатно попросили хотя бы зимой не ходить голым по пояс. Чтоб, значит, не смущать граждан.

– Везет тебе, Денис, – сказал он с завистью. – Я никогда не любил тонкую работу делать. А ты и кувалдой умеешь, и заплатку пришить мастер. Вон у тебя как ловко выходит. И иголки у тебя, и шильце, и суровье...

– Могу научить, – предложил Денис.

– Спасибо, – ответил Модест. – Но я тяжести люблю. Мне надо, чтоб позвоночник был под нагрузкой. Так доктор прописал. А ты лучше выбрось эту телогрейку и купи новую.

– Еще чего.

Модест ухмыльнулся.

– Сберегаешь сбереженное?

– Не в этом дело, – сказал Денис, вонзая иглу. – Я к ней привык, она по фигуре ушита. А новая будет месяц колом стоять. Кроме того, новые воняют жутко. Ватой лежалой, перепревшей...

Он встал, сунул руки в рукава, проверил, крепко ли вышло.

Вышло крепко.

– А главное, Модест... Я, знаешь, на двадцать втором году жизни догадался, что телогреечка штопаная – это самая для меня лучшая одежда. Шмотка номер один. И когда, Модест, я это понял – мне, знаешь, так весело сделалось, легко, просто... Как будто в жару пива холодного выпил. Ты зеленый человек, тебе одежда не нужна, тебе не понять.

– Объясни, – сказал Модест. – Может, пойму.

Денис засмеялся:

– Не обижайся. Конечно, ты все поймешь. Ты нас всех умнее. Я, Модест, много чем занимался, и там пробовал, и здесь, и деньги заколачивал, и часы бесплатные накапливал, и университет закончил, и кувалдой махал, и балабас таскал, и даже женился, но ничего в жизни пока не сделал. Понимаешь, да?

Модест кивнул:

– Конечно. Надо делать вещи.

– Не обязательно вещи. В смысле предметы. Но что-то такое... Может, это смешно... – Денис аккуратно повесил ватник на гвоздь, – но нет у меня морального права носить что-то, кроме штопаной телогрейки. Знаешь, как бывает: зайдешь стакан выпить, в тот же «Чайник», и видишь – сидит дядя, беспредельно крутой, одет, как министр, и поза у него, и взгляд, и манеры, и толстый лопатник кожаный, начинаешь с ним разговаривать – а он мудака полный. Лучше – наоборот, Модест. Лучше – наоборот... Вон, жена мне с первой зарплаты подарила тулупчик нагольный, с бобровым воротником, надел я его один раз – и снял. Я в этом бобровом воротнике – типичный разложенец... Какой-нибудь икорный спекулянт, или барыга подпольный, или валютчик с Тверской... Теперь я его раз в месяц надеваю. Когда мы с Таней в театр выбираемся.

– Как она, кстати?

– Нормально, – сказал Денис со специальной ленцой надежно женатого мужчины. – Тебе бы тоже надо подругу найти. Пора, брат.

Модест щелкнул языком в своей обычной манере и вздохнул:

– Не получается. Я тут с одной из наших переписывался, хорошая девка, девятнадцать лет, сто десять килограммов, цвет редкий, нежно-изумрудный, как мякоть у киви... Вроде была симпатия, интерес взаимный – а она возьми и корни пусти... В общем, ерунда получилась. Нынешние бабы странные. Ни в чем меры не знают. Или работают как безумные, или, наоборот, палец о палец не ударят... Разве ж можно в наше время меры не знать?

– Нельзя, – согласился Денис.

– Вот и я говорю – ну их к дьяволу, баб... А твоя что – больше не хочет под Купол?

– Может, и хочет, – усмехнулся Денис. – Но молчит. Там же целая эпопея вышла. Демографический инспектор – друг моей матери, и я его уговорил, чтоб он анкеты подделал, кое-что подправил... И Таню мою не взяли под Купол. Хотя должны были взять... Она рассчитывала на своего миллионера Голованова, но на него дело завели, и он эмигрировал в Чили. Так что ничего у моей Тани не вышло.

– С твоей и божьей помощью, – подсказал Модест.

– Ну да. Наверное. Теперь я ей сказал, что, если она еще раз про Купол заговорит – я возьму зародыш, отвезу и высажу прямо в центре Новой Москвы. Возле офиса корпорации «Русский литий». Годунов поможет. Он как раз новую книгу пишет. «Семя господ нашего». В общем, Таня все поняла.

– Это ты правильно, – сказал Модест. – Иди сюда. Посмотри, что я тебе притащил.

Денис заглянул в мешок.

– Березовые?

– А как же. Сухие, гореть будут – как порох.

– Спасибо, друг. Давай-ка мы подбросим полешко, прямо сейчас, а то холодно у меня... Зеленый человек посмотрел, как Денис шурует в печке кочергой, и посоветовал:

– Переезжай вниз. Куда-нибудь на десятый уровень, там сейчас хорошо топят. Жить в Москве и печкой греться – это не дело.

Денис кивнул.

– Заберешь у меня зародыш – сразу переберусь. Но пока тварь у меня – мне к людям нельзя. Побаиваюсь.

– Это ты правильно, – похвалил Модест.

– Хочешь посмотреть?

– Нет.

– И я не хочу, – пробормотал Денис. – Раньше, бывало, я по два часа сидел, глазел. Оно со мной разговаривало. Подмигивало. Иди, посмотри. Интересно же.

– Слушай, – сказал Модест. – Ты бы хотел увидеть момент своего зачатия? Посмотреть, как твой папа и твоя мама... Или лучше, как твой дедушка твою бабушку...

Денис подумал и сказал:

– Наверное, нет.
– То есть тебе это было бы неприятно?
– Конечно.
– Вот и мне неприятно, – сухо произнес Модест. – Давай контейнер, и я пойду. Дел много.

Денис выдвинул ящик из-под стула.
– Нам надо было сразу тебе его отдать, – пробормотал он. – Глеб остался бы жив...
– Чего ж не отдали?
– Сомневались.
– Во мне?
– В себе, – сказал Денис. – А что ты с ним сделаешь?
– Увезу, – ответил зеленый человек. – Его надо подальше от людей держать. Чем дальше – тем лучше. Есть у меня парнишка надежный, из наших... Хороший малый. Тридцать лет живет, как доктор прописал. Где – не скажу. Но место глухое, дальнее...

Модест взялся за ручку, поднял контейнер, взвесил в руке.
– Слушай, – сказал Денис. – А может, его на самом деле – под Купол? Бросим в почву – и все, нет никакого Купола!

– А дальше что? Все разложенцы резко заживут правильной жизнью?
– Да, – сказал Денис. – Ты прав, Модест. Не заживут. Забирай. Увези к парнишке надежному. И не говори куда.

– Не скажу, – серьезно произнес Модест. – Ладно, брат. Дай мне тряпицу какую, завернуть ящик, а то – сам знаешь...

Денис высыпал дрова – запахло баней, деревней, правильной жизнью – отдал мешок и спохватился.

– погоди, Модест. Слушай... Говорят, что семя стебля ни в коем случае не должно соприкоснуться с водой. Но если семена упокоены во прахе... ну, то есть лежат в земле – там же есть всякие грунтовые воды...

Собственно, он не очень знал, что такое правильная жизнь. И тем более не знал, чем она пахнет. Но догадывался, что пахнет она просто. Дровами, штопаными телогрейками, женой, снегом, чаем. Еще – кровью разрубленных на части врагов. Конечно, она пахнет не только примитивными навозными радостями физического труда; она может иметь запах сверхмощных литиевых аккумуляторов и даже ракет для суборбитальных полетов; тут главное – куда и зачем летать; кого и зачем питать от тех аккумуляторов.

– Чудак, – сказал Модест. – Ты, видать, географию плохо учил. А я – мутант, гомо флорус, я про почву и воду знаю все. Что значит «лежат в земле»? Какую землю ты имеешь в виду? Под нашими ногами – много километров осадочных пород, там есть плотные, глинистые слои, они вообще не пропускают воду...

Модест нахмурился, переложил ящик из руки в руку.

– Но это семя, – задумчиво произнес он, – не лежало в земле ни одной минуты. Это клон. Его вырастили искусственно.

– Откуда знаешь?

– Слишком слабый ток.

– Слабый? – изумился Денис. – Я этот проклятый ток за десять метров чувствую.

Модест покачал головой.

– От настоящего семени, – сказал он, – ток должен быть сильнее. Во много раз. Если бы это было настоящее семя, ты бы к нему вообще не подошел. Извини за прямоту – просто обоссался бы. От страха.

Денис помедлил. «Сейчас, – подумал он, – контейнер с семенем стебля исчезнет из моей жизни, и хочется верить, что навсегда; из-за него погиб мой друг и сам я едва не погиб; почему я ничего не чувствую?»

– А кто, – спросил он, – тебе это все сказал?

– Никто, – ответил Модест. – Я просто знаю, и все. С детства. Ты знаешь, как дышать,

как есть и пить, – а я знаю, что такое семя стебля.

– И ты знаешь, что с ним делать?

– Да. Знаю.

– Скажешь?

Модест вздохнул.

– Ничего с ним не надо делать. Пусть лежит. Пребывает в покое. А где оно лежит и как оно лежит – не должен знать ни один гомо сапиенс.

– А потом что?

– Ничего. Если с ним что-то произойдет – оно произойдет само собой. Без твоего или моего участия.

В печке звонко треснуло, и пламя загудело на полтона выше.

– Значит, Модест, ты не сеятель, – сказал Денис.

– Конечно нет. Какой же я сеятель? Я обычный зеленый человек.

Денис подумал, посмотрел на печку, на свою телогрейку, на висящую рядом кроличью шубу Тани и сказал:

– И я не сеятель.

Модест переступил с ноги на ногу.

– Сеятель ты или не сеятель – через два часа жду тебя внизу. Снег будем чистить. У подъезда и возле троллейбусной остановки. Лопату не забудь.

– Не забуду, – ответил Денис. – Что за разговоры, Модест? Когда, черт возьми, такое бывало, чтобы я забывал свою лопату?